

ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ

Демьян Бедный

2

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

*СТИХОТВОРЕНИЯ, БАСНИ, ПОВЕСТИ,
СКАЗКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ*

Н о я б р ь 1917 — 1920

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1954*

Составление и подготовка текста

А. А. ВОЛКОВА

Примечания

С. В. ЩИРИНОЙ И А. П. АНТОНЕНКОВОЙ

Н У Т Р О

Буржуи без одеял не останутся, так как, при широко развитых торговых наклонностях солдат, реквизированное, надо полагать, скоро вернется к старым хозяевам.

(«Н о в а я ж и з н ь».)

У «*Новой жизни*» вывод прост:
«Солдат — мошенник и прохвост.
Стащив с буржуя одеяло,
Он не сконфузится нимало —
За три целковых или пять
Буржую сбыть его опять».

Для «*Новой жизни*» это ново:
Сказать хоть раз такое слово,
В котором (правду скрыть хитро)
Сказалось все ее нутро:
Пустое, дряблое, гнилое,
Брезгливо-барское и злое!

ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ

(К избирательным спискам)

№ 1

НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ

«Первый» список — всё портреты.
Многих песенки тут спеты.
«Мертвых душ» подбор какой.
Со святыми упокой!

№ 2

КАДЕТЫ

Списки, листики, воззвания.
Мастера на обещанья!
Всё слова, слова, слова.
«Два» кадетское повсюду.
Трудовому, значит, люду
Счастье сладят? Черта с два!

№ 3

ХРИСТИАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ

Их семья «терпеть» готова
До пришествия Христова.

№ 4

БОЛЬШЕВИКИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 5

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЛИГА НАЦИОНАЛЬНЫХ
АССОЦИАЦИЙ СОЦИАЛИСТОВ-УНИВЕРСАЛЬЕРОВ

Хоть убейте, не пойму,
Что тут, собственно, к чему:
Я с подобным языком
Отродясь не знаком.

№ 6

У К Р А И Н Ц Ы

Хлопці! З вами заодно
Мы працюємо давно.
И товклы в одній нас ступі.
Голосуйте з нами вкупі!

№ 7

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЛИГА РАВНОПРАВЬЯ ЖЕНЩИН

Объясните нам заглавье:
Вам какое равноправье?
Только барынь меж собой?
А работницам отбой?
Им хорош и воздух спертый?
Дайте список им *четвертый!*
Знайте: есть у нас одних
Равноправье и для них!

№ № 8 и 9

Э С Е Р Ы

Вот *восьмерки и девятки.*
Но с эсеров взятки гладки.
Насулят — держи карман!
А получится — обман.
Краснобайство — разговоры,
На словах — золотые горы,

А на деле — поглядишь —
Родила гора их — мышь!
Не «земля и воля», где там!
Поякшавшись с кадетом,
Переправить *девять* в *два*, —
Вот девятка какова!

№ 10

ЛИГА РАЗВИТИЯ НАРОДА

Тоже, знаете, «развитье»:
Разрешать нам чаепитье.
Попивай вприглядку чай
Да развитье величай!

№ 11

РАДИКАЛЫ

Как-то где-то радикал
На свободу намекал.
Но, увы, его намеки
От свободы так далёки.

№ 12

ОБЪЕДИНЕННЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ

Всё попы, попы, попы,
Строя прежнего столпы,
Богомольцы за царей.
Поворот им от дверей!

№ 13

ЖЕНСКИЙ СОЮЗ ПОМОЩИ РОДИНЕ

Генеральша тут хлопочет:
Помогать кому-то хочет, —
Дам совет я генеральше,
Чтобы шла она подальше.

№ 14

НЕЗАВИСИМЫЙ СОЮЗ РАБОЧИХ,
СОЛДАТ И КРЕСТЬЯН

Молодцы. Подумать здраво:
Шаг налево, шаг направо,
Шаг назад и шаг вперед.
Независимый народ!
Черту дудка, богу свечка,
В шкуре тигровой — овечка,
Рыба с мясом, винегрет.
В чем программа их? Секрет!

№ 15

ПАРТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ХРИСТИАН-ДЕМОКРАТОВ

«Христианское смирение,
Подчиненье и терпение.
Протерпевши жизнь свою,
Упокоиться в раю»,—
Вот она программа тоже.
Дай ума им каплю, боже!

№ 16

ОБЪЕДИНЕНЦЫ

По шестнадцатому списку
Поднесут пустую миску,
Никого чтоб не озлить,
Так как нечего делить.

№ 17

МЕНЬШЕВКИ-ОБОРОНЦЫ

По семнадцатому списку
Поднесут оплесков миску,
Не возьмет никто помой,—
И пойдут они домой.

№ 18

ЕДИНСТВЕННЫЕ

С этих нечего спросить.
Мертвых трудно воскресить.

№ 19

СОВЕТ СЪЕЗДОВ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК

Тут орудует Каледин,
Но Каледин сам безвреден:
Трудовой казачий люд —
Он не станет за Иуд!

ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

«При долинушке стояла,
Калину ломала,
Я калинушку ломала,
В пучочки вязала,
Я в пучочечки вязала,
Край дорожки клала,
Край дороженьки я клала,
Примет примечала ¹,
Как я богу тут молилась:
«Боже ты мой, боже!
От Еремы вести нету
И от Вани тоже.
Вы, солдатики родные,
Живы ли вы оба?
Сердце, сердце, подскажи мне:
Кто ж моя зазноба?»
Письмецо прислал Ерема,
Белые листочки.
Как прочла письмо Еремы,
Не спала две ночи.
Мне писал-писал Ерема:
«Машенька ты, Маша!
Как у нас теперь в столице
Заварилась каша;
Спор большой, неразбериха
Да промеж полками:
Кто — эсерами доволен,

¹ Запев — народный.

Кто — большевиками.
Журавля эсеры хвалят:
Хороша-де птица!
Да на что журавль нам в небе,
Коль в руках — синица?!
С богачами нам бороться
Надо осторожно.
Час неровен, и синицу
Потерять ведь можно.
Надо десять раз отмерить
Маленькою меркой.
Я, Машутка, стал эсером,
Будь моей эсеркой!
Большевистские ребята —
Много в них размаху;
Дать хотят народу столько,
Что помрешь со страху:
Неча, бают, плесть нам лапти
Из худого лыка!
Сам народ себе хозяин,
Сам себе владыка!
Вся земля ему и воля!
Богачам с приплодом
Будет, дескать, по-былому
Помыкать народом!
Большевистскими полками —
Вот какие страсти!—
Нынче сброшены с насесту
Все чины и власти.
Шла с властями злая битва.
Большевик отпетый,
Друг приятель наш, Ванюша,
Ранен в битве этой».

Как Еремино письмо я
Все прочла до строчки,
А потом ревмя-ревела,
Не спала две ночи.
Как на третью-то я ночь
Косы расчесала,
Да всю ноченьку Ванюше

Письмецо писала.
Ах, калинушка-калина!
Было ль во примете?!
Нет Ванюши мне дороже
Никого на свете.
Были б крылья — полетела б
Я к Ванюше птичкой.
Не хочу я быть эсеркой!
Буду большевичкой!

ПСОЙ

Псой — оборотистый мужик,
Когда-то лавочник был местный.
Теперь он — просто ростовщик
И плут известный.

Путь у него к наживе прост:
Паук пускал денжатки в рост.
Росли денжатки помаленьку.

Опутал мироед родную деревеньку,
Потом — соседнюю, потом —
Округа целая ограблена плутом!

Люд бедный стоном стонет,
А Псой в довольстве тонет:

С спокойной совестью и без больших хлопот
Переливает, знай, в рубли народный пот.

Там урожай хорош ли, плох ли,
А Псою то и это впрок:

Содрав положенный оброк,
Псой крестится: «Не я б, так все б кругом
 подохли!»

Но под конец он так прижал всю бедноту,
Что стало ей невмоготу;

Ввалилися к нему голодные солдатки:
«Ты, дьяволов ты сын, съел наши все достатки!
Нет на тебя, на пса поганого, ружья!
Вот погоди ужо, придут с войны мужья!»

Вцепиться в бороду готовы бабы Псою.

Псой перед бабами—лисою:
«Спасибо, милые, за добрые слова.

Вот благодарность мне, я вижу, какова.
Такого ли от вас я чаял воздаянья
За все мои благодеянья?
Мужьями мне грозить?— Не страшно. Я не трус:
Придут — там будет видно.
Мне, главное, обидно:
За что вы на меня?» — Наговорив турус,
Псой выпроводил баб и в первую же ночь,
С собою прихватив сундук, жену и дочку,
Удрал,— куда? — бог весть.
Сумел следы замести.

*

В собрание одно на днях попав случайно,
Был удивлен я чрезвычайно.
Псой объявился тут. Растрепанный и злой,
Кричит: «Долой! долой!»
Бранит большевиков и чем-то их страшит,
Эсеров очень восхищает.
Интеллигентки от Псоя без ума:
Вот, дескать, мудрость где народная сама!
А то скрывают крохоборы,
Что мироед у них пришел искать опоры!

ПОСЛЕВЫБОРНЫЙ АСТРОНОМИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Большевиcтская звезда
Ярким светом светит.
В чистом небе без труда
Всяк ее заметит.
Словно выцветший плакат,
Звездочка кадета:
Повернула на закат
Мертвая планета.
Смотрит горестно эсер
На свою комету:
«Был весной какой размер,
Нынче — трети нету!»
Меньшевик клянет судьбу.
Очень уж обидно:
«И в подзорную трубу
Ничего не видно!»

КТО С КЕМ

Про Еремея Ильича
Да Прова Кузьмича
Всяк скажет: «Богачи первейшие в округе».
И вот поди ж ты: два первейших богача
Двух добрых слов сказать не могут друг о друге,
У Прова Еремей —
Собака, лютый змей,
Мошенник, кровопийца!
У Еремея Пров —
Вор изо всех воров
И чуть ли не убийца!
Кто только богачей не пробовал мирить!
Поп даже проповедь сказал на этот случай.
Куда! О мире Пров не хочет говорить.
Ерема ходит туча тучей.
Не знала ни одна душа,
Из-за какого барыша
Так разъярились оба,
Что вот, кажись, порвут друга друга на куски,—
Что не уляжется у них, как видно, злоба
До гробовой доски.
Ан вышло дальше чудо:
Вдруг по селу пронесся слух:
От батраков пришлось Ереме, дескать, худо —
Бунтуют, всё разносят в пух.
Услыша о разгроме,
Кто ж первым бросился на выручку к Ереме?
Кто? Пров Кузьмич, не кто иной.

Забывши прежние с Еремою все счёты,
Он, батраков своих в минуту сняв с работы,
Кричит: «Ребятюшки, за мной!
Проклятых бунтарей проучим так, ребятки,
Чтоб вечно помнили, как делать беспорядки!»
Тут чудо новое стряслось,
Среди «ребятюшек» такое поднялось,
Что подобру да поздорову
Счастливым случаем лишь Прову
От батраков своих укрыться удалось!

*

Всем, кто пугает нас «союзными» штыками,
Скажу: морочьте дураков!
Чтоб батраков душить батрацкими руками,—
Да где ж найдете вы подобных батраков?
Кривляки злые «Дня», продажные актеры!
Иуды гнусные, засевшие в «Речи»!
Зовите палачей! Но кто же палачи?
Ужель французские шахтеры?
Ужель английские ткачи?
Я вас приветствую, предательские перья!
И рад я каждому гнуснейшему листу:
Побольше смелости, поменьше лицемерья,
Валите есе начистоту!
Холопы барские, являйтесь в ливрее!
Пусть видит весь народ, кто враг его судьбе,
Удар, который вы готовите себе,
На ваши головы пусть рушится скорее!

ТОЖЕ ПАРТИЯ

*Наша тактика в земельном вопросе...
Мы надеялись предостеречь самовольный,
беспорядочный захват помещичьих земель,
оставшихся без всякой защиты... (Благодаря
коалиции) получилось топтание на одном
месте... По этим плачевным результатам...
никак нельзя (ой ли?!) судить о тактике
партии в аграрном вопросе...*

(«Дело народа», 21 ноября с. г.)

I

«Дело народа» — не дело народа,
Что ни статейка — все пень да колода.
Жалкие речи про жалкую «тактику».
Совестно, видно, ссылаться на
«практику»!

II

Чем не партия, ей-богу!
Век слыла за недотрогу.
Гордой павой выступала,—
Ан, гляди, как низко пала!
И румяна и белила...
С кем ты, партия, шалила?
«Ах, кому какое дело,
Что я с Керенским сидела!»

ЭСЕРОВСКОЕ БЕССТЫДСТВО

Сколько доблестных примеров!
Полюбуйтесь на эсеров,
Как они свою старушку
Превратили в побирушку.
Вот она — эсерья повесть:
Потерявши стыд и совесть,
Богачам сдались без бою
И с покорною мольбою
Ждут, воззрясь на денег пачки,
Хоть какой-нибудь подачки!
«Ой вы, горе-подлецы,
Буржуазные скворцы!
В клетках век вам вековать,
Зерна барские клевать,
С барских ручек вечерком
Баловаться сахарком!»

ТАВРИЧЕСКИЙ ДВОРЕЦ

*Вся власть Учредительному собранию!
Вопль отчаявшихся буржуев
и «социал-предателей».*

На Невском буржуи вчера «выступали»,
По Невскому неся их жалобный вой:
«Пропали достатки все наши, пропали!
Мы жертвою пали в борьбе роковой!»
Проклявши «отродье» предместий фабричных,
Буржуи, грозя дать «злой черни» отпор,
Склоняли знамена у банков столичных,
Рыдали навзрыд у банкирских контор.
Прошли весь Литейный, пошли по Шпалерной.
Узревши Таврический дряхлый дворец,
Гадали на пальцах в тоске суеверной:
Удастся иль нет им игрой лицемерной
Опять оттянуть свой жестокий конец?
«Нас выручат только казацкие плетки!»
«Не верю я в свой депутатский билет!»
Чернов, Милюкова обняв у решетки,
Рыдал ему долго в пикейный жилет.
На нового друга загадочным взглядом
Глядел, ухмыляясь, кадетский хитрец.
Вороны тревожно кричали над садом,
И сумрак спускался на дряхлый дворец.

*

Суровый хозяин равнины холодной,
Народ, ты создашь *Всенародный Совет*
Не здесь! Не в темнице свободы народной
Свобода родится на свет!

БАРСКИЙ НАХРАП

Вся власть нам!

Буржуазные вопли!

Давно ль? Прошло всего каких-нибудь полвека
С тех пор, как власть «господ» была так велика,
 Что баре мужика
 Стеснялися считать за человека!
 Любая сволочь из «господ»
 Смотрела на простой народ,
Как на безгласную рабочую скотину,
Покорно гнущую пред «господами» спину.
 Любой плюгавый самодур
 Драл с мужика семь шкур,
 Выматывал у бедняка всю душу,
Вгоняя в жир свою откормленную тушу.
Днем барин — барствовал, а приходила ночь —
 Законно, без помехи,
Он брал у мужика единственную дочь
 Для собственной утехи.
Кто на насильника посмеет посягнуть?
Строптивца вправе он в бараний рог согнуть!
 Вся власть над челядью несчастной
Была дана ему другою силой властной.
Злодеи гнусные повластвовали всласть!

*

Когда корниловцы вчера, через решетку
В Таврический дворец прокравшись, драли глотку:
 «Нам — власть! Вся власть! Вся власть!»,

Я думал: «Наглецы! Отъевшиеся баре,
К чему вы рветесь в отчаянном угаре?!
Фальшивый спрячьте ваш мандат!
Утихомирьте ваши страсти!
Стал трудовой народ у власти:
Мужик, рабочий и солдат!»

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ

в конверте, адресованном «Его благородию Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину)», прислал на бумаге, украшенной княжеским гербом, письмо такого содержания:

«Владимир Ильич,

Прочитав «декрет об уничтожении сословий» и т. д., я открыл Гёте и вот что прочел:

Im Nebelgeriesel, im tiefen Schnee,
Im wilden Wald, in Winternacht,
Ich hörte der Wölfe Hungergeheul,
Ich hörte der Eulen Geschrei:
Wille wom wom wom!
Wille wo wo wo!

и т. д.

Примите уверение в должных к Вам чувствах.

Светлейший князь Петр Петрович
Волконский».

Беру на себя смелость дать слабый перевод утешившей бывшее «сиятельство» строфы Гёте, продолжив ее соответственным образом:

В туманной мгле, в сугробах снежных,
Ночной порой, среди глухих лесов,
Я слышу вой волков голодных и мятежных,
Я слышу крики сов:
У, вы! У, вы!
У — вы!

В тревоге горестной, прислушиваясь к вою,
Светлейший князь поник светлейшей головою:
Ужели скатится корона с головы?
— Увы!

Светлейшей голове быть без короны княжьей,—

Нет силы у князей бороться с силой вражьей:
Кость черная дает всей кости голубой
Последний, страшный бой!

— Ой! — Ой! — Ой!

Волконский, кланяйся всем прадедам и дедам!
Конец приходит дармоедам.

Забудь свой княжеский покой,

Пошевели рукой,
Возьмись-ка за работу

До усталости — до поту,

Отведай жизни трудовой,

А там уж вой:

— Ой! — Ой! — Ой!

ПТИЦЕЛОВЫ

Весною некий птицелов
Ловил перепелов:
Лежал в траве густой часами,
На сети на свои глядел издалика,—
Перепела ж ловились сами.
Была ли на сетях приманка велика?
Да ровно никакой! Доверчиво и смело
Шли птицы на привычный зов:
Обманщик ловкий, птицелов
Перепелиный бой подделывал умело!

*

Как много в наши дни вот этаких ловцов
Средь политического поля!
— «Земля и воля!»
— «Земля и воля!»
— «Права!»— «Порядок!» — «Хлеб!» —
свистят со всех концов.
Кто верит всякому «на вид — социалисту»,
Те уподобятся легко перепелам.
Друзья, судите не по свисту,
А по делам!

ПЛОХОЕ УТЕШЕНИЕ

Оренбургское войсковое правительство энергично готовится к борьбе с большевиками. Атаманом Дутовым стягиваются все мобилизованные казаки, причем концентрация казачьих войск происходит в направлении Царицына, Кинели и Астрахани.

(«Н о в ы й л у ч», 8 дек.)

«Нет Каледина! Авось
Поякшаемся мы с *Дутсвым!*»
Меньшевик, надежды брось:
Дутсв станет *Подведутсвым!*
Вот, как пить дать, подведет!
Кто осилит рать свободную?
Трудовой казак нейдет
На измену всенародную!

МЕЧТЫ 109 ДЕПУТАТОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

*«Мир, земля и воля — вот наше знамя в
Учредительном собрании для первых дней и
недель».*

(Из письма 109 депутатов
«народу».)

Депутатского письма
Содержание весьма
Умилительное:
«Депутатское лицо
Не пускают на крыльцо
Учредительное!

Мы толпимся у дверей,
Ах, скорей, скорей, скорей!
Нам неможется.
Дорог, дорог каждый час,
Царство русское без нас
Все разложится!

Рты бы только нам открыть,
Показали бы мы прыть
Учредительную!
«Мира, воли и земли!»
Мы бы песню завели
Удивительную.

День пропели и второй,
А на третий — в скрипке строй
 Поубавили.
И, вздохнувши веселей,
Мы бы крылышки смелей
 Порасправили!

В ход пустивши пустомель,
Черный люд бы пять недель
 Мы морочили:
Ду-ду-ду да ду-ду-ду!
Глядь, помещичью беду
 И отсрочили!

Ду-ду-ду да ду-ду-ду!
Знай, натягивай узду
 Помаленечку.
Неча дело торопить,
После можно прикупить
 Деревенечку!

После. После. А пока
Объезжали б мужика
 Норовистого,
Да в деревню той порой
Привели казаков строй,
 С ними — пристава.

Через полгода — через год
Пустим «полный задний ход».
 Что нам станется?!
Как оглянется народ:
Ни земельки, ни свобод
 Не останется.

Ежли, вставши на дыбы,
Разъяренные рабы
 С нами схватятся,—
Мы учены уж, ей-ей,
Толстой шкурою своей
 Все поплатятся:

Бунтарей в кнуты, в кнуты!!
Ох вы, сладкие мечты
 Упоительные!
Ох, кружится голова,
Ох, скорей бы нам права
 Учредительные!»

М И Р!

Умолкли злобные проклятья.
Кровавый кончен пир.
И близок, близок, сестры, братья,
Мир, долгожданный мир!

— Мир! — зову братскому я внемлю.
Вчерашний враг — мне друг.
Где кровь лилась, сырую землю
Прорежет мирный плуг!

Звени, набата голос медный!
Вставай, рабочий люд!
Пой, торжествуя, гимн победный,
Освобожденный труд!

ДОНСКАЯ ПЕСНЯ

Казак вино пьет,— денег не дает,
Денег не дает, девицу зовет:
«Поедем со мной к нам на тихий Дон!
У нас на Дону весело живут:
Не ткут, не прядут,— сладки вина пьют!»
Отвечает тут девица с тоской:
«Ах, любезный друг, ты казак донской,
Ах, не надо мне твоих сладких вин:
Любо жать мне хлеб да свозить в овин,
Любо мне попрясть, любо мне поткать,
К доле трудовой мне не привыкать.
Песни трудовой — нету веселей,
Трудовой казак мне всего милей.
Ты скажи-скажи, кто ты есть таков:
Из какой семьи, из каких полков?
За кого стоишь на родном Дону,
За простой народ аль за старшину?»
Весь расцвел казак, словно алый мак,
Свой, в мозолях весь, крепко сжал кулак:
«Ты, душа-краса, погоди-постой:
Я донской казак из семьи простой;
За простой народ я в родном краю
Как допрежь стоял, так теперь стою.
И вся речь твоя больно мне любя,
Знать, свела с тобой нас одна судьба.
Уж как похвалюсь я на всем Дону,
Что послал мне бог чистый клад — жену:
Она — ткать и прясть, она — поле жать,
Вольных казаков каждый год рожать!»

У ГОСПОД НА ЕЛКЕ

Помню — господи, прости!
Как давно все было!—
Парень лет пяти-шести,
Я попал под мыло.

Мать с утра меня скребла,
Плача втихомолку,
А под вечер повела
«К господам на елку».

По снежку на черный ход
Пробрались искусно.
В теплой кухне у господ
Пахнет очень вкусно.

Тетка Фекла у плиты
На хозяев злится:
«Дали к празднику, скоты,
Три аршина ситца!

Обносились, что мешок:
Ни к гостям, ни к храму.
Груне дали фартушок —
Не прикроешь сраму!»

Груня фыркнула в ладонь,
Фартушком тряхнула.
«Ну, и девка же: огонь!—
Тетушка вздохнула. —

Все гульба нейдет с ума,
Нагуляет лихо!
Ой, никак, идет «сама»!»
В кухне стало тихо.

Мать рукою провела
У меня под носом.
В кухню барыня вошла,—
К матери с вопросом:

«Здравствуй, Катя! Ты — с сынком?
Муж, чай, рад получке?»
В спину мать меня пинком:
«Приложися к ручке!»

Сзади шум. Бегут, кричат:
«В кухне — мужичонок!»
Эвон сколько их, барчат:
Мальчиков, девчонок!

«Позовем его за стол!»
«Что ты, что ты, Пепка!»
Я за материн подол
Уцепился крепко.

Запросившись домой,
Задал реву сразу.
«Дём, нишкни! Дурак прямой,
То ль попорчен сглазу».

Кто-то тут успел принести
Пряник и игрушку:
«Это пряник. Можно есть».
«На, бери хлопушку».

«Вот — растите дикарей:
Не проронит слова!..
Дети, в залу! Марш скорей!»
В кухне тихо снова.

Фекла злится: «Каково?
Дали тож... гостинца!..
На мальчика глядят как: во!
Словно из зверинца!»

Груня шепчет: «Дём, а Дём!
Напечем-наварим.
Завтра с Феклой — жди — придем.
То-то уж задарим!»

Попрощались и — домой.
Дома — пахнет водкой.
Два отца — чужой и мой —
Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра
Пьяное соседство.

*

Незабвенная пора,
Золотое детство!

КТО ЗАЩИЩАЕТСЯ

Защищайте Учредительное собрание!

Б у р ж у а з н ы й в о п л ь.

Защита? Чья? Кого? Откуда ждать похода?
Народной воле кто указ?
Она сама! Но каждый раз
Ей указать пути хотят... враги народа!
«Иди туда!» — «Иди сюда!»

*

Чьи иступленные мы всюду слышим вопли?
Кто «защищается»? Не барин ли? Не поп ли?
Кого хотят надуть все эти господа?
 Какое нужно им «Собрание»?
 На что надеются они?
 И чьих «священных прав поправье»
 Их огорчает в наши дни?

*

«Мир, воля и земля!» Но чьей минувшей властью
Народ был ввергнут в страшный бой?
Кто заграждал пути народу к воле, к счастью?
Кто барски помыкал его лихой судьбой?
Кто лучшие себе отмежевал уголья?
Кто села изнурял и нищил города?
Куда ж девались все эти «благородья»?
 Куда?!
Все тут они, гляди: прикрывшись новой шкурой,
Свободолюбцы на словах,
 В борьбе с рабочей диктатурой
 Вопят о «поправных правах»!!

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Как хочется забыть недавний наш позор —
«Дни царские», когда, преступный теща взор
Венчанного короной идиота,
По полю Марсову шла «гвардии пехота»,
Толпились вокруг царя вельможи-подлецы,
И зычно голосом пропойным
Горланил царь колоннам стройным:
«Зда-ро-ва, ма-лад-цы!!»
Пред рожей выродка, безмозглого кретина,
Зло помыкавшего народною судьбой,
В шинелях серых шла под барабанный бой
«Святая серая скотина»¹.
По «рюмке водки» ей дарили палачи,
Несли рублевые «гостинцы».
— Ура, Семеновцы! — Спасибо, Москвичи,
Преображенцы и Волынцы!—
Мундиры разные и разные полки.
И вышибло совсем из царского понятия,
Что, различаясь «формой платья»,
Полки — единая трудящаяся братья,
«Одной деревни мужики».
Что от родной сохи оторванный бедняга
Не краскою петлиц свою окрасит цель,—
Что мужику мила не серая шинель,
А серая сермяга.

¹ Так величали прежде преданных им солдат царь и его прислужники.

Собаке — цепь, волю — ярмо, коню — узда!
Вот серая шинель была чем для солдата.

Шинели серой путь туда,
Куда ушло все то, чему уж нет возврата.
Не разные полки, а всенародный полк,
Ты обмануть себя не дашь в огне и в буре,
И не допустишь ты, чтоб злой твой враг, как волк,
Пролез к тебе в поддельной шкуре.
Не верь отравленным листкам клеветников,
Не верь словам лукавой лести.

Сквозь нежные слова ты слышишь звон оков
И шип змеиный тех, кто жаждет страшной мести?

Не вычерпать зараз сплошного моря зла,
Мир, воля и земля — их не получишь даром;
Наследья тяжкого проклятого узла

Не рассечешь одним ударом;

Еще не срыты до конца —

Работа рабских рук — темницы нашей стены.

Но торжества залог — в отважности бойца.

И пусть запомнят те, чьи робкие сердца

Отравит яд врага-льстеца,

Что робость их — сестра измены!

КЛЯТВА

*Это будет последний
И решительный бой.*

(Из «Интернационала».)

Шли за попом, как за пророком,
Молили жалобно царя.
Незабываемым уроком
Стал день девятый января.

Оплакав братские могилы,
Прокляв навек слова мольбы,
Мы накапливали долго силы
Для сокрушительной борьбы.

День расправы кровавой,
Мы клялись тобой
Завершить твоё дело
Всенародной борьбой!

Терзал нам грудь орел двуглавый.
Палач казнил нас без суда.
И шли не раз мы в бой кровавый
Под красным знаменем Труда.

Врагов настигла злая кара.
И после многих страшных встреч
Для беспощадного удара
Мы поднимаем грозный меч.

День расправы кровавой,
Мы клянемся тобой:
*Это будет последний
И решительный бой!*

ТРУДОВОЕ ВОЙСКО

*Со тиха Дона был охотник.
(К а з а ц к а я п е с н я.)*

Ехал со тихого Дона охотник,
Казак удалой и работник,
Звериною ехал тропюю,
Искал для коня водопою.
Скакал он три дня и три ночи,
Гнал конька, что есть силушки-мочи.
«Доеду,— гадал,— не доеду?»
Погоня скакала по следу.

Как доехал казак до станицы,
Напоил он конька из криницы.
Напоивши конька из криницы,
Он спросил у прохожей девицы:
«Уж любовь ли моя, ты досада,
Не видала ль какого отряда?»
Отвечала казачка казаку:
«На тебе никакого нет знаку,
Кем ты прислан сюда и откуда.
От старшин аль от бедного люда?»
Отвечал молодец ей с усмешкой:
«Говори же скорее, не мешкай.
Аль не слышишь погони за мною?
На ножах я со всей старшиною!»
Не сказала казачка — пропела:
«Коль не враг ты народного дела,
Научу я братишку Афоню,

Как со следу сбить злую погоню.
Ты ж спокойно отселева шагом
Поезжай этим самым оврагом.
Час проедешь оврагом не боле,
На пикеты наедешь ты в поле,
Там увидишь и слева и справа —
Рядовая все наша застава,
Сила наша за ней рядовая,
Рать казацкая вся трудовая.
Приставай там к любому отряду.
Дай вам, господи, общего ладу!»

*

Вам казаки, товарищи братья,
Открываем мы наши объятья.
С вами вместе мы твердо и смело
Постоим за народное дело.
Став единой семьей трудовой,
Не боимся мы вражьего вою:
Нам, работникам фабрик и пашен,
Никакой вместе дьявол не страшен.

**МИТРОШКИН ЗАЯЦ,
ИЛИ ЗЕМЕЛЬНЫЙ ДЕКРЕТ
ПОКОЙНОГО ЭСЕРОВСКОГО
УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ**

Какой был случай: поутру
Митрошка зайца нес к господскому двору,—
Мужик угодлив был и до подачек лаком,
Ступал он по давно проторенным следам,—
Митрошкин заяц был, сказать короче, зна́ком
Любви Митрошкиной, холопской, к господам.

И вдруг — такая незадача!

Стоит Митрошка, чуть не плача:

Откуда ни возьмись, на скакуне лихом

Батрак помещичий, Пахом,

И у несчастного Митрошки хватъ зайчишку

Себе подмышку!

Хватъ — и айда!

Такое, дескать, блюдо

И батраку поесть не худо.

Пропала барская еда!

Так что ж Митрошка наш? Не показать чтоб вида,

Как велика его обида

(Ведь зайца все равно ему уж не видать!),

Кричит Митрошка вслед Пахому:

«Бери, брат, зайчика!.. Не отдал бы другому,

Ну, а тебе... ей-ей, я сам хотел отдать!»

Повадка истинно эсерья:
Смесь хамской подлости и злого лицемерья.
Так «учредительный» их сброд,
На власть Советскую рискнув идти походом,
Землею наделял народ,
Землей, которая... уже взята народом!

ПОКОЙНИЦА

Умерло ли Учредительное собрание?

(Черновское «Д е л о», 24 янв.)

«Экая вышла непоруха, —
Плачется дядя Викторушка, —
Что-то мне плохо эсерится,
Что-то в успех мне не верится,
В партию ль встать мне кадетскую,
Власть ли признать мне советскую?
Кончив совсем с Учредилкою,
Крест водрузить над могилкою?
Только денек поэсерили,
Как уж тебя и похерили.
Дай мне, голубка, ответ,
Что ты, жива или нет?»
«Умерла, родименький, умерла,
Умерла, Викторушка, умерла».

МЫ НЕ ОДНИ

Мы ждали, в даль вперяя очи,
Когда ж откликнутся они?
Мы шли одни во мраке ночи,
Мы шли одни.

Но, веря в близкий час рассвета,
В один сомкнувшийся порыв,
Мы ждали братского ответа
На наш призыв.

И вот горит заря пожаром,
Зажглися братские огни.
Друзья! Боролись мы не даром!
Мы не одни.

МЕРТВОЕ УМИРАЕТ

«Единство» взяв случайно в руки,
Читатель умирал со скуки,
И вдруг неожиданный камуфлет:
Читатель жив — «Единства» ж нет.
«Единство» кончило работу,
Почив под общую зевоту.
Рыдает «Новый луч» в тоске —
Жизнь и его на волоске.
И «Новой жизни» слышны вздохи.
Там то ж делишки очень плохи,
Ни взад, бедняжка, ни вперед, —
Видать, придет и ей черед
Почить при равнодушье общем.
Жалеем очень, но не ропщем.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Везут меня иль сам я еду,
Но знаю, сидя на возу,
Что рано праздновать победу,
Что гады ползают внизу,
Что воздух весь насыщен ядом
И что свободно мы вздохнем,
Когда в бою с последним гадом
Ему мы голову свернем.

Друзья, в великом, как и в малом,
Есть заповедная черта:
Перед *последним перевалом*
Дорога более крута.
Напрячь должны мы все усилия,
Чтоб после схватки боевой
С вершин в *Долину избылья*
Войти семьею трудовой!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Мы — пожара всемирного пламя,
Молот, сбивший оковы с раба.
Коммунизм — наше красное знамя,
И священный наш лозунг — борьба.
Против гадов, охрипших от воя,
Пожиравших все наши труды,
Для последнего страшного боя
Мы сомкнем трудовые ряды.

Кто честен и смел, пусть оружие берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть, иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Наших братьев погибших миллионы,
Матерей обездоленных плач,
Бедняков искалеченных стоны —
Скажут нам, где укрылся палач.
Пусть же знает, укрывшись в палаты,
Кто служил золотому тельцу,
Что настал час жестокой расплаты
Кулаку и банкиру-дельцу.

Кто честен и смел, пусть оружие берет
(и т. д.).

Всем насильникам воли народной,
Всем кормившимся нашим трудом,
Всем, кому был статьею доходной

И завод и молитвенный дом,
Всем, чьих прибылей ради разбойных
Наша кровь и текла и течет,—
Умиравшие, гнившие в войнах,
Неоплатный предъявим мы счет.

(Привев.)

Нам грозят еще гнусные гады,
Но уж пробил последний их час,
И не будет в бою им пощады,
Им, не знавшим пощады для нас.
Пусть не знают бойцы сострадания,
Чтобы враг обмануть нас не мог.
На развалинах старого зданья
Возведем мы наш светлый чертог.

(Привев.)

Никакая на свете работа
Для мозолистых рук не страшна.
Но ничья от народного пота
Не разбухнет уж больше мошна.
Хищный плут будет жадничать втуне,
Не набьет он своих сундуков.
В трудовой пролетарской коммуне
Нет богатых и нет бедняков!

(Привев.)

Против общего злого вампира,
Против шайки попов и господ
Встаньте, все пролетарии мира,
Обездоленный черный народ!
Встаньте, рыцари нового строя!
Встаньте, дети великой нужды,
Для последнего страшного боя
Трудовые смыкайте ряды!

Кто честен и смел, пусть оружие берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть, иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед!

НОВОЖИЗНЕНСКИЕ ЛЯГУШКИ

Чем демократичнее власть, тем она дороже обходится народу.

(«Новая жизнь», 16—3/II.)

Вот это строгий суд! Суда не надо строже:
Народная им власть обходится дороже,
Чем власть — какая же? Ну, что стесняться зря!
Чья власть милей вам и дешевле?
Не ваши ль это предки древле
Пред Зевсом квакали, чтоб дал он им царя?

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУДОК

Глубокою ночью воздух морозный
Прорезал призыв твой тревожный и грозный:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

Твой голос, стозвучным подхваченный гудом,
Звучал, как набат, над трудящимся людом:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Насильник стоит у ворот!»

Твой клич повторил пролетарий всесветный,
Доносится к нам его голос ответный:
«Проклятье злодеям, творящим разбой!
К оружию, народ трудовой!»

Услышав твою боевую тревогу,
К нам рать трудовая спешит на подмогу,
И, слыша ее сокрушительный шаг,
Трепещет зарвавшийся враг.

Священные храмы *труда и свободы*,
Застыли в суровом молчанье заводы,
Проходят пред ними в щетине штыков
Ряды пролетарских полков.

Гуди же, гудок! Всему миру поведай,
Что все мы умрем иль вернемся с победой!
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

РАБОТНИЦЕ

Язык мой груб. Душа сурова.
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты — «работница-сестра».

Когда казалось временами,
Что силе вражьей нет числа,
С какой отвагой перед нами
Ты знамя красное несла!

Когда в былые дни печали
У нас клонилась голова,
Какою верою звучали
Твои бодрящие слова!

Пред испытанья горькой мерой
И местью, реющей вдали,
Молю, сестра: твоею верой
Нас подними и исцели!

МАЯК

Мой ум — мужицкой складки,
Привыкший с ранних лет брести путем угадки.
Осилив груды книг, пройдя все ранги школ,
Он все ж не приобрел ни гибкости, ни лоска:
Стрелой не режет он воды, как миноноска,
Но ломит толстый лед, как грузный ледокол.
И были для него нужны не дни, а годы,
Чтоб выровнять мой путь по маяку Свободы.

Избрав, я твердо знал, в какой иду я порт,
И все ненужное, что было мне когда-то
И дорого и свято,
Как обветшалый хлам я выбросил за борт.
Душа полна решимости холодной —
Иль победить, иль умереть свободной.
Все взвешено. Пути иного нет.
Горят огни на маяке Свободы.
Привет вам, братья, с кем делю я все невзгоды!
Привет!

ПЕСНЯ ДЕДА СОФРОНА

Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, иду, я все иду,
Я все иду,—
По дорожкам, по проселочкам плетусь,
Плетусь, плетусь...
Приюти меня, прими, родная Русь,
Родная Русь!
Побреду я от деревни до села,
И до села,
Зазвоню я, дед, во все колокола,
Колокола.
Ой ты, медь, ты, медь певучая, гуди,
Гуди, гуди,
Всю Расеюшку набатом разбуди,
Да разбуди.
Как я гряну во все сорок сороков,
Да сороков,—
Как я крикну на Москве всех батраков,
Всех батраков:
Гей, ты, черный люд, рабочий, трудовой,
Люд трудовой,
Встань за вольную отчизну головой,
Встань головой!
Лютый враг стал ногой в родной земле,
В родной земле!
Гей, не быть — не быть нам, братцы, в кабале,
Да в кабале!
Не потерпим вновь татарской злой поры,
Лихой поры.

Гей, точите-ко вы, братцы, топоры,
Да топоры!
А чтоб вышли ваши косы все остры,
Да все остры,—
Чтоб готовы были вы зажечь костры,
Зажечь костры,
И по первой по тревоге боевой,
Да боевой,
Заградить себя стеною огневой,
Да огневой.
То-то вороги заскачут! Их-ха-ха!
И эх-ха-ха!
Как мы красного им пустим петуха,
Да петуха!
Гей, ты, Русь, ты, Русь родная, вольный край,
Наш вольный край,
Боевую свою силушку собирай,
Да собирай!

Ты дуди, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, проселками иду,
Иду, иду!..
Ге-ей!..

«П Р А В Д Е»

Брожение юных сил, надежд моих весна,
Успехи первые, рожденные борьбою,
Все, все, чем жизнь моя досель была красна,
Соединялося с тобою.
Не раз теснила нас враждебная орда
И наше знамя попирала,
Но вера в наш успех конечный никогда
У нас в душе не умирала.
Ряд одержав побед под знаменем твоим
И закалив навек свой дух в борьбе суровой,
В тяжчайшие часы мы верим: мы стоим
Пред новою борьбой и пред победой новой!
Стяг красный водрузив у древних стен Кремля,
Стяг красный «Правды» всенародной,
Знай, трудовая рать, знай, русская земля,
Ты выйдешь из борьбы — великой
и свободной!

БАТРАЦКАЯ

Песня

У окошечка сижу
Да в окошечко гляжу.
Эх-ма!

Три деревни, два села...
Ну ж, ребятушки, дела!
Эх-ма!

Из деревни от отца
Поджидаю письмеца.
Эх-ма!

Как письмо я получу,
Сундучок заколочу.
Эх-ма!

По дорожке по прямой
Едет молодец домой.
Эх-ма!

Поклонюся я родне,
И сохе, и бороне.
Эх-ма!

И сохе, и бороне,
Всей родимой стороне.
Эх-ма!

Окружит меня родня,
Будет спрашивать меня.
Эх-ма!

Поведу с родней я речь,
Как нам волю уберечь.
Эх-ма!

Где налечь и где нажать,
Чтоб земельку удержать.
Эх-ма!

Чтоб не взгрел нас барский бич,
Кликну я по селам клич.
Эх-ма!

Кликну клич средь мужиков:
«Все в ряды большевиков!»
Эх-ма!

Все — в ряды большевиков!
Собирай всех батраков!
Эх-ма!

Собирай всех батраков!
Напирай на кулаков!
Эх-ма!

МЕНЬШЕВИСТСКИМ ЛИЦЕМЕРАМ

Меньшевистские повадки
И речей их дребедень,
Их бесстыжие нападки
Знаем мы не первый день.

Передержки, подтасовки,
Резолюций лживых пук,
Хитроумные уловки,
Воровская ловкость рук.

Если врут — то без заминки,
Если плачут — то навзрыд,
Обездоленные свинки
У разрушенных корыт.

Буржуа? — Позвольте ручку!
Большевик? — Долой! Ату!—
За какую ж вы получку
Продаете бедноту?

Возмущаясь «безобразьем»
Петербурга и Москвы,
Над несчастным Закавказьем
Что теперь творите вы?

Что вы скажете, к примеру,
Если, взяв у вас урок,
Примерять к вам вашу меру
Мы начнем... в ближайший срок?

НА ЗАВАЛИНКЕ
(Беседа деда Софрона)

Кто на завалинке? А, ты, сосед Панкрат!
Здорово, брат!
Абросим, здравствуй! Друг Микеша, это ты ли?
Ну, что вы, деда не забыли?
А я-то до чего вас, братцы, видеть рад!..
Покинувши на время Петроград,
Прибрел я, старина, в родную деревеньку.
Что? Как мне в Питере жилось?
Перебивался помаленьку,
Всего изведать довелось.
С врагами нашими за наше дело споря,
Немало вытерпел я горя,
Но... терпит бог грехам пока:
Не только мяли нам бока,
Мы тоже кой-кому помяли их изрядно.
Да, схватка крепкая была...
Как вообще идут дела?
Ну, не скажу, чтоб очень ладно:
Тут, глядь, подвох, а там — затор.
Народные враги — они не дремлют тоже.
Одначе мы... того... нажмем на них построже.
Чай, не о пустяках ведем мы с ними спор.
Не в том суть нашей схватки,
Что мироедов мы уложим на лопатки.
Нет, надо, чтобы враг наш лютый — сбитый с ног —
Подняться больше уж не мог.
Иначе, милые, сыграем мы впустую.
Подобный проигрыш случался зачастую.

Раз наши вечные враги,
Очнувшись, сил накопят,
Они не то что гнуть начнут нас в три дуги,
А всех в крови утопят.
И учинят грабеж такой,
Что ой-ой-ой!
Вот почему всегда твержу я,
Чтоб по головке, мол, не гладили буржуя.
Вот, други-братцы, почему
Из шелкоперов кой-кому,
Умам трусливым и нелепым,
Я стариком кажусь свирепым.
А вся загвоздка в том, что я твержу одно:
Родной народ, тебе другого не дано.
Сваливши с плеч своих грабительскую шайку,
Завинчивай покрепче гайку!
Завинчивай покрепче гайку!!
И если хочешь ты по новой полосе
Пройти с сохою трудовой,
Все корни выкорчуй! Все корни злые, все,
Со всею мусорной травой!..

ЛУКЕРЬЯ

У бабушки Лукерьи Кривобокой
До старости глубокой
Осталася привычка юных дней
Все прибирать к рукам, что под руку попало,
Свое, чужое — горя мало:
Была б кладовка лишь полней.
Сама, должно, в грехе она была зачата,
В нее же все пошли и дети и внучата.
Однаке, ежели случалось порой,
Что бабе правду всю кто скажет без утайки,—
За честь своей семьи (сказать вернее — шайки!)
Вставала бабушка горой:
«Мой Кузька гуся спер? Где? У кого? Откуда?
Гусь сам ко мне забрел во двор.
Что? У соседа Клим стянул овса три пуда?
А кто поймал, скажи? Не пойман, так не вор.
У Еремеевых Машутка
Стянула, баешь, полотно?
Ну, вот! Ребяческая шутка.
И было это так давно.
Я, милые, детей учила не плохому.
Был, правда, грех, что Клим, забравшись в клеть
к Пахому,
Был пойман и избит. Ну что ж? И поделом.
И не журила ль я его пред всем селом?
Всю, как рукой, не я ль с него сняла заразу?
Не пойман больше Клим ни разу,
Хотя... Кто нынче без греха?

Что? У кумы, соседки Насти,
Сама я, говоришь, стянула петуха?
Смешала со своим,— не разобрала масти.
Ох-ох! Глаза не те и память уж плоха!»

✱

Лукерьи речь — бесстыжьи бредни.
Однако, выслушав намеренно
Речь меньшевистского вождя,
Я подивился, уходя,
Его лганью и лицемерью:
Он в краску б мог вогнать Лукерью.

«КУКУШЕЧКА»

*Нет Государственной думы и вообще
никакой арены.*

(Е. К. Кускова. «Родина»)

Ку-ку, ку-ку, кукушечка!
Так грустно не кукуй!
Мадам Кускова, душечка,
О прошлом не тоскуй!

Ах, было счастье — минуло.
И отцвела любовь!
Что минуло, то сгинуло
И не вернется вновь!

Молитвы благодарственной
Царю не возносить
И Думы государственной
Уже не воскресить!

Не прогремит командою
Родзянки зычный крик.
С корниловскою бандою
Спасается старик.

Нежданною отрадою
Звучит — «Владивосток».
Идти ль туда с лампадою?

Ах, что он даст, микадою
Посаженный росток?

Гучков в Китае молится
«Большому кулаку».

И хочется и колется...
— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ КЛЯТВЫ

Памяти жертв Ленского расстрела.

Мы дрогнули в те дни от страшной вести.
В один порыв сердца у всех слились.
Мы плакали, готовясь к часу мести,
И мы клялись.

Наш лютый враг, свершивший злой посев,
Заслуженной дождался ныне жатвы.
Товарищи, да будет свят наш гнев.
Идет борьба. Не забывайте клятвы!

УТРОБУШКА

(Буржуазная)

Буржуазная утробушка —
Все не свыкнется с пайком.
Приходи, моя зазнобушка,
Побалуемся чайком!

И чтоб чай не пить впридумочку,
Расстарайся к вечерку:
Прихвати с собою в сумочку
Два кусочка сахарку.

Опущу на окнах шторы я,
На дверях стяну драпри.
Выну книжечки, которые
Мне подсунули в Твери.

Меньшевистские издания —
Нам, голубка, сущий клад.
За кавказского Жордания
Трех Гучковых дать я рад.

Мартов, Дан — компанья честная,—
Лучших слуг нам не найти.
Нам работа их совместная
Расчищает все пути.

Их статьи — напевы райские,
В честь хозяина салют;
Их призывы первомайские
Стариною отдают.

Социальной революции
И в зародыше, мол, нет,—
По дорожке эволюции
Надо плестись сотни лет.

Жить должна вся рать рабочая
С буржуазией в ладу.
Ну, и прочая, и прочая —
В ту же, стало быть, дуду.

Кончим с тягою стихийною!
Разберись-ка тут! Хитро?
Ах, под вывеской «партийною»
Узнаю свое нутро!

Меньшевистские издания,—
Не жалеючи, плати!
Меньшевистская компания
Расчищает нам пути!

ДЕД СОФРОН НА ЗАВАЛИНКЕ

Ой ты, жизнь моя, былинушка,
До седых дошла седин!
На завалинке старинушка
Прохлаждаюся один.

На зеленой на проталинке
Травка свежая блестит.
Вряд ли деда на завалинке
Кто сегодня навестит.

Пьян народ погодой вешнею,
Разбрелися все с утра.
Перед новою скворешнею
Суется детвора.

«Глянь-ко, глянь сюда, Егорушка!»
«Осторожней, не спугни!»
Щебетун веселый, скворушка,
Сам не свой все эти дни.

Пар встает над огородами,
Сохнет рыхлая земля.
Греет солнце. Скоро всходами
Разукрасятся поля.

Встанет рать неодолимая
Вольных пахарей Руси.
«Мать-сыра земля родимая,
Напитай нас и спаси!»

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!
На нас идет вся хищная порода.
Насильники стоят в родном краю.
Судьбою нам дано лишь два исхода:
Иль победить, иль честно пасть в бою.
Но в тяжкий час, сомкнув свои отряды
И к небесам взметнув наш алый флаг,
Мы верим все, что за кольцом осады
Другим кольцом охвачен злобный враг,
Что братская к нам скоро рать пробьется,
Что близится приход великих дней,
Тех дней, когда в тылу врага сольется
В сплошной огонь кольцо иных огней.
Товарищи! В возвышенных надеждах,
Кто духом пал, отрады не найдет.
Позор тому, кто в траурных одеждах
Сегодня к нам на праздник наш придет.
Товарищи, в день славного кануна
Пусть прогремит наш лозунг боевой:
«Да здравствует всемирная коммуна!»
«Да здравствует наш праздник трудовой!»

ГОСПОДСКАЯ ТЕНЬ

На Красной площади намедни три туза:
Помещик — без земли, заводчик — без завода
И хищник банковский, сидящий без дохода,
Час битый пялили глаза
На торжество рабочего народа.
Им в первомайский день с утра
Спокойно дома не сиделось:
Глазком прикинуть захотелось,
Измерить силу рати той,
Что их теснит своей железною пятой.
Налюбовавшись, пошли домой все трое.
«Ну, как?»
«Да так. Тоска».
«Казенный юбилей.
День этот проходил куда как веселей
При прежнем строе.
Ушла поэзия. Отпал волшебный фон.
Как живописен был разгон
Всей этой сволочи, собирающейся в шайки,
Когда ее жандармский эскадрон
Возьмет, бывало, всю в нагайки!
Р-раз! Шляпа на боку! — Два! Лопнуло пальто! —
Три! Шайки всей как не бывало!
В участок волокут толпу. А нынче что?!
Ушла поэзия. И красок ярких мало!»

Нетрудно угадать, как первомайский день
Расписан был потом в газетах буржуазных.
Буржуи с нами вкусов разных:
Там, где нам — солнышко, для них — сплошная
тень.

НА РАСПУТЬЕ

Графа Мирбаха увидя,
Подавил буржуй наш вздох,
Чуть не крикнул, растерявшись,
Верноподданного «гох»!

С ликом Марксовым знамена
Нес рабочих бодрый стан,
Пел народ: «Соединяйтесь,
Пролетарии всех стран!»

Сей призыв услыша властный,
Наш буржуй стоит-грустит.
Трусит Мирбаха несчастный,—
Маркса — сердце не вместит.

Мирбах... жуть, но все ж с просветом,
Маркс... одна сплошная жуть.
Два пути перед буржуем,
Есть еще и третий путь.

Путь на Вологду проторен.
«Вуле-ву, мусью Нуланс?»
Три союзных кавалера
С ним играют в преферанс.

Англичанин смотрит хмуро,
Распинается француз.
У японца в мыслях с кем-то
Сепаратнейший союз.

С кем? Никто пока не знает,
Мирбах знает, но молчит.
У российского буржуя
Сердце трепетно стучит.

«Перемешаны все карты,
Вот изволь тут, вылезай!
Что кричать мне, боже правый:
«Вив» ли, «гох» ли, иль «банзай»?!

ВОЖДЮ

Тсв. Ленину в день рабочей печати посвящаю.

Как этот день мне мил и дорог!
Ряд долгих лет прошел с тех пор...
Теперь — повержен злой наш враг,
Тогда — мы с ним вступали в спор.

Тогда — нас было так немного,
Но знали мы, на что идем...

Был каждый шаг проверен строго
Тобой, испытанным вождем.

Рождалась «Правда» наша в муках,
Окружена стеной врагов,—
Но пролетарий в первых звуках
Услышал звон своих шагов.

Ты был за дальнею границей,
Но духом с нами был всегда,—

Росла, страница за страницей,
Святая библия труда...

Нам каждый день грозила кара
И беспощадный вражий суд,
Напор открытого удара
И козни тайные Иуд.

Из ликвидаторского стана
Какой бесстыжий неся вой!

Работой Мартова и Дана
Был восхищен городской.

Для заклинателей «стихий»,
Для дряблoduшных торгашей

Мы были аспиды и змии,
Гроза мещанских шалашей.
Теснил нас лютый враг жестоко.
Редел отряд наш боевой,
И в злую пору одиноко
Звучал далекий голос твой.
Но перенесши все невзгоды
И взявши с бою каждый шаг,
Мы на крутых путях свободы
Вновь утвердили алый стяг.
Незыблем он на новой грани!
И наша вера велика:
— Не осквернит священной ткани
Ничья враждебная рука!

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ»

У батюшки Ипата
Водилися деньжата.
Конечно, дива тут особенного нет:
Поп намолил себе монет!
Однакоже, когда забыли люди бога
И стали сундуки трясти у богачей,
Взяла попа тревога:
«Откроют, ироды, ларек мой без ключей!»
Решив добро свое припрятать повернее,
Поп, выбрав ночь потемнее,
Перетащил с деньгами ларь
В алтарь
И надпись на ларе искусно вывел мелом:
«Сей ларь — с Христовым телом».
Но хитрый пономарь,
Пронюхав штуку эту
И выудивши всю поповскую монету,
Прибавил к надписи: *«нестъ божьих здесь телес:
Христос воскрес!»*
Что пономарь был плут, я соглашусь, не споря,
Плут обманул плута — так кто ж тут виноват?
Но я боюсь, чтоб поп Ипат
Не удавился с горя.

ОСІНОВИЙ КІЛ РАДІ

Чоловік каже: «гречка!»
Жінка каже: «мак! мак!»
— Нехай так! Нехай так!
Нехай буде з гречки мак!

Рада каже: «самостійность!»
Німець каже: «гох! гох!»
— Ох, ох, ох! Оце ж гох!
Щоб ты, бридкій німець, здох!

Ждали літа, ждали літа,
А прийшла зима.
Була Рада, була Рада,
А тепер нема!

Ой ты, дядьку Мусію,
Чи бачив ты чудасію?
Як не бачив, подивись:
Любив німець Раду,
Цілував її колысь
Спереду и сзаду.

Цілував и милував,
Кохав щиро, поky
Выпив всю її красу,
Видавив всі соки.

Потім с гетьманом Павлом
Перебив їй спину
И, проткнувши всю колом,
Кинув в домовину.

— От, тепер лежи і гній,
Бо була проворна.
Я ж казав тобі, дурній:
«Не кохай Эйхгорна!»

По заслуги маєшь плату,
Голова змінна!
Прокляне тебе, прокляту,
Трудова Україна!

ТЕМНОТА

Кулак один, купив пудовую свечу,
Тем малость совесть успокоил.
А мироед другой взял да собор построил:
«Не всякому со мной ровняться по плечу!»
В синодской грамоте был подвиг сей отмечен.
Был этой грамотой, бесспорно, богачу
Рай после смерти обеспечен.
«Как смерть моя придет,— велел богач жене
И всей родне,—
Не убивайтесь по мне
И не тужите.
Застраховался я от адских мук вполне.
Вы эту грамоту в персты мои вложите!»
Что ж вышло? Померли тузы в одном году
И повстречались... в аду!
Туз первый диву дался:
«Кого я вижу? Ну, дела!
Что ж грамота твоя? Ужель не помогла?
А ты как ею величался!
Она не стоила, выходит, и гроша!»
«Ох,— молвил туз второй,— бумага хороша,
Первеющего сорта.
Был бесприменно б я в раю,
Да по душу мою
Какой-то черт прислал безграмотного черта!
Я грамоту ему, проклятому, сую,
А он, подлец, глаза таращит
И прямо в ад меня без разговору тащит!»

Недавно случай был подобный с богачом.

Оставшись ни при чем,

То-бишь ошипанный изрядно беднотою,

Он объяснял беду — «народной темнотою».

Конечно, грамота, друзья мои, важна,

Конечно, нам она вот до чего нужна,

От прошлой темноты пора нам излечиться.

Но... чтобы правильно судить о богачах,

Тем, у кого они сидели на плечах,

Не надо грамоте учиться.

МОЛОДНЯК

Годков тому, примерно, пять
Помещик некий в лес заехал погулять.

На козлах Филька красовался,

Такой-то парень — богатырь!

«Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь.—

Молодняком помещик любовался.—

Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?

Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?

В острастку мужикам... на случай своеволя!»

«М-да! — Филька промычал, скосивши вбок глаза.—

М-да... розги — первый сорт...

Молоднячок... Лоза!..

Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!»

*

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.

Года всё шли да шли, — и молодняк подрос.

МАРТЫШКА

На ссединенном заседании ЦИК и Московского Совета после принятия резолюции об усиленной работе по организации мощной Советской армии, укреплении всех организаций, объединяющих широкие трудовые массы рабочих и крестьян, о внутренней спайке и дисциплине, — меньшевики запели похоронный марш.

(Из газет.)

*Ногой баба топнула,
Дверью баба хлопнула,
С того баба рассердилась,
Что в солдаты не годилась.*

(Ч а с т у ш к а.)

Я ли, ты ли, мы ли, вы ли...
Громче, Мартов! Крепче, Дан.
Надрываясь, долго выли,
Как голодный волчий стан,
Крепко шаркали ногами,
Похоронный пели марш.
Ай да головы с мозгами!
Вместо мозга — жалкий фарш!
Социальная кубышка,
Буржуазный винегрет.
Меньшевистская мартышка
Нарядилась в берет,
В рог трубит и машет шпагой,
Похоронный марш орет
И с безумною отвагой
Мчится... задом наперед!

БОГОМОЛКА

Монаси — чины ангельский.

У лавры Троицкой, в слободке,
Монах повадился ходить к одной молодке.
Муж со двора, монах во двор.
Зачем? Нескромный разговор.
Одначе как-то муж все шашни обнаружил
И, сцапав в добрый час духовного отца,
Уж так-то, так его утюжил:
С того и с этого конца!
То видя, всплакалась соседка-богомолка:
«Стой, стой, безбожник! Стой! С ума сошел, Миколка!
Не тронь священного лица!»
«Так я ж накрыл его с женою, шельмеца!»
«Накрыл его с женой... Подумаешь — причина!
Да ты б еще ценил, что, может, через год
Вдруг женка даст тебе приплод,—
И от кого приплод, пойми ты, дурачина:
От ангельского чина!»

*

Вот с богомолкою подобной и толкуй.
Не дай господь такой обзавестись хозяйкой!..
Заладит, что ни день, «Исаия, ликуй!»
С монахом снюхавшись, с Исайкой!

В БУРЖУАЗНОМ СТАНЕ

«Манчестер гардиен», помещая декларацию гетмана Скоропадского, говорит: «Всё образованное украинское правительство опирается на германские штыки. Германия во всех оккупированных ею областях строит свой фундамент на землевладельческих и коммерческих кругах. До сих пор мы привыкли верить, что буржуазные классы России являются убежденными сторонниками союзников. Однако германцы, видимо, думали иначе, что и доказали тем, что в министерство Скоропадского вошли кадеты и октябристы, представители наиболее преданных союзникам партий».

Жулик жулика надул.
Жулик крикнул: караул!
Жулик жулика прижал.
Третий жулик прибежал.
Кто с кого и что сдерет,
Сам тут черт не разберет.
Мчит на крик со всех концов
Шайка новых молодцов:
Разгорается война.

*

Наше дело сторона.

ТОВАРИЩЕСКАЯ ПОДМОГА

В Москву Пегашка из села
Возок с поклажею везла,
А сзади пес Брехун трепался.
Перед заставою — не помню уж, какой —
Савраска, общий их знакомец городской,
Навстречу им попался.
«Вот на! — Пегашка ржет. — Куда ж ты это, друг?
А я к тебе, как видишь, в гости.
Да что с тобой? Тебя узнаешь-то не вдруг:
Глянь, кожа весь да кости!»
«Ох, ох, Пегашечка, — Савраска ржет в ответ, —
Жив — и за это слава богу.
Чем кормимся? Овса давно в помине нет.
Тож и сенца. Жуем солому понемногу.
Вам хорошо по деревням,
А городским коням —
Конец, коль не придет деревня на подмогу».
«В деревне, — молвила Пегашка, — знаешь, тож...
Двор со двором не схож.
Все ж, чаю, беднота, — и плохи пусть делишки, —
Кой-что для города сумеет наскрести,
А ежели богачей покрепче потрясти,
Пожалуй, сыщутся изрядные излишки!»
«Чтоб городской кормить табун? —
Хозяйский прихвостень — Брехун —
Оскалил зубы на Пегашку. —
Что вижу, больно ты щедра
Насчет хозяйского добра!»

«Отстань! — ответила Пегашка. — Неча злиться,
Не про тебя идет тут речь.
Твоя обязанность — хозяйский хлам беречь,
Моя — с товарищем последним поделиться!»

✱

Все были улицы не так давно полны
Хозяйских прихвостней бесстыдно-злым лаем:
Мы-де весь хлеб отнять у деревень желаем.

Кто вам поверит, Брехуны?
Рабочих мужики без хлеба не оставят,
И в селах мужики не тронут бедняков,

Но что до жадных кулаков,
Их закрома открыть заставят!

О ПОПЕ ПАНКРАТЕ, О ТЕТКЕ ДОМНЕ И ЯВЛЕННОЙ ИКОНЕ В КОЛОМНЕ

СИРЕЧЬ — ПРО ПОПОВСКИЙ КАРМАН
И ПОПОВСКУЮ СОВЕСТЬ
ДУШЕСПАСИТЕЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Глава I

«Эх, кабы мне да такой приход, сиречь парафия,
Как у отца Евграфия!—
Плакался поп Панкрат: —
Сам ему черт не брат.
Прихожане у него, как прихожане:
Богатые горожане,
Дворяне родовитые
Да купцы именитые.
Что ни праздничек, то приношение.
Сущее искушение!
Живет себе, значит, отец Евграф,
Как какой-нибудь князь или граф.
Все-то у него водится,
Пояс на нем не сходится,
Ряса с шелковыми отворотами,
Не удручен никакими заботами.
Попадья одета по-модному,
Дети ходят по-благородному,—
Три красавицы дочки,
Словно весною цветочки,
Грудью — пышны, талией — узки
Лопочут весь день по-французски;

Надушатся да припомадятся,—
Что куклы наряжаются:
В шляпках, в перчатках, в шаях,
Мастерицы играть на роялях.
Шуры-муры ведут с женихами —
Изъясняются с ними стихами;
В постные дни скоромятся.
Сундуки от приданого ломаются!..
Вот где приходец попался!
Господи! — поп убивался. —
Чем я так пред тобой провинился,
Что на бедной поповне женился,
Что взял за нею в приданое
Бездоходный приход да одеяло рваное?
Всего-то у меня живота —
Собака да два кота.
Хожу по приходу
На смех народу —
Тощий, замызганный,
Грязью забрызганный;
Попадья — в кисейном платочке;
Кацавейка в заплатах — на дочке.
Без призору поповна бродит:
Где кормят, туда и ходит;
Догуляться так долго ль до срама?
Народ весь отбился от храма.
Посмотришь в церкви — не густо,
Пошаришь в карманах — пусто!
На трех старушонок глянешь,
Сразу увянешь.
Сердце полно сокрушения.
Церковь — без украшения,
Врата покосились,
Ризы давно износились,
Правь хоть службу в рогоже.
Вразуми мя, праведный боже!
Как безбожников к церкви привадить?
Как мне дело наладить,
Чтоб от нищенской жизни избавиться,
С нуждой-горем расправиться?»
Дошло поповское к богу моление,

И бысть попу вразумление.
И о том будет речь моя, братие,
Как господь порадел о попе Панкратие.

Глава II

Кто бывал на базаре в Коломне,
Говорить тому неча о Домне.
Трещит тетка,
Словно трещотка,
Перед старым ларем:
«Пряники с инбирем!
Пряники с инбирем!
Недорого берем!
Пышки с медом —
Фунтик с походом!
Петьки, Гришки,
Вот где коврижки:
У кого — с гнилью,
У меня — с ванилью!»
Народ у ларька толпится.
Тетка на слова не скупится:
Шутки-прибаутки,
Не молчит ни минутки,
В гости позовет и в гости напросится,
Со всеми словцом перебросится,—
Все-то у нее покупатели
Друзья-приятели.
Опроси полбазара:
Старосту Вавилу, бакалейщика Назара,
Фильку лесника
И Прова мясника,
Кузнеца Фрола, бондаря Акима,
Дьячка Афанасия и сторожа Клима,—
Ухмыльнувшись ухмылкой нескромною,
Все не нахвалятся Домною!
Шла когда-то про Домну слава:
Раскрасавица, бойкого нрава,—
Мужу — молодка, свекру — находка.
Овдовела — соблазн для всего околотка,

И не раз уверял, кто узнал ее в деле:
Сатана в бабьем теле!
Не боялась Домна ни порчи, ни глазу:
Целый полк мужиков хороводила сразу;
Ублажая охочих ребят без отказа,
Не одну горемычную душу согрела.
Нынче тетка весьма постарела,
Притомилась — умаялась,
По церквам монастырским в содеянном каялась.
За большую теперь прослыла богомолку.
В час досужий бубнит без умолку,
Разъясняет святое писание:
Кому, за что и какое наказание,
Исполняя обеты все в точности,
Пребывает Домна в непорочности,
И уж святости теткой есть подтверждения:
Бывают тетке видения!

Глава III

Дело было весною в начале поста.
Поп Панкрат, попадью лобызнувши в уста,
Молвил как-то ей утречком в среду:
«В Москву на денечек поеду».
Обошел поп в Москве все толкучки,
Нагляделся на всякие штучки.
Чего на толкучках тех нету!
Успевай вынимать лишь монету.
Бирюльки, свистульки, хлопушки,
Одеяла, ковры и подушки,
Рубахи из лучшей сарпинки,
Посуда, калоши, ботинки,
Гармошки, книжонки, картинки,
Браслетки, колечки, брелочки
(«Эх, купить бы для дочки!»).
Обошел поп весь Сухарев рынок,
Воротил отец нос от новинок,
Средь народа толкался-топтался,
В старом хламе копался,
С затаенной усмешкою щуря глаза

На затрепанные образа.
Разбирался в иконах без усталы:
«Николая купить? Златоуста ли?»
Перебрал дюжин пять страстотерпцев-
святителей,
Преподобных отцов-небожителей.
Поплюет на икону, подышит, потрет,
Бросит в хлам и другую икону берет.
О цене осторожненько справится.
Чем икона старей, тем попу больше нравится.
«Ну, вот этой иконе какая цена?»
«Пять целковых».
«Посовестись! Ветошь одна!
Лик весь темен, и риза облуплена!»
Сторговались: икона за трешницу куплена!
Поп уехал домой в восхищенье великом
С богородичным выцветшим ликом.

Глава IV

Попадья о попе о Панкрате тревожится:
Бате явно неможется.
У окна вечерами сидит да вздыхает,
Да луну, что есть моченьки, хаает:
«Рассветилась как, окаянная!»
«Что с тобой, голова бесталанная? —
Попадья так попа утешала: —
Чем луна тебе, поп, замешала?
Непорочная мати-царица,
Что с тобою, Панкраша, творится?
Лег бы лучше в постель, отлежался».
Поп ворчал, раздражался.
Снова вечер, и снова наш поп у окна:
«Ущербляется, вишь ты, луна».
И как стала луна ущербляться,
Стал отец поправляться.
Вот и выдалась темная ночь.
На кровати попова раскинулась дочка;
Разметав одеяло с горячего тела,
Попадья возле бати храпела.

Не слышали они, как отец, словно тать,
Забрался под кровать,
Как мешок он оттуда с иконою вынул,
Надел рясу, шапчонку надвинул
И шмыгнул осторожно в холодные сени,—
Как под ним заскрипели ступени
И как щелкнул затвор.
Вышел батя с иконой во двор,
Со двора — за ворота,
Там до первого шел поворота,—
Оттуда задворками,
Шлепая в лужах опорками,
Промочивши насквозь свои ноги,
До проезжей пробрался дороги;
По дороге, прибавивши шагу,
Он приклепал к оврагу
И у старой березки,
Там, где бьет родничок *«Вдсвѣи слезки»*,
Пять шагов отсчитавши к востоку
И разгребши руками сухую осоку,
Положил поп икону облупленную,
На толкучке за трешницу купленную,
После снова осокой прикрыл аккуратно
И пустился вприпрыжку обратно.

Глава V

Поп Панкрат в алтаре,
Словно мышь в норе,
Осторожно похаживает,
Бородку поглаживает,
На престоле просфорки раскладывает,
Сквозь врата на говельщиц поглядывает.
Шевелят старушонки беззубыми ртами.
Перед царскими перед вратами
Заливается псаломщик Илья:
«Да исправится молитва моя!»
Сторож Клим перед иконостасом
Илье подтягивает басом.
Тетка Домна в черной наколке,

Как подобает богомолке,
Стоит на коленях у любимой иконы,
Неистово бьет поклоны,
Машет головой — не остановится,
К исповеди готовится.

Глава VI

Поп с Домной припал к аналою,
Голова с головою.
От попа пахнет ладаном, от Домны — ванилью.
Шепчет батя под епитрахилью:
«Не мне, раба божья, тебя исповедывать,
Не мне про грехи про твои разведывать.
Грешен сам я во многом,
Ты же, Домна, ходишь пред богом.
Спаси и помилуй нас, божия мати!
Удостоена ль, Домна, ты новой благодати?
И какие тебе за святые радения
Бывают по ночам видения?»
«Всякие, отец, всякие!
Всякие, родименькой, всякие!»
«Молилась ли, Домна, ты о грешном люде,
Молила ль богородицу о милости-чуде?»
«Молила, отец, молила,
Молила, родименькой, молила!»
«Не являла ль тебе богородица знамени:
Лица святого в божественном пламени?»
«Являла, отец, являла,
Являла, родименькой, являла!»
«Не поведала ль мать-богородица,
Где икона такая находится?»
«Поведала, отец, поведала,
Поведала, родименькой, поведала!»
«В нечестивом ли граде, иль в чистом поле
(Где обрестся иконе приличествует боле)?»
«В поле, отец мой, в поле.
В поле, родименькой, в поле!»
«В открытом ли месте, в овраге ль сокрытом,
Родничком целебным омытом?»

«В овраге, отец, в овраге,
В овраге, родименькой, в овраге!»
«Не в овраге ли нашем, у белых березок,
У того ль родничка — «Вдовьих слезок»?»
«У «слезок», отец, у «слезок»!
У «слезок», родименькой, у «слезок»!»
«С запада ль темного, с ясного ль востока
Прикрывает икону осока?»
«С востока, отец, с востока,
С востока, родименькой, с востока!»

Затряс поп жидкой косою,
Вскочил, как ужаленный осою,
Стал пред вратами главными,
Пред говельщиками православными,
И поведал громогласно с амвона:
«Братие! Домне явилась икона!»
Ахнули богомольцы.
Сторож затрезвонил в колокола и колокольцы,
Поп в светлые ризы облачился,
И все, кто в церкви случился,
С хоругвями и образами,
Заливаясь радостными слезами,
Пошли за попом и за Домною
Открывать икону под Коломною.

Глава VII

Обрелася икона облупленная,
На толкучке за трешницу купленная.
У Панкрата в церкви народу —
Не пробить к иконе проходу!
Пред иконой новоявленной,
Свечами уставленной,
Молилися днями-ночами.
Торговал Клим шибко свечами.
Выбиваясь из последней мочи,
Поп молебны служил дни и ночи.
Как вернется домой — побрякивает,
На счетах отец побрякивает,

Над бумажками поп ухмыляется,
Доходам своим удивляется,
К попадье игриво привалится,
Попадья попом не нахвалится.
Поповна, как шалая, носится,
В Москву за нарядами просится.
Словом, зажил наш батя не худо.
Про великое новое чудо
Повсюду пошла из Коломны молва,
Скоро стала трезвонить о чуде Москва.
Слух о чуде дошел до прихода,
Где, на зависть Панкрату, уж двадцать три года
Поп Евграф безмятежно священствовал,
В православии народ совершенствовал,
Служил богу, царю и отечеству
Да умело ласкался к купечеству.
Поп Евграф о коломенском чуде проведаль.
Как проведаль, с досады в тот день не обедал.
«До обеда ль тут, матушка?
Слышь, в Коломне что выкинул тихий Панкратушка?»
Мы-то тут дураками какими сидим.
Ладно, брат, мы еще поглядим!»

Глава VIII

В приемной его преосвященства
Набилося духовенства
Со всей епархии
Всякой иерархии:
Дьячки, попы, протопопы,—
Пресмыкаются духовные холопы,
Взирают на секретаря умильно,
Меж собой препираются сильно;
Попрекают друг дружку,
Что лезет в чужую кружку,
Свинью соседу подкладывает,
На соседский приход поглядывает,
Развивает непотребную элоквенцию¹,

¹ Элоквенция — красноречие.

Разводит лихую конкуренцию.
Сообщают попы друг дружке без зазрения совести
Епархиальные новости:
Там проворовался отец-казначей;
Там вышла склока из-за калачей;
Там за обедней — на смех всему городу —
Отец Флор благочинному вцепился в бороду;
Там отец Феодул
Ризы в карты продул;
Там отец Иустин
После пьяных крестин,
Очутившись на панихиде,
Отколол трепака в лучшем виде;
Там отец Феогност
Оскоромился в пост:
Прихожанами был на страстной на седмице
Уличен в полуночных прогулках к вдовице;
Там отец Ипполит
С пономаршей шалит,
А пономарь не сокрушается,
С попадьею утешается.
Ржут долгогривые отцы,
Словно жеребцы,
Смеются — не отдышутся,
Животы у всех колышутся.
Один поп Евграф нахмуренный
Жует мундштук прокуренный,
Дымок разгоняет рукою.
Не дают ему мысли покою.
Не сводит глаз иерей
С архиерейских дверей
И секретарю паки и паки
Делает таинственные знаки.
Как дошел до Евграфа черед,
Выскочил Евграф вперед.
Секретарь ему шепнул осторожно:
«Не плошай. Надеяться можно.
Все приготовлено,
Как было условлено».
«Спасибо. Сие не останется втуне!»
(Евграф у него побывал накануне!)

Глава IX

Отец перед владыкою
Таким-то предстал горемыкою!
Ударил земных три поклона
У владычного трона.
«Ну, отец, излагай свое дело». —
Поп Евграф речь повел тут умело,
Говорил о попе о Панкрате и Домне,
Об иконе, которой не место в Коломне, —
Остается-де чудо не чудом,
Раз святыня хранится под спудом;
От сего-де доходов святых умаление.
Ежели ж, дескать, воздать сей иконе моление,
Заменявши Коломну столицей,
То доходы пожнутся сторицею.
«Так, — Евграф своим мыслям привел подтвержде-
ние, —

Чудотворной иконы хождение
По Москве и селеньям окрестным
Даст иконному причту и местным,
Коль доход разделить по главенству,
То-бишь, вашему преосвященству
Отсчитать первым делом одну половину,
А другую... Сейчас все в уме я прикину...»
«Что ты, милый мой, что ты!
Ну, зачем же в уме? Вот, отец, тебе счеты!»
Поп Евграф, рассчитав всю материю,
Пред владыкою развел бухгалтерию.
Так на счетах приманчиво все выходило,
Инда дух у святого отца захватило.
Восхищенный доходов грядущих делением,
Рек владыко попу с умилением:
«Ладно, отче! Зело я тобою доволен,
Вижу, сколь ты, Евграф, богомолен, —
Посему — из Коломны иконы божественной,
После службы торжественной,
Мы в ближайшее же воскресение
Сотворим всенародное перенесение
И, приняв во внимание
Все твое об иконе святой ревнование,
Утвердим в твоём храме её пребывание!»

Глава X

Поклонился Евграф преосвященному.
И сбылось все по-реченному:
Свершилось в ближайшее воскресенье
Коломенской иконы перенесение.
Архиерей в дорогом облачении,
При великом народа стечении,
В сослужении своры поповской
Со всей епархии Московской
За акафистным молебном
В иконе хвалебном
Икону облупленную,
На толкучке за трешницу купленную,
Воспел в умилении сице:
«Радуйся, благодатная царице!
Радуйся, утешительнице скорбящих!
Радуйся, крепкое возбуждение спящих!
Радуйся, рая цветение вайное!
Радуйся, дев и вдовиц веселие тайное!
Радуйся, болящих исцеление!
Радуйся, пастырей церкви бодрость и вразумление!
Радуйся, храмов и алтарей украшение!
Радуйся, царских престолов важнейшее ограждение!
Радуйся, от домашня брани и вражды ограждающая!
Радуйся, от пагубных начинаний и несмысленных пожеланий воспящаящая!
Радуйся, неизреченных милостей неиссякаемая чаша!
Радуйся, радости наша!
Покрый нас честным твоим омофором!»

Попы владыке подтягивали хором.
Поп Евграф заливался с владыкою рядом.
Сзади всех с помутившимся взглядом,
Отобраньем иконы жестоко ударенный,
Поп Панкрат голосил, как ошпаренный.
Не до радости было бедняге Панкрату:
Чем теперь возместит он такую утрату?
Церковь будет опять у него бездоходною,
Снова — горькая жизнь с попадьей голодною
И с поповной, в лохмотья наряженной.
С жизнью, только что было налаженной,

Распроститься Панкрату навеки приходится:
«Пресвятая владычица, мать-богородица!
Сыне божий, Иисусе Христе!
Всю-то жизнь нет мне счастья, у всех я в хвосте.
Для того ль я с иконою столько трудился,
Чтоб трудами моими Евграф наслаждался?»
От иконы оттертый другими попами,
Так шептал помертвевшими батя губами:
«Спелись, черти! А я... Чем теперь я утешусь?..
Все пропало!.. Повешусь... Повешусь... Повешусь!..»

П о с л е с л о в и е

*Светила жгут им (образам)... Очернело
есть лице их от дыча хранины...*

*За всяку цену куглени суть, в них же несть
духа. Без ног на рачех носятся, являюще свое
бегчество человеком, осрамляются же и слу-
жащие им... Требы же их продающе жрецы
(священники) на зло употребляют так жеде
и жены их варят от них, ни единому же убогу,
ни немощну подают. От риз их вземлюще
жрецы одевают жены свои и дети.*

Послание Иеремии.

Что я, братцы, скажу вам в своем послесловии?
Не впервой я пишу о духовном сословии,
И о нем мое слово еще не последнее.
Нет на свете породы — поповской зловреднее.
Темнотой нашей эта порода питается,
Потому-то она так упорно пытается,
Набросав нам камней и поленьев под ноги,
Совратить нас со светлой и вольной дороги.
Нахлобучив на лбы клобуки, камилавочки,
Превративши все храмы в доходные лавочки,
Обративши в приманки кресты и иконы,
Обирают нас жадные слуги маммоны.

Чудотворных икон с богородичным ликом
«Наявляли» попы в изобилие великом:
Тут тебе—«Мать Косинская», «Мать Новодворская».
«Мать Сосновская», «Мать Святогорская»,
«Помощь в родах», «Призри на смирение»..
«Не рыдай мене, мати», «От бед избавление»..
Сколько этих попами приманок «наявлено»,

Сколько ими икон на Руси «напрославлено», —
До полтысячи всяких названий, не менее!
Люду темному — чудо, попу — прокормление.
Знает поп, на икону добившись «патента»:
На весь век для него обеспечена рента!
Брюхо дома набивши, акафист почитывай,
Да доходы потом с попадьёю подсчитывай!
Бог, изволите видеть, создатель вселенной,
Свою мощь проявляет... дощечкой «явленной»,
Словно фокусник жалкий в смешном балагане,
Что яичницу жарит в дырявом кармане!
Так нелепо глупа и убога
Мысль и воля поповского бога!
Бог такой им и нужен — иного не надо! —
Чтоб покрепче дурачить духовное стадо.
Так — намерен толпился с попами народ
У Кремлевской стены, у Никольских ворот.
Чудо, дескать, явилось тут небывалое:
Знамя ветром разорвано алое!
Николаю ж угодничку — дело приметное! —
По нутру только царское знамя трехцветное!
Вот куда шарлатаны духовные клонят:
Нашу вольную волю заранее хоронят,
На возврат самодержцев былых уповают,
Аки лютые волки, в церквях завывают
И, оскаливши злобно несытую пасть,
Проклинают *народно-советскую власть!*
Я не злую вам ересь, друзья, проповедую.
С мужиками, мужик, по-мужицки беседую,
Наша воля и власть — вот где чудо-пречудное!
Пережить нам приходится время претрудное.
Навалились на нас нестерпимые бедствия,
Трижды проклятых прежних порядков последствия.
Мироеды пытаются взять нас измором.
Им попы подвывают озлобленным хором.
Живоглотов связало единое горе.
С ними все их прислужники в общем сговоре:
Меньшевицские трутни с эсерами правыми.
Их знамена сверкают орлами двуглавыми.
Их воззванья пропитаны черной отравой,
Они жаждут упиться кровавой расправой

Над рабочим народом, над всей беднотою,
Что на них наступила железной пятою!
Братья! Враг наш умеет прикинуться другом.
Лаской пробует взять нас, не взявши испугом.
Не склоняйте же слуха к лукавым наветам.
Будьте твердой опорой народным Советам,
До конца дотерпите тягчайшие беды.
Близок час окончательной нашей победы.
Пусть не дрогнет никто в эту смутную пору.
Приготовьтесь достойно к лихому напору
Мироедской и черной поповской орды.
Будьте все наготове! Смыкайте ряды!

КРЕЩЕНИЕ

Дьячок Кирилл да поп Ипат
У старенькой купели
Под писк ребят
Козлами пели.

Кто думал про детей, а батя — про отцов:
«Ужотко проучу я этих подлецов:
Довольно мне они, злодеи, насолили!
Церковный сенокос и поле поделили,
На требы таксу завели...

Приходится сидеть, как раку на мели:
Нет ни почету, ни доходу!»
С перекосившимся от злой усмешки ртом
Поп ребятишек в воду

Стал погружать гуртом:
«Во имя... отца... и сына... и святого духа...
Крещаются младенцы: Голиндуха...
Ёвл... Хуздазад... Турвон...
Лупп... Кирса... Сакердон...
Ексакостудиан... Проскудия... Коздоя...»
Через полчаса

В деревне шум стоял от ругани и воя.
Ермил накинулся на кума, на Сысою:
«Кого же ты носил крестить: дите аль пса?
Как допустил его назвать ты... Сакердоном?»
В другом конце сцепился Клим с Антоном:
«Как, ты сказал, зовут мальчика?»
На куме не было лица.

«Эк... сам...— уставился бедняк убитым взглядом

На разъяренного отца. —

Как, бишь, его... Кума с попом стояла рядом...

Эк... сам...»

«Что сам? Крестил аль что? Ты, леший, пьян!»

«Я? Пьян? Ни боже мой!—Кум жалко усмехнулся:—

А крестничка зовут: Эк... сам... кустом... Демьян!»

«Сам под кустом Демьян?! Ай, братцы!

Он рехнулся!»

Пров кума своего на все лады честил:

«Ты ж где, подлец,— в лесу дите мне окрестил

Аль у соседского овина?

Как, повтори, зовут мальчика?»

«Ху... Хуздазад!»

«Что? Сам ты Хуздазад! Вон со двора, скотина!

Неси дите назад!»

«Ай! — Кузькина жена в постели горько билась.—

Какого Ёвпла мне, кума, ты принесла?

Ёвпл!.. Лихоманка б вас до смерти затрясла!»

У Сурина Наума

За Голиндуху так благодарили кума,

Что, не сбежись народ на шум,

Крестины век бы помнил кум.

*

«При чем тут кумовья? Опричь попа Ипата,—

Мне скажут,— ни одна душа не виновата».

Пожалуй, что и так. Хоть есть слушок, что поп,

Из кумовей попав кому-то под ослоп,

Ссылаться пробовал на святцы,

Но... я при этом не был, братцы!

ТРИ ПОЗИЦИИ

Соображения как внутренней, так и международной революционной (?!) политики заставляют партию меньшевиков занимать критическую позицию по отношению ко всем подобным методам ликвидации большевистской анархии.

(Л. Мартов. «Наш голос», № 7.)

«Новоэжизненцы» объявили себя нейтральными, разъяснив в своей резолюции, что «чехословацкое движение не контрреволюционное».

В своем воззвании правые эсеры заявили: «Переворот (в Самаре) устроен нами (правыми эсерами) благодаря подходу к Самаре доблестных чехословацких отрядов».

I

Была захвачена Самара
Ордой наемных палачей,
И меньшевик, боясь кошмара,
Не мог всю ночь сомкнуть очей;

Он молча наблюдал все ужасы разбоя
И как потом вели рабочих на расстрел.
Он так страдал... в сторонке стоя!
Он так критически... смотрел!

II

Был «новоэжизненец» — Суханов, натурально! —
Не в силах разобрать: кто прав, кто виноват!
И с миной сладенькой, настроенный нейтрально,
Пил мирно кофеек и кутался в халат.

III

И лишь один *эсер* — отменно-черной масти! —
На некий краткий срок дорвавшийся до власти,
Гнул твердо линию свою.
И не чета ему лукавых два красавца.
— За одного открытого мерзавца
Охотно я двух тайных отдам!

МОСЬЕ ТРИКЕ

*С семьей Панфила Харликова
Приехал и мосье Трике...
Как истинный француз, в кармане
Трике привез куплет Татьяне.
На голос, знаемый детьми:
«Reveilleez-vous, belle endormie».*

А. С. П у ш к и н.

Секретарь французского консула в пространном письме из Самары в Петроград на имя некоей Жанны сообщает о том, что Самара является центром организованного французами чехословацко-белогвардейского движения. «Наиболее богатый купец, — пишет французский секретарь, — предоставил в распоряжение консула свою дачу — истинный дворец. В Петрограде жизнь теперь должна быть невыносимой. А здесь имеется все. Я присутствую на всех банкетах, на всех праздниках, я обедал с самим Дутовым. Французы со дня на день выигрывают в размерах своего влияния. Приезжайте в Самару».

*(Из письма, опубликованного
в № 176 «Правды».)*

I

С семьей Панфила Харликова
Приехал и мосье Трике.
Жена Панфила — бестолкова:
Души не чает в старике.
Француз учтив и деликатен,
Так обходителен, приятен,
Поет у ней перед дверьми:
«Reveilleez-vous, belle endormie!»
Муж не нахвалится французом:

«Мосье Трике, нотр бон ами!
Еще французы не в Перми?
Когда ж сольемся мы с Союзом?
Как наше дело?» — «О, шарман!
Мы захватили весь Мурман!»

II

Мосье Трике судьбой доволен.
Дом — богатейший, стиль «нуво»;
Хозяин — очень хлебосолен;
Хозяйка — более того.
Банкеты, празднества, обеды.
Что день, то новые победы.
Со всех сторон летят гонцы.
Чехословаки молодцы!
Французских денег стоят, право,
Недаром же посол Нюланс
Писал Трике, прислав аванс:
«Плати налево и направо.
Когда расправимся с Москвой,
Расходы все вернем с лихвой!»

III

Посланье в Питер из Самары
Строчил Трике мамзель Жаннет:
«У вас там строгость и кошмары,
Есть Совнарком, но хлеба нет.
А здесь — всего, чего угодно.
Вздохнули мы теперь свободно.
Устроил Дутов нам блины.
Большевики истреблены.
Рабочий класс по струнке ходит,
Не смеет пикнуть. — Ни-ни-ни!
Еще б! в Самаре были дни!
Порядок Дутов так наводит,
Как и не снилось Галифе!
(Ты не читала об Уфе?..)

IV

Герой! Хорошей «царской» марки,
Нам служит, как служил царю.
Изрядно лаком на подарки.
Я, разумеется, дарю.
Мы не останемся в накладе.
Жаннет, забудь о Петрограде:
Там сторожит тебя беда.
Через Москву — скорей сюда!
Здесь мы живем — куда как пышно,
Французы здесь в большой чести.
В Москве с недельку погости,
Узнай подробно, что там слышно.
Брезгливость к хамам поборов,
Вербуй для нас офицеров!

V

Сули им почести и франки,
Где — тон торжественный бери,
Где — опустился до вакханки,
Иди на все... Пур ля патри!
Дела у нас не так уж важны.
Все «патриоты» здесь продажны,
Но их число невелико.
Нам не уехать далеко
Без широчайшего обмана:
Ни чех, ни дутовская плеть
Одни не смогут одолеть
Коммунистического стана.
Наш козырь главный — ложь и франк.
Мы всё поставили ва-банк!»

VI

Жаннет письма ждала напрасно:
Оно теперь у нас в руках.
Надеюсь, скоро будет ясно,
Кому остаться в дураках,

Кому тонуть в кровавой бане.
Не нам, уверен я заране!
Напрасно ждет Трике Жаннет;
Мы за нее дадим ответ
Чехословацкой подлой банде
В французских шорах и узде,
Белогвардейской всей орде,
Всей черной дутовской команде!
Мы свой ответ мосье Трике
Дадим — с винтовкою в руке!

РАСКАЗАНСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Как во славном было городе Казани,
Ожидаячи от нас прежаркой бани,
Не на пир оно честной, на пиrowание,
Темным вечером сходилось на собрание
Именитое казанское купечество:
«Постоимте, братцы, крепко за отечество!
Отстоимте от конечной от погибели
Животы свои да праведные прибыли!»
А и много ж их, купцов, тут насбиралось.
Горе-горькое к купцам, вишь, подбиралось,
Подбиралось к ним горе неотходное,
Большевистское ль то воинство народное,
Та ли силушка железная, упорная,
Та ли силушка крестьянская все черная,
Та ли рать неодолимая, опасная,
Рать фабричная, заводская, все красная.
«А и что же вы, купцы, да пригорюнились?
А и что ж вы, словно бабы, все разнюнились?»
Богатырь Бова сказал им учредиловский,
То ли Лебедев, соратничек корниловский.
На купечество сердито он накинудся,
Ажно стол перед Бовою опрокинул.
Богатырь, перед купцами он похаживал,
Свои жирные он ляжечки поглаживал,
Говорил он, сукин сын, да растабаривал,
Именитых толстосумов уговаривал,
Выговаривал купцам он укоризненно:
«Что вы смотрите, голубчики, безжизненно?

Что вы тесно так друг к другу поприжались?
А кого вы так, мил-друзи, испужались?»

Богатырь ли тот Бова, он ухмыляется,
Богатырь ли тот Бова, он похвывается:
«Ой вы, добрые вы люди, вы не бойтесь,
Вы не бойтесь, мил-друзи, успокойтесь,
Как я выведу всю гвардию да белую,
Офицерскую шеренгу пьяно-смелую
Да казацкую всю силушку яйцкую,
Разобью я всю орду да большевицкую,
В пух и в перья разнесу ее без жалости.
Раскошелтесь только, друзи, вы по малости!
Проявите достодолжное усердие,
К вашим храбрым оборонцам милосердие.
Как их доблесть вся в боях уж попритуплена,
Она, доблесть их, на денежки вся куплена,
Из французского из банка вся оплачена,
По трактирам по казанским порастрачена,
Самогонкою казанскою размочена.
А должна быть эта доблесть вновь отточена,
В сторублевые бумажечки оправлена,
На златом на оселочке вновь направлена!»

Приуныло тут крещеное купечество!
«Бьем челом тебе, отец, за молодечество!
Раскошелиться, что делать, нам приходится:
Твоя доблесть нам в копеечку обходится!
Пообчистили мы дочиста все лавочки,
Так не будет ли какой, хоть малой, сбавочки?»
«Братцы,— молвил тут купец-мудрец Крестовни-
ков,—

Ублажим уж без отказа мы полковников.
Сколько б ни было за доблести им дадено,
Чай, поболее нами денег понакрадено!
Было дельце нам в Казани предоходное:
Казначейство обобрали мы народное;
Сколько золота там ни было в наличности,
Все прибрали мы к рукам без околичности.
Стало, нечего нам, братцы, канителиться:
Есть расчет теперь нам, братцы, раскошелиться!»

Посудили, порядили, покалякали.
Пели с вечера, а утречком заплакали:
«Ой вы, головы ж вы наши, запропащие!
Ой, полковники лихие, разледащие,
Ой, обманщик ты, Бова, душа злодейская!
Ой ты, беглая ты рать белогвардейская!
Да куда же вы, собаки, все рассеялись?
Понапрасну мы на вас так понадеялись!
Ваша доблесть вся не стоит ни полущечки!
Завалищей не осталось у вас пушечки!
Побросали вы врагам все снаряжение!
Расказанское ты наше положение!»

Как во славной ли то было во Казани,
Дождались купцы от нас прежаркой бани.
Крепко парились купцы, да не допарились:
За Бовою улепетывать ударились,
Во всю прыть они помчались без оглядочки,
Растерявши образа и все лампадки!

Ой ты, Волга многоводная, широкая,
Что широкая, раздольная, глубокая,
Ты тряхни своею вольностию старою,
Зашуми да разбушуйся под Самарою!
Расскажи там всем про дело про казанское,
Что про войско про рабочее, крестьянское:
Оно движется, несется темной тучею,
Темной тучею, лавиною могучею;
Оно бьется за судьбу свою свободную,
За Советскую за власть престонародную!
Оно бьется, дышит ревностию ярою.
Выше взвейся, красный флаг наш, над Самарою!

КАЗАНСКОЕ ЧУДО

(Не басня, а быль)

«Товарищ, можно прикурить?..
Спасибс!»

«Не за что».

Прохожий

В поддевке, стриженный под скобку, толсторожий,
С красноармейцем был не прочь поговорить:
«О господи, когда б вы знали, как в Казани
Мы ждали гибели белогвардейской дряни!

Еще бы этак день-другой —

Да что там! Срок уже мы мерили часами! —
Вы б не пришли, так мы, товарищ дорогой,
С проклятым вороньем расправились бы сами,

И там кого-кого,

Но уж попов трясли б и оптом и поштучно.

Не разбежись они теперь до одного,

Я вздернуть дюжину б готов собственноручно!»

Речь храброго бойца

Осталася, однако, без конца.

Вернее, был конец, да только очень странный:

Откуда ни возьмись старушка в этот миг,

И ну вопить: «Родной, желанный!

Зачем ты косу-то, отец ты наш, остриг?

Аль надругался кто, болезный, над тобою?!»

Старушка божия, — увы, — была глупа
И сдуру выдала армейцу головою
Белогвардейского... попа!

Друзья-товарищи, мне слышатся вопросы:
«Что было дальше?» — Чудеса:
Не докуривши папиросы,
Вознесся поп на небеса!

ПОД САМАРОЙ

I

Волга желтою волною
Моег заросли раkit;
Низко-низко над водою
Чайка белая летит.
Ты скажи-скажи мне, чайка,
Не видала ль ты, открой:
Где укрылась вражья шайка?
На горе иль под горой?
Кто вдали за перелеском
Быстро скачет на коне?
Кто вспугнул ружейным треском
Диких уток в стороне?
То не красные ль дозоры
Обнаружили врага?
И не враг ли, прячась в горы,
Очищает берега?

II

Необозримая равнина,
Далекий оклик журавлей.
Стальная серая щетина
Промокших скошенных полей.
Деревня. Серые избышки.
Кладбище. Церковка, пред ней

Повозки, кони, ружья, пушки,
Снаряды, люди у огней.
Армеец гуторит с соседом,
Что есть за что костями лечь.
В полку оратор пред обедом
Держал напутственную речь.
Он говорил: «Вперед! В Самару!
Друзья, в решительном бою
Пусть враг узнает вашу кару!
Добейте подлую змею!»
«Слыхал?»
 «Слыхал!»
 «Добьем, известно!»
«Вперед нас, гадина, не троны!»
Глаза простые смотрят честно.
Трещит приветливо огонь.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Босвая песня

Глухая ночь — не навсегда,
Не вечны мрак и жуть:
Уж предрассветная звезда
Нам освещает путь.

Фабричный молот, сельский плуг
В ее лучах горят.
Рабочий, пахарь — брат и друг —
Мы стали в тесный ряд!

Навеки спаяны одной
Жестокою судьбой,
Мы некрушимою стеной
Идем на смертный бой.

Идем на смертный бой с врагом
В бой! Отступленья нет!
Пусть мрак еще царит кругом,
Но близится рассвет!

Глухая ночь — не навсегда,
Исчезнут мрак и жуть.
Нам наша *красная звезда*
Указывает путь!

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ЗВЕЗДА

Марш

Не Марс нам светит с вышины,
Не кровожадный бог войны,—
Не ради подлых барышей
Попов, дворян и торгашей,
Сомкнув ряды, мы в бой идем:
Мы бой с насилием ведем!

Как в чистом поле алый мак,
Наш боевой сверкает знак,
Свидетель связи вековой
Семьи всемирной, трудовой,
Символ победного Труда —
Красноармейская Звезда!

Вся мироедская орда,
Все угнетатели Труда,
Все пауки, все кулаки,
Завидя красные полки,
Злой поднимают крик и вой:
Псы чуют час конечный свой!

Как в чистом поле алый мак,
Наш боевой сверкает знак,
Свидетель связи вековой
Семьи всемирной, трудовой,
Символ победного Труда —
Красноармейская Звезда!

Все, кто влачил судьбу раба,
Вся трудовая голытьба,
Все бедняки, все батраки,
Увидя красные полки,
Спешат приветом встретить их,
Освободителей своих!

Как в чистом поле алый мак,
Наш боевой сверкает знак,
Свидетель связи вековой
Семьи всемирной, трудовой,
Символ победного Труда —
Красноармейская Звезда!

Через деревни, города,
Под алым знаменем Труда,
Мы все идем плечом к плечу,
Неся погибель палачу,
Всем, кто питался ряд веков
Кровавым потом бедняков!

Как в чистом поле алый мак,
Наш боевой сверкает знак,
Свидетель связи вековой
Семьи всемирной, трудовой,
Символ победного Труда —
Красноармейская Звезда!

Мы — лишь отряд передовой
Всемирной рати трудовой.
Вся рать идет за нами вслед
Для сокрушительных побед.
Уж слышит в страхе стан врагов
Железный гул ее шагов!

Как в чистом поле алый мак,
Наш боевой сверкает знак,
Свидетель связи вековой
Семьи всемирной, трудовой,
Символ победного Труда —
Красноармейская Звезда!

НЕ ЗАСТУПАЙТЕ ДОРОГИ ЖЕНЩИНАМ

Бабе волю дать — не унять.
(Старая пословица.)

Про «бабу» такова
Народная молва,
Кто ж поболезнует о «бабе» деревенской?
Нет горше доли — доли женской.
Крест самый тяжкий — женский крест.
Давно ли на Руси — друзья мои, давно ли? —
Умолк, исполненный тоски и жгучей боли,
Плач наших матерей, сестер, невест?
В их жизни темной был единый луч отрады:
Перед иконою дрожащий свет лампы,
Сиянье тусклое сусального венца
Да речь лукавая «духовного отца».
Вот почему они к речам поповским падки,
Вот почему, когда про «новые порядки»
Поп злобно в церкви врет, преступной лжи попа
Так верит женская толпа.
Лишите же попов последней их подмоги.
Пусть с нами женщины пойдут в одном ряду!
Не заступайте им дороги
К науке, к вольному труду!
Учась, учите их и словом и примером.
И верьте, что они от общего труда,
От общих радостей, как темная орда,
За долгогривым изувером
Уж не пойдут — врагам на радость — никогда.

БРАТЬЯМ КАЗАКАМ

К ДОНЦАМ И КУБАНЦАМ
ОБРАЩЕНИЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

У бивачного огня,
Братцы, слушайте меня.
Все скажу вам без остатку.
Буду резать правду-матку
Вам, голубчикам, в глаза.
Коль проймет кого слеза
И всего зальет румянцем,
Будь донцом он, будь кубанцем,
Он мне брат родной, в нем есть,
Не пропали — стыд и честь!
Все мне братья поголовно,
Кто прослушает любовно
С братской ласкою в очах
Речь мою о богачах!
Богачи везде шныряют,
Даром часу не теряют,
На Кубани, на Дону,
Тянут песенку одну:
«Ох ты, барское ты горе!
Передохнем все мы вскоре!
Что творится на Руси,
Просто ноги уноси!
Лишены мы всех доходов:
Ах, ни фабрик, ни заводов,
Ни помещичьей земли —
Ничего мы не спасли!

Все отобрано народом,
Голытьбою, черным сбродом.
Ах, когда б вернуть нам власть,
То-то б зажили мы всласть;
Голь кнутами б захлестали;
Все б убытки наверстали;
Жизнь пошла б на прежний лад,
Как сто лет тому назад!
Мы оббили все пороги,
Для себя ища подмоги,
Палачей спеша нанять,
Чтобы голь скорей унять.
Англичане и французы
Боевые шлют нам грузы,
Присылают нам войска,
Только мало их пока.
Ой вы, brave кубанцы,
Забирайте ружья-ранцы!
Подсобите нам, донцы,
Боевые молодцы!
Окажите вы нам дружбу,
Сослужите вы нам службу,
Помогите сбить рога
У проклятого врага.
Вызволяйте нашу братью,
Справьтесь только с красной ратью,
Мы заплатим вам потом
И землею и скотом,—
Денег — сколько вам угодно,
Только б стало нам свободно
Снова править всей страной,
Покорив «народ родной»!
Не жалеете ж крови вашей:
Прогоните красных взашей!
День упустим — не вернем:
Враг наш крепнет с каждым днем.
Не дадим ему пощады!»
«Мы помочь вам очень рады! —
Отвечает старшина.—
Ваша голь и нам страшна,
А своя страшнее вдвое.

Но правленье войсковое
Все ж пока у нас в руках.
Наша сила в «стариках».
А молодчиков подтянем —
На Москву грозой нагрянем
И к началу января
Вновь посадим в ней... царя!»

*

Вот она какая штука.
Дуракам вперед наука.
Коль не жить своим умом,
Быть нам снова под ярмом
У дворян, у офицерства,
Выносить их злые зверства.
Жилы рвать для них весь век,
Превращаясь в калек!
Братья, помните об этом!
Общим ладом и советом
Если мы не станем жить,
Будем до смерти тужить.
Будем плакаться, да поздно!

*

Ночь тиха, и небо звездно.
У бивачного огня,
Братцы, слушайте меня.
Это я — тут с вами рядом, —
Вас окинув братским взглядом,
С вами братски речь веду,
Как нам снова жить в ладу.
Знаю весь я ваш порядок:
С вами вместе пас лошадок,
Вместе бегал по задам,
По помещичьим садам,
Вместе с вами в хороводе
Пел я песни о народе,
О судьбе его лихой.

Я ль советчик вам плохой?
Я ли ваш первейший враг?
Мне ли жребий ваш не дорог?
Я ль за вас — с врагом в бою —
Головой не постою?
Братья! Вас берут обманом:
Бьетесь вы не с вражьем станом,—
Вас враги ведут на бой
С разнесчастной голытьбой,
С бедняками-мужиками,
С теми, кто страдал веками,
Кто, прикованный к ярму,
Знал и голод и тюрьму,
Кто, молясь земному богу,
Протоптал в Сибирь дорогу.
Кто под палкой и кнутом
Лишь рабочим был скотом,
Кто с пеленок до могилы
Надрывал в работе жилы,
Чтоб кормить всех упырей:
Богачей, попов, царей,
Кто счастливых дней не ведал,
Кто был рад, когда обедал,
Забывая рот куском
Хлеба черного с кваском,
Кто в проклятой рабской доле
Тосковал по вольной воле,
Кровно бился за нее
И отбил-таки ее!
Долго бился и добился,
Но... видать, поторопился:
Снял с насеста всех господ,
Знать, не во-время народ;
На него, как на злодея,
Вашей волею владея,
Насылают вашу рать
Землю-волю отбирать.
Братья! Кто ж вас посылает?
Кто народу зла желает?
Не дворянская ли «знать»?
Вам ли этого не знать?

Вас не черт крестил в амбаре!
Не родня вам злые баре,—
С вами черного труда
Не разделят господа.
Нынче гонит вас в траншею,
Завтра сядет вам на шею
Черносотенная мразь —
Генерал, помещик, князь,
И за Каиново дело,
Обманувши вас умело,
Осчастливит вас потом
Барской «ручкой» и... кнутом!

*

Братцы, я не иноземец,
Не француз я и не немец,
Прирожденный я русак,
Попадал не раз впросак.
Тоже долго был холопом,—
Темным парнем, остолопом,
Лоб расшиб о сотни пней,
До того как стал умней.
Научила злая доля!
Не уйду я, братцы, с поля,
Буду биться до конца.
Не жалейте же свинца:
Прошибайте лоб мне пулей,
Пусть ликует барский улей,
Рой откормленных шмелей.
Пусть им станет веселей!
Обо мне бедняк заплачет,
Это что-нибудь да значит!
Сладко спать в земле сырой
Тем, кто пал за вольный строй
Не изжить одной мне боли,
Что враги народной воли
Дали «вечный» мне «покой»
Вашей, братскою, рукой!
Тяжелы мне думы эти.
Братья, знайте: ваши дети —

Вот в чем горький ваш удел!—
Не простят вам ваших дел,
Не простят измены черной:
Что вы шли ордой покорной
За ватагою господ
Кабалить родной народ,
Что вы в ход пускали плети,
Для того чтоб ваши дети,
Барских выроdkов рабы,
Подставляли им горбы!

Вот какой от вас «победы»
Жадно ждут все мироеды,
Но «победы» их орда
Не дождется никогда!

Речь свою я кончу этим:
Братьев мы по-братски встретим,
А изменников лихих
Пулей — больше никаких!

СКАЗКА О БАТРАКЕ БАЛДЕ И О СТРАШНОМ СУДЕ...

*Идет Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб.
С первого целка —
Прыгнул поп до потолка;
Со второго целка —
Лишился поп языка;
А с третьего целка —
Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной!..»*

А. П у ш к и н (1830 г.)

Крякнул поп:
Расшиб Балда ему лоб.
Дорого батя заплатил за дешевизну:
Через неделю справляли по бате тризну.
Пришлось за попа Балде
Держать ответ на суде.
На допросах Балду мытарили,
Свежими розгами парили,
На дыбу Балду таскали,
Вины на Балде искали.
После такого следствия
Сказались у Балды последствия:
Балда совсем обалдел,
На суде чурбаном сидел,
На вопросы о смерти бати
Заладил одно — кстати и некстати:

«Вечный ему упокой,
Хороший был поп такой,
Служил я ему славно,
Усердно и очень исправно.
Рассчитались мы с ним без спору,
Согласно уговору».
Инда сами судьи обалдели,
Рот раскрывши, на Балду глядели,
Под конец они расхохотались,
Хохотали — за бока хватались:
«Что нам поделать с таким дуралеем?
Так уж и быть, мы его пожалеем,
Дадим ему сто батогов
И продадим в батраки с торгов!»
Попал Балда в лапы к грабителю,
Мужицкой жизни погубителю,—
Выполняя каторжный урок,
Тройной вносил барину оброк —
Работой, деньгами и натурою,
За все провинности отвечал своей шкурою,
На барской конюшне под розгами парился.
В три года Балда состарился,
Потерял здоровье и силу
И лег до срока в могилу.
Утешался Балда, помирая,
Что небесного удостоится рай
За все свои тяжкие муки.
Скрестивши костлявые руки,
Лежал в могиле Балда,
Ждал *страшного суда*,
Того ли *судного часу*,
Когда мертвые встанут по трубному гласу.
Проходили за годами года.
От могилы Балды не осталось следа.
Через сотню лет или боле
Кладбище пошло под пахотное поле.
И случилось пройти по этому полю
Бойцам за народную волю:
Прошел Красной Армии отряд боевой.
И вот у Балды над головой,
Будя усопшего раба,

Загудела красноармейская труба.
Услыхавши трубные звуки,
Зевнул покойник, расправив руки,
И из темной могилы, не разобравши дела,
Выскочил Балда — душа без тела,
Легок, прозрачен и светел.
Никто Балду не заметил.
По ровному полю Балда
Пошел, сам не зная куда.
Идет, по сторонам поглядывает,
Загадку разгадывает:
По какой бы узнать примете,
На каком он свете?
«Господи,— думает,— где ж я иду?
Неужто я в прежнем аду?»
Дорога Балде как будто знакома:
Мимо помещичьего дома.
Эва!
Вот он и дом самый слева.
Крепко тут Балда приужахнулся,
В сторону Балда шарахнулся,
Глядел, глазам своим не веря:
«Куда ж мне деваться теперя?»
Вспомнил он время былое,
Отродье помещичье злое,
Как над народом господа издевались,
Как мужики потом-кровью обливались
И маялись горько с пеленок до гроба.
Охватила Балду превеликая злоба,
Замутилась душа в Балде:
«Нет, значит, правды на *страшном суде!*
Что ж это за чертовы штуки?
Неужто я снова в помещичьи руки
На веки веков попаду?
Доколе ж терпеть мне такую беду?
Когда же пойдут все помещики прахом?»
Смотрит Балда на дом со страхом:
Покосился у дома верхний этаж;
Вот и церковка та ж,
Только стала уж очень древней.
Шагает Балда деревней.

Видит — в деревне мужицкий сход,
Толкует шумно о чем-то народ,
О каком-то таком Комитете.
Не поймет Балда, на каком он свете?
Ходит Балда невидимкой повсюду,
Дивится такому чуду:
Идет — напевает мужик за Пегашкой,
Над прежнею барской трудится запашкой,
Ровно на своей десятине,
А помещика нет и в помине!
Ни помещика нет, ни приказчика,
Ни старосты, злого доказчика,
Никто деревни не давит,
Сама собой деревня правит.
Слышит Балда речи про кулачество:
Что, забрав у кулаков их богатство,
Роздал вдовам и сиротам их животы
Какой-то «Комитет бедноты»;
Что надо скорей, между прочим,
Помочь городским рабочим
И всей бедноте столичной
Хлебом и снедью различной.
Видит Балда: бродит поп по приходу,
Как опущенный в воду,
Не пьян — не весел,
Нос на бороду свесил,
Слова худые изрыгает,
Мужиков ругает:
«Дождетесь, ироды, воздаяния
За ваши злодеяния!
Ужо научат вас, подлецов,
Как почитать духовных отцов!
Вернется старое начальство! Вернется!»
Перекрестится поп, чертыхнется,
Погрозит кулаком какой-то избе:
Видать — не в себе!
А изба эта — лавка, не лавка,
У избы веселая давка,
Народ про дела свои судачит:
«Комитет бедноты», значит!
Красный флаг над воротами колышется.

Легче Балде дышится.
«Истинное,— говорит он,— удивление!»
И радостное сумление
Стало забирать Балду:
«А пожалуй, что я — не в аду!»
Стоят у избы
Не бывшие рабы —
Запуганные,
Изруганные,
Заплеванные,
По рукам — по ногам скованные,
Придавленные колодками:
Нет, шумят мужики с молодками,
Бабы не лезут в карман за словами,
Видать — с мужиками поравнялись правами.
Говорят все свободно
Про что им угодно,
О том, как, прогнавши царя и господ,
Вздохнул полной грудью народ,—
Как живется теперь мужикам, дескать, вольно,—
Того у них нет, а этого — довольно,—
Коль с хозяйством прочно наладится дело,
Год-другой перебьется деревня смело,
А потом заживет уже всласть,
Только б, дескать, окрепла *Советская власть*.
Намечают мужики от себя депутата,
Какого-то Ивана-солдата,
Чтобы съездил в Москву с докладом,
Сходил бы к Ленину на дом
И выяснил все в беседе живой
С другом бедного люда, с главой
Рабоче-крестьянского правительства,
Насчет социалистического строительства:
С чем — погодить, и с чем — поторопиться,
Чтоб власти Советской помочь укрепиться,
Чтоб добить белогвардейскую силу
Да вогнать осиноый кол ей в могилу;
А привез бы Иван побольше газет,
А зашел бы в Уездный и в Губернский Совет...
Балда вздыхает: «Батюшки-светы,
Что ж это у них за такие Советы?

Чем Советская власть мужикам так любя,
Что стоит за нее голытьба?
Что ж это за Ленин такой, не пойму,
Что доступ свободный к нему
Любому Ивану-солдату?
Лафа, значит, нашему брату!
Мужичок-серячок очутился в чести,
Нет пред кем бородой ему землю мести
И башкою стучать о ступени,
Снявши шапку, упав на колени?
Мужичок и начальство, как равные вроде.
Целый сход, не боясь, говорит... о свободе...
О газете... Коммуне... Такие слова...
Не осилит их что-то моя голова...
Но хоть сразу оно непонятно,
А на слух-то, иначе, приятно,
Да и главную суть все ж не трудно понять:
Коль начальство народ перестало шпынять,
Коль правительство есть уж рабоче-крестьянское,
Значит, кончено злое приволье-то панское?
Значит, нет уже власти господской и царской?»
Вновь Балду потянуло к усадьбе барской.
Вот он страшный помещичий дом!
Склонились деревья над старым прудом.
Сад заглохший — с беседкой, с дорожками,
Дорожки истоптаны детскими ножками,
На песчаной площадке посредине двора
Резвится крестьянская все детвора.
По звонку побежали все в дом с площадки,
Кто сел за книжки, кто за тетрадки,
Ходит учитель среди детворы,
Учатся дети после игры!
Балде понравилось все это сильно.
Улыбнулся Балда таково умильно:
«Картиночки. Чисто. Ни грязи, ни пыли.
Прежде и баре-то неучи были.
Народ же бродил, словно темное стадо.
А ноне гляди! Помирать не надо!»
Стоит Балда, кругом оглядывается.
Ничего в голове у Балды не укладывается.
«Господи! — радостно шепчет Балда.—

Не знаю, попал я куда?
Но одно мне, темному, ясно,
Что страдал я всю жизнь не напрасно
И что ежели я — в родимом краю,
Значит, все мужики очутились в раю».

«ДО ЭТОГО МЕСТА!»

В промокших дырявых онучах,
В лохмотья худые одет,
Сквозь ельник, торчащий на кручах,
С сумой пробирается дед.

Прибились старые ноги,
Ох, сколько исхожено мест!
Вот холмик у самой дороги,
Над ним — покосившийся крест.

«Могилку какого бедняги
Кругом обступили поля?
И где для меня, для бродяги,
Откроет объятья земля?»

Вперед на дымки деревушки
Идет старичок чрез овраг.
Над крышею крайней избушки
Кумачный полощется флаг.

Плакат на стене с пьяной рожей
Царя, кулака и попа.
«Час добрый!»
«Здорово, прохожий!»
Вкруг деда сгрудилась толпа.

«Пожалуй-ка, дед, на ночевку».
«Видать, что измаялся ты».

«Куда я пришел?»
«В Пугачевку».
«А тут?»
«Комитет бедноты».

Прохожему утром — обновка,
Одет с головы и до ног:
Рубаха, штаны и поддевка,
Тулуп, пара добрых сапог.

«Бери! Не стесняйся! Чего там!
Бог вспомнил про нас, бедняков.
Была тут на днях живоглотам
Ревизия их сундуков».

Надевши тулуп без заплатки,
Вздыхнул прослезившийся дед:
«До этого места, ребятки,
Я шел ровно семьдесят лет!»

МИРОВАЯ СДЕЛКА

Стоят деревни по реке,
А мужики в них — все рыбак на рыбаке.
Тем лишь живет простонародье:
Наловят бедняки рыбешки в половодье,
Улов весь скупщикам богатым продадут,
С недельку попируют знатно
И впроголодь потом деньков осенних ждут,
Когда рыбешка вся с верхов пойдет обратно,—
Подладят малость животы
С осеннего улова
И — голодают снова.
Такой уже удел крестьянской бедноты!
У богачей своя основа:
Скупив у бедняков за полцены улов,
Где — взявши за долги, где — за аренду снасти
(Мереж, сетей и неводов),
Содрав с крестьян оброк — два пуда с трех пудов,
Купцы весь бедный люд в железной держат власти.
Зима настанет: бедняков
Голодный мор, как сено, косит,—
Смерть без разбору рыбаков
В могилу раннюю уносит.
Горюют мужики, собравшиеся на сход:
Какой-де выдался им год!
(Хоть был и прошлый год его подобьем точным.)
Всех громче голосом истошным,
Перекосивши хищный рот,
Орет на сходе... живоглот:
«Робята!

Причина всей беды, вы думаете где?
В свалившейся теперь на нас лихой беде
Соседняя деревня виновата:
Гореловцы, когда осенний шел улов,
В реке верховье все заставили сетями.
Спрошу я умных всех голов:
Какими ж рыба к нам могла идти путями?
Доколе ж, братцы, нам терпеть такой разор?
Когда ж гореловцев возьмем мы под надзор,
Чтоб русла впредь их сети
Не занимали больше трети?»
«Так!» — «Всё гореловцы,— раздуло б их горой!—
Они, злодеи, виноваты!
Они нам гадают, супостаты!»
У «супостатов» той порой
Свой мироед на сходе
Вел речь в таком же роде:
«Убыткам нашим кто, ребятушки, виной?
Не кто иной,
Как понизовские захватчики и воры:
Как рыба снизу шла весной,
Нееловцы ее поналовили горы,
Она у них, у псов, на берегу гнила,
А к нам сквозь сети их — верней сказать, заторы —
К нам только корюшка какая-то плыла!»
Ну, словом,
Как подошла пора с уловом,
Пошли средь мужиков дела!
Работа побоку! Все заняты войною.
На «супостатов» прут нееловцы стеною.
Гореловцы — навстречь. И вот на берегу
Бой, смертный бой идет. Пощады нет врагу!
Соседи всячески своих соседей славят
И невесть что про них плетут,
Хотя обычаи одни и там и тут:
Которые реку сетями всю заставят,
Которые тайком все сети изорвут,
Тем и другим сплошной убыток.
Друг друга режут без ножа.
Дошло — не то до грабежа —
До пыток!

Жизнь бедноте пришла, хоть караул кричи.
Подзуживают их на драку богачи:
«Робятушки, наддай! Наваливай, робята!
Мириться ноне нам с врагами не с руки.
И без того у нас деревня не богата,
А как прибавится за протори расплата,
Придется нам идти к соседям в батраки.
Коль мы воздержимся от мировой досрочной,
То сами их прижмем мы грамотой оброчной.
Кто заварухе был виной,
Тот и должен понести за то... оброк тройной!»
Так призывая всех к борьбе «за справедливость»,
То-бишь за более прибыточный улов,
Купцы под кучею высокопарных слов
Скрывали... к барышам купецкую ретивость.

Промеж несчастных деревень
Идет война не день,
Не месяцы, а годы.
«Что ж это, братцы, а? Не жизнь, а прямо ад!»
Пошел по деревням средь мужиков разлад,
Кончатся дракой стали сходы.
«Доколь же драться нам с соседями?
Доколь?»

«Пора мириться, братцы, что ль!»
«Довольно!»

«Засылай послов!»
«Пора мириться!»

На бедняка бедняк идти не хочет в бой.
То видя, богачи скорей промеж собой
Ссылаться письмами, пытаюсь сговориться,
Как сообща им голь держать на поводе.
Ермил Кузьмич, кулак нееловский, на сходе
Захныкал: «Братцы, я, радея о народе,
С гореловцами сам, чтоб отвести беду,
Переговоры поведу!»

В Гореловке ж на сходе так же точно
Запел Гордей Фомич, свой, местный, живоглот:
Он, дескать, истинный для бедняков оплот,
И он их помирит,— и выгодно и прочно.
Свершилась встреча богачей,

Но толку нет еще от тайных их речей.

Они еще не сторговались.

Гордею, кажется, охота воевать,

Чтоб после более с нееловцев урвать,—

Хотя гореловцы уж так довоевались,

Что нечем у иных прикрыть и срамоты,

Но кой-какие все ж остались животы,

Так повоюют на остатки!

Ермил, видать, не прочь скорей уйти от схватки

И тщится всячески Гордея убедить,

Что ежли с миром погодить,

То будет хуже им обоим:

«Сознайся, старый плут, что мы друг друга стоим!

И ежли беднота поймет свой антирес

И мимо нас учнет голь обниматься с голью,

То выйдет сразу нам зарез:

Придется нам с сумой идти по богомолью!»

*

Кулак ли поприжмет другого кулака,

Иль, столковавшись «честно»,

Грабители начнут орудовать совместно,—

Не угадать пока.

Я после доскажу, что станет мне известно.

*

Друзья, мораль моя почти всегда проста,

Но не всегда она печальна столь, как эта.

Сковали мысль мою, мысль вашего поэта,

Одноязычные уста.

Хотел бы я сказать всей европейской голи,

Всем вашим братьям-беднякам:

Вот в басне образец печальной вашей роли.

Не уподобьтесь же несчастным рыбакам,

Не смеющим уйти из мироедской воли.

Решать судьбу свою не дайте кулакам,

Гоните прочь лихих злодеев,

Своих Ермилов и Гордеев,

Которые, вконец вас разорив войной,
Теперь торгуются за вашею спиной,
Чтоб, ослепивши вам глаза подачкой мелкой,
Мир честный подменить своей торговой сделкой
И с вас, ограбленных — в какой им нужно срок —
Согласно новому разбойному условию,
Снимать утроенный оброк:
Деньгами, потом, кровью.

*

Ай, братцы! Вот так фунт!
Писал я басню не вчера ли?
И вот: не кончил я морали,
Как уж газетчики повсюду заорали,
Что в Австрии народный бунт:
Прогнали короля и кокнули магната.
Ура! Нееловка восстанием объята.
Теперь подзуживать пришел уж наш черед:
«Товарищи, вперед!»
«Наваливай, ребята!»

КРАСНАЯ ВИНТОВКА

Песня

Много вынес невзгод
Наш несчастный народ,
Гнул веками пред барами спину,
Злые муки терпел
И в отчаянье пел
Заунывную песнь про дубину:

«Эй, дубинушка, ухнем,
Эй, зеленая, сама пойдет.
Сама пойдет, сама пойдет,
Подернем, подернем
Да ухнем!»

Но дождались мы дней,
Стал народ поумней
И, простившись с рабской сноровкой,
На проклятых господ,
Объявивши поход,
Не с дубиной идет, а с винтовкой.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Мироедская рать
Хочет нас покарать,

Руки-ноги связать нам веревкой,
Но то в холод, то в жар
Разъярившихся бар
Перед красной кидает винтовкой.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

В деревнях кулаки
Собирали полки
Для поддержки помещичьей своры.
Бедняки ж, кулакам
Наложив по бокам,
Бар последней лишили опоры.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Стали баре скулить,
Бар заморских молить:
«Ой, верните нам землю и банки!»
Англичанин, француз,
Заклучивши союз,
Присылают им войско и танки.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Англичанин — хитрец,
Но народ наш — мудрец,
И плюет он на вражьи уловки.

Танки вязнут в снегу,
Мы ж лихому врагу
Пулю в лоб шлем из меткой винтовки.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Для банкирской мошны
Наши ружья страшны,
Но страшней наша вольная воля.
Мы за волю свою
Станем грудью в бою:
Смерть милей нам, чем рабская доля!

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Мы пощады не ждем:
Иль в бою все падем,
Иль врагов уничтожим всех с корнем!
Ради светлых годин,
Братья, все, как один,
Общей силою ухнем — подернем!

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

ПРЕДИСЛОВИЕ
К ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «ГАВРИИЛИАДА»

Друзья мои, открыто говорю,
Без хитростных раздумий и сомнений:
Да, Пушкин — *наш!* Наш добрый, светлый гений!
И я ль его минувшим укорю?
Он не стоял еще... за «власть Советов»,
Но... к ней прошел он некую ступень.
В его лучах лучи других поэтов —
Случайная и трепетная тень.
Ему чужда минувшей жизни мерзость,
Он подходил с насмешкой к алтарю:
Чтоб нанести царю земному дерзость,
Он дерзко мстил небесному царю.
Он говорил: «Тиран несправедливый,
Библейский бог, угрюмый и строптивый!»
А у Невы, средь Зимнего дворца,
Набитого охраною гвардейской,
Бродил другой тиран с душой злодейской,
Земной портрет небесного творца,
И не одну он возлюбил Марию, —
И в час, когда он в свой гарем входил,
Попы в церквах свершали литургию,
И дым синел над тысячью кадил.
— Благослови, господь, цареве дело!
Пошли успех его святым трудам! —
И сколько их, таких царей, сидело
По деревням, по селам, городам!
Им долгий день казался сладким мигом,

В хмельном чаду летел за годом год.
Под их ярмом, под их жестоким игом,
Стонал народ, рабы своих господ!

Друзья, для нас пришла пора иная:
Мы свергли всех земных своих богов.
Клянитесь же, что больше Русь родная
Не попадет под гнет ее врагов!
Пусть будет свят для вас завет пророка,
Рукой врагов сраженного до срока,
И пусть его разбитой лиры глас
Ободрит вас в тревоги жуткий час!

Меня ж, друзья, прошу, не обессудьте
И, отдохнув за пушкинским стихом,
Таким простым и мудрым, позабудьте
О «предисловии» плохом.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Повесть

Блажен, кто летом иль зимой,
Перекрестивши грудь ремнями,
С дорожным посохом, с сумой
Бредет родными деревнями;
Блажен, кто, душу отводя
В избушке тесной иль на сходе,
Простую речь ведет, будя
Отвагу новую в народе.
Мне это счастье не дано,
Хоть на него я уповаю.
Все, все, чем сердце так полно,
В стихах простых я изливаю.
Вам, кровным братьям-мужикам,
Для глаз — далеким, сердцу — близким,
Вам, горемыкам-беднякам,
Я поклонюсь поклоном низким:
«Вот, братцы, я, каков уж есть,
Мужик и сверху и с изнанки.
С отцом родным беседу весть
Я не могу без перебранки:
Что на уме, то на словах.
Так затевай, кто хочет, ссору,
Коль я скажу, что в головах
У мужиков немало сору,
Что не дожидаться нам добра,
Коль мы не станем помудрее,
Что из голов нам всем пора

Весь мусор вытряхнуть скорее,
Что лежебочество — порок:
Раз мы встряхнуться не сумеем,
То не пойдет нам воля впрок:
Все потеряем, что имеем;
Что будет, братья, очень плох
Конец и наш и наших планов,
Коль баре, взявши нас врасплох,
Вновь будут стричь нас, как баранов.
Друзья! От вражеской орды,
Чтоб отстоять наш труд и волю,
К оружию все! Сомкнув ряды,
Вперед, на бой за нашу долю!»

1

Поп мужиков всюду ругает:
«Погрызли, ироды, в грехе!»
Сам кулаку глазком мигает:
«Ох-хо-хо-хо!» — «Эх-хе-хе-хе!»

У кулака под вечер гости.
Попа расперло от ухи.
«Ну ж рыбка, Пров, совсем без кости!»
«Эх-хе-хе-хе!» — «Их-хи-хи-хи!»

«Отец, еще по рюмке, что ли?
Кумышка, право, не плоха». —
«За гибель всей батрацкой голи!»
«Их-хи-хи-хи!» — «Ах-ха-ха-ха!»

Смеется поп. Кулак гогочет:
«Смешно, отец. А злость в груди
Так и клокочет и клокочет!»
«Все, брат, уладим! Погоди!»

«Излишки хлеба отобрали:
С семьей хоть по миру иди.
Участок мой переорали...»
«Все, брат, вернется! Погоди!»

«Коров забрали и лошадок.
Что день, поборов новых жди!..»
«Вот наведем ужо порядок.
Все, брат, поправим! Погоди!»

2

Парни девок хороводят,
Девки форсу задают.
По деревне парни ходят,
Девкам песенки поют.
Дуньке, Груньке, Таньке, Маньке
Парни песенки поют.

«Хороши наши ребята,
Только славушка худа!»
Вы, девчонки-голубята,
Выходите-ка сюда!
Дунька, Грунька, Танька, Манька,
Выходите-ка сюда!

Эх ты, горе наше, горе,
Распроклятая тоска!
Заберут парнишек вскоре
В большевицкие войска!
Дунька, Грунька, Танька, Манька,
Заберут парней в войска!

Кавалерия ль, пехота,
Нам на них бы не глядеть,
Нам стражаца неохота,
Лучше б дома нам сидеть.
С Дунькой, с Грунькой, с Танькой,
с Манькой
Лучше б дома нам сидеть.

Пров Кузьмич — ума палата
И первейший богатей,
Говорил он нам: «Ребята,
Жаль вас, сукиных детей!
Федька, Петька, Гришка, Тришка,
Жаль вас, сукиных детей!»

Большевицкие порядки...
Нам за них ли воевать?
Мой благой совет: ребята,
Начинайте бунтовать!
Федька, Петька, Гришка, Тришка,
Начинайте бунтовать!»

Поп Ипат за Провом тут же
Стал нам песню напевать:
«Чтобы не было нам хуже,
Надо, детки, бунтовать!
Федька, Петька, Гришка, Тришка,
Надо, детки, бунтовать!»

Эка жалость овладела
И попом и богачом!
Как добраться тут до дела
И узнать, загвоздка в чем?
Федька, Петька, Гришка, Тришка,
Как узнать, загвоздка в чем?

Поп глаза уставил в святцы,
А кулак трясет мошной.
Ой, не кажется ль вам, братцы,
Что их речь — подвох сплошной?
Федька, Петька, Гришка, Тришка,
Это все — подвох сплошной.

3

Стал с мужиками Пров судачить.
Кулак, известно, с головой,
И бедняков ему дурачить,
Чай, не впервой:

Привык он драть на сходах глотку
И на подмогу нанимать
Всех, кто готов продать за водку
Отца и мать.

Голь горемычная гуляла:
«Ну, подливай же, старый хрыч!»
Голь горемычная гуляла,
Себя, детей закабала
За магарыч.

У Прова нынче те ж ухватки,—
Сулит не водку, так муку:
«Уж вы доверьтесь, ребятки,
Мне, старику!

Пускай не раз вам голодуху
Пришлось терпеть из-за меня,
Все ж и по плоти и по духу
Я вам родня.

Из одного я с вами теста.
Мук ваших видеть не могу.
Вот не сойти мне, братцы, с места,
Коли я лгу!

Вам всей душой готов помочь я,
Чтоб скорби ваши облегчить.
От вас лишь надо полномочья
Мне получить.

На кой нам леший все Советы
И Комитеты бедноты?
Все богачи уже раздеты
До наготы.

Всё уравниали вы, ребятки.
О дележах ли ныне речь?
Мы уравненные достатки
Должны беречь.

Никто не должен с нас налога
Ни силой брать, ни по суду.
Пора нам, братцы, вспомнить бога
И жить в ладу.

Пусть кто-то где-то с кем-то бьется,
А наше дело — сторона.
И власть Советская, сдается,
 Нам не нужна.

Нам за нее вести сраженья —
Кровь понапрасну проливать.
На все ее распоряженья
 Давай плевать!

К чему нам — станьте все на этом! —
Своих детей сдавать в полки?
Пусть бьются сами с целым светом
 Большевики!»

Деревня Прову — что ж! уступит?
А так! Кулак ведь с головой:
Он бедняков продаст и купит.
 Чай, не впервой!

4

Шум пошел средь мужиков,
 Воют живоглоты.
В строй сдавать своих сынков
 Нет у них охоты.

«Ни охоты, ни нужды». —
 «Мы не красной масти,
Никакой у нас вражды
 Нет у прежней власти».

«Мы вернувшихся господ
 Встретим хлебом-солью:
Укротите лишь народ
 И расправьтесь с голью».

«Дайте нам передохнуть
 От советской пытки,
Все добро свое вернуть
 И покрыть убытки».

«Ах, верните нам скорей
Старые порядки.
Мы зажжем у алтарей
Вечные лампадки!»

«Братцы, ставьте приговор!»
«Леший с ним, с декретом!»
«Кем объявлен нам набор:
Нашим комитетом!»

Стали дальше толковать,
Разыгрались страсти:
«Надо, братцы, бунтовать
Против новой власти!»

На деревне бьют в набат,
Хоть огня не видно.
Кулачье и поп Ипат
Выпивши солидно.

К Комитету бедноты
Злая мчит орава:
«Голь проклятая!» — «Скоты!»
«Будет вам расправа!»

Пров Кузьмич летит орлом.
Батя скачет рядом.
«Жарьте, братцы, напролом
Сразу всем отрядом!»

«Бей колом!» — «Бей колом!»
«Ах вы, супостаты!»
«Брать детей у нас силом
В красные солдаты?!»

«Бей! Бей! Не робей!»
«А, поймалась шайка!»
«У, растак вас!..» — «Бей их! Бей!»
«Пров Кузьмич, поддай-ка».

«Раз!.. Раз!.. Вытек глаз?
Счет за все делишки!
Будешь знать, как брать у нас
Хлебные излишки».

«Вот!.. Вот!.. Дуй в живот!»
«Поп, давай винтовку!
Дулом в рот! Дулом в рот!»
«Трах!.. Склонил головку?!»

«Ай да поп,— ревет толпа,—
Добивай прикладом!»
С озверелого попа
Пот катится градом.

Пров, взобравшись на конек,
Рвет флажок кумачный:
«Экий, братцы, нам денек
Выдался удачный!»

5

Пров по горнице похаживает,
Пров бородушку поглаживает,
Он гостей обходит с женкою,
Угощает самогонкою,
Стол под ежей чуть не ломится,
Поп в Филиппов пост скоромится,
Выпивает да побрякивает,
Своим мыслям сам поддакивает.
А у бати мысли черные,
Мысли черные, упорные,
Забрало попа сумление:
«Учинилось преступление,
Будут страшные последствия,
Комиссар примчит для следствия,
Комиссар, а с ним солдатушки.
Уведут меня от матушки,
Разлучат навек с супругою...»
Стал тут поп реветь белугою,
Отпевать себя заранее:

«Над-гроб-ное рыдание...
Творяще песнь аллилуя, аллилуя, а-ллилу-я!
Ма-атушка моя, Перпетуя!
На кого ж я тебя покидаю?
Пла-а-чу и рыда-ю!
Красноармейцев ожида-а-ю!
И вижу во гробех лежащую
Всю компанию настоя-а-щую.
О-о, чудесе!
Пропали мы, братие, все!
Предадимся тлению
По большевицкому повелению!
Сопряжемся довременной смерти!..
Это вы меня подкузьмили, черти!
Вы, халдеи окаянные!»
Зашумели гости пьяные,
Заварилось препирательство,
Препирательство-ругательство,
Пир сменился перепалкою,
Перепалка — общей свалкою.
Поп домой примчал озлобленный,
Страстотерпцу уподобленный,
Всем, что было, ошарашенный,
Синяками разукрашенный:
«Ой ты, матушка-голубушка,
Где твоя да лисья шубушка?
Одевайся да укладывайся.
Почему, сама догадывайся.
Удерем скорей отсюда.
Доберемся в ночь до Чудова,
А оттуда до Кручинного,
До отца до благочинного.
Этим делом он заведует, —
Он запрячет нас как следует!»

6

У Прова голова разбухла с перепоею,
А мужики уже бегут к нему толпою.
«Пров!» — «Что такое?» — «Поп удрал!»

«Шут с ним!» — «Потолковать хотели мы с тобою».
«Про что?» — «А, стало быть, как страх нас всех забрал».

«С чего бы так?» — «Худые вести».

«Отколь?» — «Видали, говорят...

Уж близко... Человек, примерно, этак в двести,
Красноармейский к нам идет сюда отряд».

«Так». — «Так-то так... А только, ежели, скажем,
Нам ждать от них беды, то лучше мы... того...

Уж мы тебя, голубчик, свяжем

И как на главного зачинщика укажем!

Терпи один за всех, чем все за одного».

Вмиг с Прова Кузьмича похмелье все слетело,

Взмолился Пров: «За что ж меня вы так?..»

«За дело!..»

«Ой, братцы, я ж...»

«Молчи, не то...»

«За что?.. За что?!»

«Ребята, связывай, чего там!»

«Он, вражий сын, с попом всю кашу заварил».

«Он, пес! Не я ль вам говорил:

Не верьте вы его о мужиках заботам?

Нашли «заступника». Тож — «общий антирес!»

«Нам, что ль, равняться с ним? Сыскались богатеи!»

«Мы только что хомут господский сняли с шеи,

А он... в хомут опять! У, толсторожий бес!»

«Повесят вот тебя за все твои затей!»

7

Вдоль по деревне с гиком-криком

Бегут мальчишки в раже диком.

«Микитка, черт глухой!»

«Чаво?»

«Красноармейцы!»

«Где?»

«А во!»

«Смотри-кось, как шагают в ногу!»

«Никак поют?»

«Поют, ей-богу!»

«А наши, глянь ты, каково?
Связали Прова и... того...
Зачем-то тащат на дорогу!»

8

БРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ

Левой! Правой! Левой! Правой!
Через горы и леса!
Иль погибнем мы со славой,
Иль покажем чудеса!
Против вражьего напора
Ощетиним мы штыки.
Люду бедному опора
Наши красные полки.

Грозной силой, черноземной,
Сокрушим мы всех господ:
Против банды их наемной
Трудовой идет народ.
В кровожадного бандита
Мы вонзим свои штыки.
Люду бедному защита
Наши красные полки.

За свою мы бьемся долю,
Барской власти не бывать.
Смерть тому, кто нашу волю
Хочет в цепи заковать.
Против вражьего напора
Ощетиним мы штыки.
Люду бедному опора
Наши красные полки.

Кулаку, попу, банкиру —
Всем, кто кровью нашей пьян,
Побавит спеси-жиру
Власть рабочих и крестьян.

В кровожадного бандита
Мы вонзим свои штыки.
Люду бедному защита
Наши красные полки.

Зря терять нам время неча.
Не напрасно враг спешит.
Боевая наша встреча
Вековой наш спор решит.
Против вражьего напора
Ощетиним мы штыки.
Люду бедному опора
Наши красные полки.

Выше взвейся, наше знамя.
Не согнися, штык стальной!
Пролетарских бунтов пламя
Охватило шар земной.
В кровожадного бандита
Мы вонзим свои штыки.
Пролетариям защита
Наши красные полки.

Кровной спаянные спайкой
Со всемирной голытьбой,
За нее мы с вражьей шайкой
Поведем последний бой!
Против вражьего напора
Ощетиним мы штыки.
Люду бедному опора
Наши красные полки!

9

Жарко Прову от «припевки»,
Мужики кругом галдят.
Зарумяненные девки
На солдатиков глядят.
Дуньки, Груньки, Таньки, Маньки
На солдатиков глядят.

«Эвон, как шагает браво!»
«Тра-та-та-та! Тра-та-та!»
«Все парнишки наши, право,
Перед ними — мелкота.
Дуньки, Груньки, Таньки, Маньки,
Ваши парни — мелкота.

От обиды и задора
У парней глаза горят:
«Что ж боялись мы набора?»
«Дураки мы», — говорят.
Федьки, Петьки, Гришки, Тришки:
«Дураки мы», — говорят.

«Призовут пусть всех нас сразу,
Так не станем мы тужить.
Все пойдем мы без отказа
В Красной Армии служить!»
Федьки, Петьки, Гришки, Тришки
Будут в армии служить!

П Р О В О Д Ы

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-милостно!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расей?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс —
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою,—

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский,—
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

МУЖИКИ

Повесть

I

Как у деда у Нефеда
Развеселый пир-беседа.
Но не с пива, не с вина
Бабка Фроловна пьяна,
Ходит легче молодежи:
«Сын приехал из столицы!
Уезжал совсем мальцом,
А вернулся молодцом;
Стало быть, живет — не тужит,
На заводе где-то служит,
Коль берег себя, не пил,
То-то денег прикопил!»
Мать Петрухою гордится,
На сына не наглядится,
А у сына для гостей
Ворох питерских вестей.
Мужикам те вести внове.
Откровенье — в каждом слове.
«Питер, значит, не тает?»
«Про довольное житье
Всех фабричных, значит, враки?»
«Голодают как собаки?»
«А ведь царь недалеко.
Бить челом ему легко:

Мы-де, бедные людишки,
Жены наши и детишки,
Обездолены вконец.
Помоги нам, царь-отец.
Огради нас от несчастья,
От лихого самовластья
Душегубов-богачей
И чиновных палачей».

II

Как прорвало тут Петруху,
На царя понес поруху!
«Раскусили мы царя
В день девятый января.
Шли к нему мы с челобитьем,
А ушли с кровопролитием:
Царь-отец перед дворцом
Угостил народ свинцом.
Как царя мы раскусили,
Так уж больше не просили.
Стала правда всем видна:
Революция одна
Даст рабочему народу
Настоящую свободу.
Потому-то больше году,
Где фабричный есть народ,
Шел такой коловорот.
Много было грому-шуму.
Царь со страху дал нам Думу.
Только Дума — ерунда:
Понасадят бар туда,
Проведут нас так, что любо,
И начнут давить сугубо.
Дума первая — сплыла:
Не покладиста была.
То же — с Думою повторной.
Третья — быть должна покорной.
Люд фабричный бунтовал —
Он не Думу добывал.
Эх, не то бы мы имели,

Если б власть мы взять сумели.
Вот бы как пошли дела,
Да деревня подвела:
Где — ворчала, где — молчала...
А ведь как пошло сначала:
Забастовок крупных две,
Да восстание в Москве,
Бунт громаднейший во флоте...
Если б в эти дни в пехоте
Не нашлося простецов
— Под командой подлецов —
Вызвolyть царя с дворянством,
Так рабочий люд с крестьянством
Нынче, взявши в руки власть,
Не попали б в волчью пасть.
Не стонали б от поборов,
От судебных приговоров,
От расправы палачей;
Все проплаканных очей
Не склоняли бы к газете,
Чтоб узнать, что на рассвете
В десяти местах зараз
Царский выполнен приказ:
Прокурор с судейской справкой,
Поп с крестом, палач с удавкой
Да тюремный караул
Весь «законный» артикул
Совершили хладнокровно,
Утоптали землю ровно
Над десятком мертвых тел
Тех, кто пал за наш удел,
И, устало жмуря очи,
Разошлись... до новой ночи!

III

Доскажу вам до конца:
Рад я видеть мать, отца,
Дом родной, родное поле,—
Не по доброй все же воле

Я вернулся в дом родной:
Следопыты шли за мной;
Не пусться я на уловки,
Не уйти бы от веревки.
Дома малость посижу,
Ну, а дальше... погляжу.
Ненадолго время злое.
Как припомню я бывшее,
Так смелей гляжу вперед:
Поумнеет весь народ
Да всей силою как двинет,—
Сразу петлю с шеи скинет.
И посмотрим: где тогда
Сядут царь и господа?!
А пока такое дело:
Как бы сердце ни болело,
Как бы там ни горевать,—
Правды нечего скрывать,—
Снова в силе супостаты,
Верно служат им солдаты,
А рабочие везде
В крепкой держатся узде.
Вот, сказал вам, как из книжки.
Ну, а ваши как делишки,
Вы как сводите концы,
Расскажите мне, отцы!»

IV

Осушивши все бутылки,
Мужики скребли затылки.
«Ай да парень!»
«Вот душа!»
«Жаль: приехал без гроша». Заскулила мать-старуха:
«Правду ль бают-то, Петруха?
Как же так... насчет деньжат?
Аль на книжечке лежат?»
Крякнул дед Нефед: «Ка-кое!
Слышь, оставь сынка в покое.

Пристаешь, как банный лист.
Сам сказал ведь: си-ци-лист!..
Намолол тут всякой чуши,
Не слышали б наши уши!
«Революция!» — «Борьба!»
«Мы-ста все захватим в мире!»
Расставляй карманы шире!
Эх ты, горькая судьба!
Век не выпрямить горба,
Я-то ждал его, злодея:
Сын вернется — вся надея.
Вот... вернулся... голытьба,
На отцовские хлеба!
Чуть не выслан по этапу.
На рожон не при с нахрапу!
Да не лезь, куда не след!!»
Забранился крепко дед,
Почернел совсем со злости.
Баба — выть. Смутились гости
И под брань, и плач, и гам —
Поскорее по домам.

Надо жить не без оглядки,
Было это все, ребятки,
Речь про что я здесь веду,
В девятьсот седьмом году.
Власть господская крепчала,
А деревня все молчала,
Даже носом не шмыгнет,
Кабалу, господский гнет
Выносила безответно.

У

Дед Нефед слабел заметно.
Для работы стал негож,
Все кряхтел, старуха — тож,
Терла спиртом поясницу.
Не вернулся сын в столицу:
Перешел, забыв завод,

На крестьянский обиход.
Все хозяйство ждет заплаток.
Петр, чтоб дней своих остаток
Не страдали старики,
Подряжался в батраки.
Обзаведшись женкой бойкой,
Занялся домашней стройкой,
Денег малость признал,
Лошадь старую сменял
На рабочую пегашку,
Лес расчистил под запашку
И пошел худой, босой
Над убогой полосой.
Петра сеял, женка жала,
Каждый год детей рожала,
Дети мерли в свой черед.
Словом, дело шло вперед.
Жил наш Петр, как все обычно,
Неприглядно, горемычно,
В доле нищенской, в труде,
В вечных думах о еде,
О погоде, недороде...
В горе — вспомнит о заводе.
На заводе — жизнь не та.
Что деревня? Темнота.
Все в свои забились норы.
Чуть сойдутся — ругань, споры,
Склока вечная, разлад.
А кулак тому и рад.
Поведет лукавым оком,
И казенка ж тут, под боком,
Штука, значит, не хитра:
«Ставлю, братцы, полведра!»
Голытьбе гулящей сходно:
Делай с нею, что угодно.
Шибанула водка в нос,
Глядь, и пропили покос,
Зачумели с перепоею:
«Петр... Не пьешь?.. И шут с тобою...
Тоже брезгает... дерьмо!»
«Сами лезете в ярмо!»

А кулак шипит уж рядом,
Ест Петра свирепым взглядом:
«Ты — тово... уйми язык!..
Все от дури не отвык?
Знаю, что ты есть за птица...
Тут тебе, брат, не столица!»

VI

Ходит Петра сам не свой,
Со свинцовой головой.
Женку словом не обидит,
А заснет... столицу видит
И завод... завод... завод...
У станков все свой народ,
В сальных блузах, потный, черный.
Шум веселый... Смех задорный...
«Петя!» — «Что?» — «Листок. Смотри:
Забастовка... ровно в три.
Где ты был? Куда ты сгинул?
На пять лет друзей покинул.
А у нас теперь — гляди!
То ли будет впереди?!»
Петр, проснувшись, смотрит дико:
«Питер... вот он, вот... гляди-ко!»
Женка в слезы: «Свят-свят-свят!
Старики, Петруша, спят...
Тише... На, глотни водицы...
Жить не можешь без столицы!»

VII

Свет учения — не свет,
Коль к нему дороги нет.
Мужик у нее закрыта:
— Хрюкай, дурень, у корыта!
Царь щетинку соберет,
Всю со шкуркою сдерет.

Царь статьею жил доходной,
Темнотою жил народной.
Чтоб держалась темнота,
Помогали «три кита»,
Три кита весьма известных,
Деревенски-повсеместных.
Три кита звались так:
Школа, церковь и кабак.
В царской школе всей науки
Буки-аз и аз да буки,
Да молитва за царя
Под басок пономаря.
В церкви — брех поповский: «Детки,
Надо жить, как жили предки,
Мудрость велию беря
Из житий и псалтиря;
Пусть богач считает куши,
Вы ж спасайте ваши души;
За земные скорби всех
Ждет вас мзда... на небесех!»
Врут патлатые с амвона,
У самих в душе маммона.
Говорить ли про кабак,
Про кабацкий пьяный мрак?
Голь в сивухе горе топит,
А казна доходы копит,
Люд нищает — не беда:
Хлеб с мякиной — тож еда.
Наглотайся — брюхо вспучит.
Вот как царь деревню учит:
Бе-а-ба да дважды два...
Едет по морю Бова...
Солнце по небу гуляет...
Сзади месяц ковыляет...
Села баба на кота...
Держат землю три кита.
Для деревни книга — чудо,
Начитайся — будет худо:
Все мозги свихнутся вмиг.
Ересь всякая от книг.

VIII

Все, что дееся на свете,
Можно вычитать в газете,
Но с газетами ж опять:
Мужику ли все понять
Без начальственной указки?
Чтобы не было опаски,
Что мозги он повредит,
За него начальство бдит
И в деревню шлет газету,
«Сельский вестник» — лучше нету!
Все в нем просто, без затей:
Лик царя, его детей,
Житие очередное,
«Мореплаванье» (при Ное!),
«Ипостась богоотца»,
«Для чего нужна овца»,
Речь Кронштадтского Ивана¹
(Яд поповского дурмана!),
Полицейский протокол,
«Что такое частокол»
(Ограждение владенья!),
«Избегайте объеденья»
(Мужикам совет как раз:

¹ *Иван Кронштадтский* — кронштадтский поп Иван Сергиев (1829—1908), впоследствии член «святейшего» синода. В 90-х годах, мороча темный народ, прослыл чудотворцем. Мракобесы, святоши, ханжи и изуверы, а главным образом темные дельцы православной церкви способствовали распространению его славы, пуская лживые слухи и печатая фальсифицированные документы о его святости. К этому «святому» стекались огромные суммы пожертвований, которые безотчетно расходовались проходимцами и аферистами в рясах и в казенных мундирах. Изуверская секта сгруппировавшихся около него *иоаннитов* и *иоанниток* проповедовала, будто Иван Кронштадтский — сын бога на земле и в него воплотился «сам Иисус Христос». Иван Кронштадтский и иоанниты были яркими черносотенниками, остервенелыми врагами революции, были националофобами и яркими защитниками монархизма.

«Объедались» у нас!),
«Заговор жидовской бунды»,
«Меры против вредной штунды»,
«Грех содомский и хлысты»,
«Православные посты»,
«Царь иль Дума?» (К черту Думу!
Ни запросов бы, ни шуму!),
«Как эсдеков обуздать?»
(Власть железную создать!),
«Забастовка иль измена?»
Думский день — «Макаров — Лена»,
«Бунтарям пустили кровь»,
«Было так, и будет вновь!»¹

IX

Петра бате сено косит,
У попа газетку просит;
«Вестник» Петра стал читать,
Да на ус себе мотать.
«Чтой-то в Питере творится!
Больно «Вестник» уж ярится:
«Время сбить рабочим прыть:
Надо «Правду» их закрыть».
Петр письмо составил срочно.
Адресочек вывел точно:
«*Питер. Правда*». — Чай, дойдет?—
Три рубля в конверт кладет.
С нетерпеньем ждет ответа.
Месяц ждал. Пришла газета.
Раз пришла, а больше — нет.
Почему? Петру ответ
Вскоре дан был очень ясный.
От волненья потный, красный,

¹ Макаров — Лена и последние строки. — Ленский расстрел забастовавших рабочих на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в 1912 году. Министром внутренних дел Макаровым на запрос с.-д. фракции Государственной думы по поводу расстрела было отвечено: «так было, так будет».

Мироед и живодер —
К Петре староста припер.
«Подавай сюда газету!»
«Вестник», что ли?»
«Нет, не эту!
Чтоб ты, вражий сын, подох!
Кто мутит, а мне — подвох.
Земский дал такую взбучку.
Да, брат, выкинул ты штучку!
Подавай-ка «Правду», что ль!»
«Есть такая. Вот, изволь.
Жаль: прочтешь — и околеешь!»
«Ладно. После пожалеешь!»

Х

Ходит Петра веселей.
Стала жизнь ему милей, —
«Правда» душу воскресила:
«Крепнет снова наша сила!
Пролетарий городской,
Люд фабрично-заводской,
Вот они, богатыри-то!
Снова в бой идут открыто.
Женка, что я те скажу:
Зря в деревне я сижу!»
Женка взвыла: «Знамо дело,
Что со мною надоело.
Вспомнил, верно, прежних краль?
Уходи, проклятый враль!»
«Что ты, Груша! Эка, право,
Ну, подумала бы здраво,
Чем корить меня гульбой.
Не один уйду — с тобой,
Не на гульбище — на дело.
Время, стало быть, пришло.
Что нас держит тут, скажи?
С полосы три меры ржи?
Три куренка? Лошаденка?
Как живем мы: что поденка.

Где-то там борьба кипит,
Мы же — спим. Деревня — спит.
(Петра был неправ, конечно.)
Да, деревня спит запечно.
Улучшать ее житье
Кто-то должен за нее.
Не дошла она до смысла,
Вся протухла и прокисла,
Ходит, словно как в чаду,
Весь свой век на поводу.
Повод чей? Кулацкий, барский!
Дух рабочий, пролетарский,
Чужд и страшен ей досель.
Дай ей ложку да кисель,—
Так она себя покажет,
До ушей кисель размажет.
Кто-то дал,— деревня съест.
Вышел, значит, манифест!
Потому: ждала послушно.
Груша, душно здесь мне, душно,
Убегу я, убегу.
Видеть больше не могу
Этой жизни окаянной,
Скорби тихой, постоянной,
Лиц запуганных, тупых
И слепых, слепых, слепых!»

XI

Груша хлопала глазами,
Заливалась слезами
И стояла на своем:
«Никуда мы не уйдем!
Блажь тобою овладела.
Жили ж как-то мы с надела,
Дальше тоже проживем.
Как же нам уйти вдвоем?
Стариков мы как оставим?
На весь век себя ославим.
Долго ль им осталось жить?»

Пусть помрут,— пойдем служить,
Бунтовать иль как там хочешь.
Может, зря ты все хлопочешь
О других, не о себе.
Худо, что ль, в своей избе?
Свой-то угол все милее,
И уютней, и теплее.
И на кой, скажи, нам лих
Распинаться за других?
Кто в беде, а мы в ответе.
Аль умней мы всех на свете?
Аль все наши мужики
Уж такие дураки?
Все, Петруша, в божьей власта.
Терпим всякие напасти.
Бог терпел и нам велел.
Бедный Петр не спал, не ел.
Жизнью бредил все иною.
Нелады пошли с женою.
Год-другой шли нелады
До... негданной беды,
До негданной, нежданной.
Что над Русью бесталанной
Разразилась, точно гром.
Грянул гром и над Петром.
Плакал дед и мать больная,
Груша выла, как шальная,
Билась оземь головой.
«Брось. Авось вернусь живой!»
Не терял Петруха духу.
Утешал отца, старуху,
Ободрял, как мог, жену.
Петру взяли на войну!

ХII

Левой, правой! Левой, правой!
Генерал Самсонов бравый
Войско царское ведет,
Уж он немцам накладет.

Шла несчастная пехота
Чрез Мазурские болота,
Шла без плану, наугад,
Не вернулася назад.
Гинденбург, ударив с тылу,
Сразу сбавил нашим пылу.
Сам Самсонов на коне
Очутился в западне.
От царевой всей пехоты
Не осталось целой роты.
Крики, стоны, смерть кругом.
«Мы дралися со врагом!»
Царь с царицей православной,
Получив из ставки главной
Донесенье-бюллетень:
«Неудачный, дескать, день»,—
Фронт утешили депешей:
Силы конной-де и пешей
На Руси — не занимать.
Надо снова нажимать!

О Петре не стало слуха.
Был — и нет: пропал, как муха.
Рядовой нестроевой
Петр Костров, мастеровой.
От мазурского похода
Так, примерно, чрез полгода
Известил наш Петр жену,
Что у немцев он в плену.

XIII

Много наших в плен попало,
Да назад вернулось мало,
Выпив горюшка втройне
В чуждедальней стороне.
Про великие их муки
В годы горестной разлуки
С Русью рабской, но родной,
С дряхлой матерью, с женой,
С неразумной детворою,

С братом, с любящей сестрою,
С другом сердца своего —
Не скажу я ничего.
Я не смею, не умею,
Слов таких я не имею,
В коих вся бы, вся до дна
Братской скорби глубина
Озарилась ярким светом.
Может быть, друзья, об этом
Через год иль через два
Мной напишется глава
Или целая поэма,
Но теперь иная тема
Овладела мной сполна —
Наша новая война
С мироедской барской сворой,
Ради прибыли которой
Наши братья-бедняки,
Люд фабричный, мужики,
Шли на бой в чужие страны,
Принимали смерть и раны
И годину не одну
Горько маялись в плену.

XIV

Петр Костров в плену томится.
Кто над пленным не глумится?
Немец — враг, куда ни шло.
Но куда как тяжело
Было слышать брань надменных
Англичан, французов пленных,
Видеть их брезгливый взгляд
И глотать насмешек яд.
Все они — одеты, сыты,
Дома, видно, не забыты, —
Присылают им всего.
А у наших — ничего.
Ешь «союзничьи» объедки.
Письма из дому так редки.

Пишут скупю: то да се,
Живы, дескать, вот и все.
Год прошел, второй на смену,
Все конца не видно плену.
Третий год — второму вслед.
Враг пьянеет от побед.
Перед пленными кичится:
В двери, дескать, мир стучится,
Мир такой, что ой-ой-ой:
Под немецкою пятой
Все враги, мол, будут вскоре,—
И на суше и на море,
Всюду немцы верх берут.
На Руси-де люди мрут
От разрухи, голодухи,
И уже, мол, ходят слухи,
Что российский властелин
Шлет послов своих в Берлин:
Чтоб спасти свою корону
Просит, дескать, царь пардону.
Дальше — больше. Сразу — бух:
Объявился новый слух: —
На Руси царя уж нету.
Власть вручили комитету
Из каких-то там господ.
Господа-де — «за народ»;
Подновив его оковы,
Продолжать войну готовы
Против немца-подлеца
До победного конца.

ХV

Петр Костров в плену томится,
Снег в четвертый раз валится
В чужедальной стороне.
Не видать конца войне.
О России слух на слухе:
В общей, дескать, заварухе
Взяли верх большевики,—

К ним примкнули все полки.
Русский фронт, что паутина,—
Едет Кюльман из Берлина,
Наши тож ему навстречь,
Чтоб вести о мире речь;
Месяц-два толкуют в Бресте,
Дело — все на том же месте;
Мир, война ли — не понять;
Немцев речью не пронять,
Благо, Русь без обороны,—
Снова прусские бароны
Войско двинули вперед,—
Кто что хочет, то берет.
Хлеб увозят и скотину,
Грабят Псков и Украину,
Эстов, финнов, латышей...
Привалило барышей!

XVI

Петр Костров в плену томится,
Всей душой домой стремится,
Почернел и спал с лица.
А неволе нет конца.
Наши пленные тоскуют
И невесть о чем толкуют,
Этот — слово, этот — два,
Крепнет темная молва,
Несуразные догадки
Про российские порядки:
«Что ни яма, то Совет,
А до пленных дела нет!»
«Пожалели б хоть для вида!»
На душе росла обида.
И сжимались кулаки:
«Вот они, большевики!»
«Все мы, братцы, ходим в шорах,—
Петр Костров пытался в спорах
Урезонить земляков,—
Что ж бранить большевиков?

Ничего нам неизвестно,
Разберемся после честно,
Как вернемся все домой,
Кто предатель наш прямой.
Те ль, кто, правя Русью ране,
Парил нас в кровавой бане,
Или те, что в этот час
Кровь, быть может, льют за нас?
Что ж Советы зря нам славить?
Трудно сразу все поправить:
Чтоб домашний кончить спор
И Вильгельму дать отпор.
Все ж отпор был, знать, немалый,—
Караул наш ходит шалый:
Почему-то даже здесь
С офицеров спала спесь.
На немецкого солдата
Уж надежда плоховата;
Люд простой открыл глаза,
Чую, близится гроза!»

XVII

Без указа, без приказу
Заварила каша сразу!
Закричали немцы — гох!
Шум... пальба... переполох...
Без царей — Берлин и Вена!
Наши хлынули из плена:
«Революция, ха-ха,
Право, штука не плоха!»
«Кувырнула все в два счета!»
«Большевистская работа!»
Где в вагоне, где пешком,
Кто с корзиной, кто с мешком,
Обрядясь во что попало,
В шаль, в рогожу, в одеяло,
В кофту рваную, в платок,—
Все слились в один поток.

XVIII

Пленных грусть взяла сначала,
Как их родина встречала.
Даже добрая Москва
Накормила их едва.
Тем кормила, что имела, —
Приютила и одела,
Дав иному сапоги
С барской, видимо, ноги,
А другому так, обноски...
Всем — табак и папироски,
Денег малость на завод.
Бедный мы теперь народ!
Где ни кинься — недохватки,
Проедаем все остатки.
А остатки-то — увы! —
Всем известно, каковы:
Что народными трудами
Накоплялося годами,
Царь ухлопал на войну.
Обобравши всю страну,
Богачи не горевали,
Знай, карманы набивали,
Им — воюй хоть сотню лет;
Мы ж несем теперь ответ
За чужое дармоедство:
От былых господ в наследство
Получили мы дыру.
Прежде жили не в жиру,
А теперь того похуже,
Что ни день, нужда все туже,
Но, барахтаясь в ней,
Все же ждем мы светлых дней.
Пусть враги шипят злорадно,
Дескать, все у нас неладно, —
Дескать, как мы ни вертись,
Нам без них не обойтись:
С подлой робостью старинной

К господам придем с повинной,
Разобьем пред ними лбы,
Их покорные рабы,—
Проявив покорства знаки,
Как голодные собаки,
Будем выть на все лады,
Чтоб спасли нас от беды,
От беды — лихой напасти
Наши «праведные власти»,
Вновь на шею севши нам,
Распрасукиным сынам!

XIX

Так враги шипят ехидно.
Там, что будет — будет видно.
Трудно нам — чего трудней!
Наша воля с первых дней
Вражьи встретила рогатки.
Мы еще кровавой схватки
Не окончили с врагом:
Мироеды нас кругом
Осаждают силой темной,
Ратью сбродною, наемной,
Состоящей из бойцов —
Дураков иль подлецов.
То — враги в открытом поле.
Но средь нас еще их боле:
Сволочь, где ни посмотри.
Червь нас точит изнутри.
Эту гнусную заразу
Трудно, братцы, выгнать сразу:
Болью старою больна
Наша бедная страна.
То, что портилось веками,
Нынче голыми руками
Нам исправить в краткий срок—
Трудный все-таки урок.
И нужны не год, а годы,

Чтобы сладкий плод свободы,
Крепкий, сочный, зрелый плод,
Наконец, вкусил народ.

XX

Петр в Москве не засиделся,
Ко всему он пригляделся
И усвоил дело вмиг.
Прихватив газет и книг,
Петр Костров в деревню едет,
Всю дорогу ею бредит:
«Не узнать, поди, ее!
Вот когда пошло житье!»
Разговор идет в вагоне:
«Жизнь какая, братец, ноне?
«Откровение» прочти;
Сходство полное почти.
Комиссар у нас-то выкрест.
Говорят, пришел Антихрист».
«Где?» — «В Москве. Отец Кирилл,
Поп наш, людям говорил,
Что легко узнать по знакам...»
«Верь поповским всяким вракам.
Был у нас отец такой...»
«Ну?..» — «Ну... вечный упокой.
Пойман, значит, был с поличным,
Пулеметчиком отличным
Оказался... Бунтовал...
Нас подвел и сам пропал».
«Тож у нас был бунт недавно.
Дурака свалили явно.
Вспомнить срам, за кем пошли.
Благодетелей нашли:
Поп, урядник, бывший стражник,
Писарь — взяточник и бражник,
Старшина. Как на подбор!..»
Петра слушал разговор,
Слушал, вглядывался в лица.
«Жизнь... все та же небылица!»

XXI

Ельник... речка... три избы...
Телеграфные столбы...
Переезд... шлагбаум... будка...
Баба с флагом и малютка...
На высоком берегу
Деревушечка в снегу...
Вся картина так знакома!
Петра шепчет: «Дома!.. дома!..
Сердце радостно щемит.
Поезд грохает, гремит,
Поезд ходу убавляет...
Петра шапку поправляет...
Сердце замерло в груди...
Стоп, машина! Выходи!
Вышел Петр на полустанок,
Видит пару чьих-то санок
И обмерзших мужиков.
Ждут, должно быть, седоков.
«Петра!..» — «Мать честная, ты ли?»
«А? Узнали, не забыли?»
«Чать, делили хлеб да соль.
Как забыть! Из плену, что ль?»
Обнял Петра дядю Клима
И кривого Питирима.
Дядя Клим пустил слезу:
«Лезь-ка в сани... Я свезу...
Настрадался ты, миленок...
Помню, брат, тебя с пеленок:
Препотешный был малец». «Как мои там — мать, отец?»
«Расскажу потом, дорогой...
Ну, лошадка, с богом! Трогай!..»

XXII

Едут час и едут два.
Клим скупится на слова.
Стала Петру брать тревога,
Петр взмолился: «Ради бога,

Развяжи ты, Клим, язык.
Говори мне напрямик.
Без уверток, без обману,
Всех ли дома я застану?
Чтой-то ты, видать, юлишь». «Ну, скажу, коли велишь.
Все, голубчик мой, от бога...
На кладбище всем дорога.
Помер, значит, дед Нефед,
А за ним старуха вслед.
Упокой, господь, их души!..»
«Ну, а как здоровье Груши?»
«Это ты насчет жены?
Баба, брат, не без вины...
Проучить придется малость». «Что такое?» — «Знамо, шалость...
Закружилась голова.
Потерпела года два,
А потом... того... свихнулась.
Кой-кому тут приглянулась». «А кому?» — «Да ну их к псам!
Разберешься после сам.
Есть ребенок... годовалый.
Петр, смотри, ты славный малый,
Лютым зверем не нагрять.
Все, брат, бабы нынче — дрянь!»

XXIII

Петр вошел в свою избенку.
С воплем кинулась к ребенку
Ошалевшая жена:
«Петр... не трожь!.. Не трожь!..»
«Не трону». Сел бедняга под икону, —
Опершись на кулак,
Просидел всю ночку так.
Кисло пахло от пеленок.
Голосил всю ночь ребенок.

Груша с каменным лицом
Наклонилась над мальцом,
Неподвижная, немая,
Ничего не понимая.
Петр сказал: «Орет... Уйми...
Что сидишь-то? Покорми!»

XXIV

Прожил дома Петр с неделю.
Голова — что после хмелю.
Не осмыслишь ни черта:
Та деревня иль не та?
Те же сходы, как бывало:
Крику много, толку мало.
Тянут, кто во что горазд.
Но кто раньше был горласт,
Стал теперь горластей втрое.
Шум — как бы в осином рое.
Подло, тонко и умно
Кулаки поют одно.
Бедняки поют другое.
Все исходят в диком вое:
Кулаков четыре-пять,
А никак их не унять,—
Никакого с ними сладу.
День проспоров до упаду,
По домам идет народ.
Новый день и новый сход,
И на сходе так же точно
Кулаки вопят истошно:
«Братцы, бог-то есть аль нет?
Аль на небе тож... Совет?
Братцы, спятили вы, что ли?
Ошалели все от воли:
Воля вам права дала
Раздевать нас догола?
Раздевайте, леший с вами,
С вами, с вашими правами!
Разоряйте нас дотла,

До последнего кола.
Вам-то легче, что ли, станет?
А как черный день настанет,
Кто спасет вас от сумы?
Кто вам денег даст взаймы?
Мы ли были вам врагами?
Не ссужали вас деньгами
И зерном и чем могли?
Этим вы пренебрегли?
Все добро забыли наше?
Власть советская вам краше?
Чем вам так она мила?
Что досель она дала?
Насулила — эвон — горы!
А пока... дерет поборы.
Обобравши «кулаков»,
Стала стричь «середняков»,
Чтобы после, как известно,
Всех обобранных совместно
Под один подвесьть ранжир,
Снявши с них весь «лишний» жир.
Пусть побольше будет голи!
Что ж, такой вы ждали воли?
Справедливость в этом, что ль,
Чтобы все сошли на голь?

XXV

Власть советская... Подите,
У соседей поглядите.
Разве Муромский уезд
Так, как мы, и пьет и ест?
Как в раю, живут там ныне,
Комиссаров нет в помине,
Разогнали всех к чертям!
По проторенным путям
Покатилась жизнь там снова.
Братцы, старая основа
Уж не так была плоха.
Было менее греха.

Были все-таки в дни оны
Не декреты, а законы.
Знали все, что́ уважать
И за что ответ держать.
А теперь мы, словно звери,
Запираем на ночь двери,—
Дрожь берет нас до костей;
Ждем непрошенных гостей,—
Вот они уж рядом рыщут,
Налетят, весь дом обыщут,
Перья все перетрясут,
Все, что можно, унесут.
Жив остался? Слава богу!
Кто ж окажет нам подмогу?
Кто вернет нам всем покой?
Как не мы, то кто другой?
Мы, лишь мы одни. Не так ли?»

XXVI

Мужики стоят. Обмякли.
«Шут их знает, кулаков...
Может, впрямь, нас, дураков,
Волей только сбили с толку».
«Нынче вот купить иголку,
Так и той не сыщешь: нет!
Вот те, братец, и Совет!»
«И опять же, взять к примеру:
Защищали все мы веру,
Мать-Расею и царя.
А теперь воюем зря.
Зря сдаем детей в солдаты».
«Сами в этом виноваты:
Кто велит нам отдавать?»
«Надо, братцы, бунтовать».
«Мой-от сын удрал из части.
У невестки-то, у Насти,
Время близится рожать...
Как же Митьке не сбежать?
По хозяйству нонь хлопочет,
Пусть воюет там, кто хочет.

А Митюха мой хитер...
Образцовый — дезинтер!»
«Ну, а как, гляди, разыщут.
Ведь, пожалуй, крепко взыщут».
«Взыщут! Руки коротки.
Мы, чай, тож не дураки,
В головах не ветер свищет:
Спрячем Митьку, черт не сыщет!»
Мужики шумят, орут,
Живоглоты верх берут.

XXVII

Стал тут Петр пред мужиками,
Пред своими земляками:
«Братцы, легче в землю лечь,
Нежли слышать вашу речь.
Братцы, дайте молвить слово.
То, что слышу я, не ново.
С виду — новые слова,
Да погудка не нова.
Стародавняя погудка
Мироедского желудка.
Кто туманит вам мозги?
Ваши кровные враги,
Живоглоты, душегубы,
Воют тут, оскалив зубы,
Вы же смотрите им в рот,
Разнесчастный вы народ.
Мало прежней вам науки?
Мало вынесли вы муки
В цепких лапах пауков,
Этих самых кулаков?
Кто вам душу испоганил,
Кто процентами тиранил,
Вашу кровь в былые дни
Кто сосал, как не они?
Кровопийцам вашим ярым
Как не гнуть к порядкам старым?
Ведь советская им власть,

Дело явное, не всласть.
Им она связала руки
И раскрыла все их штуки,
Все их подлые дела.
Нынче сила их мала.
В наглom брюхе вся их сила,
Мать их всех не доносила,
Чтоб им, гадам, околеть!
Им-то есть о чем жалеть,
Лить кровавых слез потоки,—
Ну, а вы-то, вы-то, доки:
Вместе с бывшим богачом
Вы жалеете о чем?
Что богач вас вновь не купит,
Что процентов с вас не слупит,
Что ему теперь невмочь
Помыкать и день и ночь,
Летней, зимнею порою
Вами, вашей детворою?

XXVIII

Впрямь ли, мудрым головам,
Жаль законов старых вам?
Чьи ж слова: «Закон — что дышло,
Куда хочешь, туда вышло?»
Чей, не ваш ли это стон?
И не вы ль кляли закон:
Уж такая, мол, планида —
«Где закон, там и обида!»
Жаль вам царского суда?
Кто судил вас? Господа,
Как хотели, так судили.
И про суд вы что твердили:
«В суд ногой, в карман рукой?»
Вновь вам нужен суд такой?
Иль налогов с вас не брали?
Брать — не брали, шкуру драли,
Не одну, а десять шкур,
Переписывали кур,

Коровенку уводили,
Деток малых не щадили,
Дохнут пусть без молока,—
Тож беда невелика.
У царя расходы — вона:
В день четыре миллиона!
Дармоедов всех не счесть:
Надо всем и пить и есть,
Казнокрады — обиралы,
Генералы, адмиралы,
Власти всякие, чины —
Пропитаться все должны.
Пристава, попы, жандармы,
Церкви, тюрьмы и казармы,
Стража, армия и флот —
Трона царского оплот...
Чем все это содержалось?
Чем, на горе нам, держалось?
Деревенской беднотой!
Под господскою пятой!
Вы покорно шею гнули!
Лямку черную тянули
И, нуждой себя моря,
Все молились... за царя!

XXIX

Будь у вас ума поболе,
Были б мы давно на воле.
«Верноподданный» народ,
Вы проспали «пятый» год.
В городах тогда кипело...
Эх, иное было б дело,
Если б только вы тогда
Поддержали города!
Девять лет вы спали сладко.
Как проснулись — ой, как гадко:
Свой возлюбленный народ
Царь за шиворот берет,
На войне, что карты, мечет,

Миллион людей калечит,
Убивает миллион,
Миллион сдает в полон.
Мало? Жертвы царь удвоит —
Ничего ему не стоит.
И удваивал подлец.
Вот какой был злой конец
Распроклятой вашей спячки.
Вот откуда все болячки,
Что досель у нас болят.
В старых ранах — старый яд.
Вы же верите злодеям,
Живодерам-богатеям,
Мол, тому, что всюду — гной,
Власть советская виной,—
И что верное лекарство —
Посадить царя на царство!
Вот он, старый-то напев!
Полезайте в грязный хлев,—
В ту ж загаженную яму,
Сгреб бы дьявол вашу маму!
От кого я тут слыхал?
Кто-то горестно вздыхал,
Что к иголке нет подходу,—
Значит, к лешему свободу,
И Советы — ни к чему;
Дай иголочку ему,
А потом... лупи по рожке.
Вон Кузьма Перфильев тоже
Жеребцом каким заржал:
— Митька с фронта убежал.
Спит таперича с женою.
Ну их с внутренней войною,
Этих всех большевиков:
Мало ль им своих полков,
Заводского, значит, люда?
Мы... поспим с женой покуда! —
Долго ль Митьке спать с женой?—
Разговор пойдет иной
В скором времени, я чаю.
А пока я речь кончаю.

XXX

Братцы, я вам не указ.
Может быть, в последний раз
Нынче с вами речь веду я,
Возмущаясь, негодуя
И душой за вас скорбя.
Пожалейте вы себя.
Не вверяйтесь живоглотам,
Их лихим о вас заботам,
Их змеиной, подлой лжи.
За спиной у них ножи,
Власть советская им гибель,
Власть господская им прибыль,
А для вас — наоборот.
Заклепайте ж гадам рот.
Стройте сами вашу долю,
Укрепляйте вашу волю.
Стойте, милые, горой
За советский вольный строй.
В нем одном залог успеха,
Мироеды — нам помеха,—
Лишь тогда мы все вздохнем,
Как им головы свернем.
Чем борьба вся завершится —
Красной Армией решится.
Приложите ж все труды,
Чтоб спаять ее ряды,
Чтобы дать бойцов ей боле;
Пусть она на бранном поле
Под щетиною стальной
Станет грозною стеной
И решит одним ударом
Спор о новом и о старом,—
С царской шайкой спор решит:
Злую нечисть сокрушит.
Вот. Я все сказал. Простите!
Поступайте, как хотите,
Что касается меня,
То... я «Митькам» не родня.

Не чинить чтоб вам докуки,
Завтра утром — палку в руки
И айда от этих мест
На приемный пункт в уезд.
Там — в шинель, ружье на плечи
И — до новой, братцы, встречи,
Если только вновь она
В добрый час нам суждена!»

В МОНАСТЫРЕ

Поползень тихомолочку нашел себе Богомолочку.

(Народная пословица.)

«Здесь,— богомолке так шептал монах смиренный,—
Вот здесь под стеклышком внутри сего ларца,
Хранится волосок нетленный,—
Не знаю в точности, с главы, или с лица,
Или еще откуда—
Нетленный волосок святого Пуда.
Не всякому дано узреть сей волосок,
Но лишь тому, чья мысль чиста, чей дух высок,
Чье сердце от страстей губительных свободно
И чье моление к святителю доходно».
Умильно слушая румяного отца,
Мавруша пялила глаза на дно ларца.
«Ах,— вся зардевшись от смущенья,
Она взмолилась под конец,—
Нет от святителя грехам моим прощенья:
Не вижу волоска, святой отец!»
Отец молодуюшку к себе зазававши в келью
И угостив ее чаишком с карамелью
И кисло-сладеньким винцом,
Утешил ласковым словом:
«Ужотко заходи еще... я не обижу.
А что до волоска — по совести скажу:
В ларец я в этот сам уж двадцать лет гляжу
И ровно двадцать лет в нем ни черта не вижу!»

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Памяти Карла Либкнехта.

Удар ножа верней. К чему лобзанья в губы?
Иудою Либкнехт не предан, а убит.
Не надо слез и слов, пускай душа скорбит.
Товарищи, молчите, стиснув зубы.
На злое дело палача
Ответ один — удар меча.

*

Великий сын и страж заветов отчих
Шел по стопам великого отца,
И не было среди вождей рабочих
Отважнее и пламенней бойца.
Он вышел в бой с передовым отрядом
И первый пал от вражьего свинца.
И роем мы могилу сыну рядом
С священной могилою отца.
Хвала тому, кто жил и пал героем!
Пусть враг дрожит в предчувствии конца.
Товарищи, вперед железным строем!
Мы старый мир до основанья сроем —
Таков завет и сына и отца.

*

Ликует подлый враг, злорадства не скрывая.
— Товарищ! Пред тобой картина роковая.
Запомни смысл ее, носи ее в себе,
И то, что для врага является утехой,
Пусть будет для тебя святой и кровной вехой,
Путь указующей — к отмищенью и борьбе!

ЦЕНТРОШИШКА

Злой, рыже-красный клёст, взобравшись на елку,
Горланит дико и без толку.
Про певчего ж дрозда вам разве лишь глухой
Решится утверждать, что дрозд певец плохой.
Однако некий клест, тупой ценитель пенья,
Насчет веселого дрозда
Держался собственного мнения
И бедного певца развенчивал всегда,—
При всяком случае — удобном, неудобном —
Он поносил дрозда в каком-то раже злобном.
Случилось одной зимой,
Что голод наступил в лесу необычайный.
(На шишки выпал год весьма неурожайный!)
Пришел для птиц конец прямой.
Вот собрался у них совет: снегирь, синица,
Чиж, кто-то там еще и первым делом клест.
Клест — оборотистая птица.
Он первый речь повел, задравши гордо хвост:
Раз, дескать, в шишках нет излишку,
То надобно скорей устроить *Центрошишку*,
Все образуется тогда.
«А что касается... дрозда,—
Вдруг речь закончил клест неожиданно,—
То до того, скажу, поет он бесталанно,
Что — с тем, чтоб нам его от пенья отучить,—
Из Центрошишки след дрозда нам исключить!»

Уж так бывает постоянно:

Клест запоем, дрозду приходится молчать.
Теперь пустился клест на новые делишки
И, слышно, норовит прибрать к рукам печать,
Стать первой скрипкою советской «Центрокнижки»,
Судьей писателей... Довольно тонкий пост!
Что ж? Если сядет нам на шею центроклест,
Не получилось бы, смотрите, Центрошишки!

ТОВАРИЩУ

Морщины новые на лбу —
Тяжелой жизни нашей вехи,
Товарищ, кончим ли борьбу?
Товарищ, сложим ли доспехи?

Свободе нужен пьедестал.
Мы создадим его из стали.
Товарищ, знаю, ты устал.
И я устал. Мы все устали.

Я — не герой. Но ты — герой.
И крепок я — твоею силой.
О, как мне хочется порой
Прийти к тебе, товарищ милый!

Прийти. Взглянуть в твои глаза.
Смотреть в них долго с лаской нежной.
Еще не минула гроза,
И мы пред битвой неизбежной.

Мы будем биться. И следить
Я за тобою буду взглядом.
С тобой я должен победить
Иль умереть с тобою рядом!

ЛЕВОЭСЕРОВСКИЙ РОМАНС

*Две гитары, зазвонев,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой,— ты ли?
Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка.
С голубыми ты глазами, моя душечка!*

А. Григорьев.

Уж как я ли, между прочим,
Не старалась:
По районам по рабочим
Побиралась.
— Побирайсь, побирайсь, побирушечка.
С голубыми ты глазами, моя душечка!

Всех рабочих я сзывала
Для напутствия,
Куковала-куковала
До бесчувствия!
— Ах, кукуй, покукуй, ты, кукушечка!
Ты все песни растеряла, моя душечка!

Уж не помню, что плела я,
Горемычная!
Сплетни, враки, ругань злая,
Брань обычная.
— Уж ты ври, завирайся, моя врушечка,
Все равно ведь не поверят, моя душечка!

Куковала-голосила
Я до ноченьки,
Коммунистов поносила
Что есть моченьки!
— Покричи, покричи, ты, кукушечка,
Полечиться б тебе надо, моя душечка!

Мне тоска, другим потеха:
Издеваются!
Почему-то все от смеха
Надрываются!
— Посмеши, попляши, поскакушечка.
Ох, допляшешься до горя, моя душечка!

Прыгну — влево, прыгну — вправо,
Я — задорная!
Ну, хоть ты мне крикни «браво»,
Сотня черная!
— Ах-ах-ах, в чьих руках ты, игрушечка?
Черносотенною стала, моя душечка?!

ПРОСТЫ МОИ ПЕСНИ

Писал я, друзья, не для славы,
Не для легкой забавы,
Не для сердечной улады.
Не сладкие рулады,
Не соловьиные трели
Выводил я на нежной свирели:
Просты мои песни и грубы.
Писал я их, стиснувши зубы.
Не свирелью был стих мой — трубой,
Призывавшей вас всех на решительный бой
С мироедской разбойной оравой.
Не последним бойцом был я в схватке кровавой.
Просты мои песни и грубы,
Зато беднякам они любы.
Не боялся я критики строгой:
Шел упорно своею дорогой.
С вами шел я, товарищи, с вами иду
И идти буду вместе... пока упаду!

ПОПОВСКАЯ КАМАРИНСКАЯ

Советскими властями в присутствии понятых были обследованы «мощи» святых Александра Свирского, Артемия Праведного и Тихона Задонского, причем оказалось, что 1) «мощи» Александра Свирского — простая кукла из воску, 2) «мощи» Артемия Праведного — облаченное в ризы чучело, набитое ватой и смесью толченого кирпича и гвоздей, 3) «мощи» Тихона Задонского — кукла из картонной толстой бумаги, сшитой белыми нитками, а внутри бумаги — вата и стружки.

(Из газет 1919 г.)

Зарыдала горько матушка,
Напился ее Пянкратушка,
Нализался-налимонился,
С попадьей не церемонился:
Ухватив ее за холочку,
Всю измял ей батя челочку.

«А блюди себя, блюди себя, блюди!
На молодчиков в окошко не гляди.
Не до жиру, быть бы живу нам теперь.
К нам беда, лиха беда стучится в дверь.
Ох, пришел конец поповскому житью.
Вот с того-то я и пью, с того и пью!

С жизнью кончено привольною —
Стала Русь небогомольною —
С храмом нет союза тесного,
Уж не чтут царя небесного,
Ни блаженных небожителей,
Чудотворцев и целителей.

Добралися до таинственных вещей:
Раскрывают в день по дюжине мощей.
А в серебряных-то раках — ой, грехи! —
Ничего-то нет, опричь гнилой трухи,
Стружек, ваты да толченых кирпичей.
Чей обман тут был? Ну, чей, скажи? Ну, чей?

Мы, попы, народ колпачили,
Всех колпачили-дурачили
И крестами, и иконами,
И постами, и поклонами —
Поясными и коленными,
Пред останками нетленными.

А останки те, останки те, увы,
Знаешь, матушка, сама ты, каковы.
Ну, какой же после этого дурак
Будет чуда ждать от этих самых рак,
Лепту жертвовать и жечь по сто свечей
Перед грудой... нетленных кирпичей?

Ох-ти, с нами сила крестная!
Смута, смута повсеместная,
Развращенность, непочтительность,
К церкви божьей нерачность,
Несть о вере сокрушения,
Несть священству приношения.

Ой ты, мать моя, комар тебя язви,
Брось ты помыслы свои насчет любви.
Не до жиру, быть бы живу в эти дни:
Жизнь попу теперь, хоть ноги протяни.
Ни гроша-то за душою, ни гроша.
Никакого нет от церкви барыша!

Сосчитай-ка, мать, пожиточки.
Обносились мы до ниточки.
Что досель нашарлатанено,
Все, что в церкви прикарманено,
Все, что сжато, где не сеяно,
Нынче по ветру развеяно.

Всё налоги, всё налоги без конца.
А доходу — ни с могилы, ни с венца.
Таксу подлую на требу завели.
О прибавочке — собакою скули.
В церкви пусто, у совета же толпа.
Все дела теперь решают без попа!

К черту службы и процессии!
Поищу другой профессии.
Срежу косу, сбрею бороду.
Молодцом пройдусь по городу,
Поступлю — лицо ведь светское! —
В учреждение советское.

Уж как, матушка, решусь я, так решусь.
В коммунисты, в коммунисты запишусь.
С продовольственным вопросом я знаком:
Проберуся комиссаром в упродком.
Будет вновь у нас и масло и крупа.
Поцелуй же, мать, в последний раз... попа!»

Попадья с попом целуется,
С попадьёю поп балуется.
На душе у них так радостно:
«Заживем опять мы сладостно.
К делу новому примажемся,
Тож в убытках не окажемся!»

Землячки мои, вы будьте начеку:
Не пускайте вы мышей стеречь муку!
Много нынче всякой швали к нам бежит.
Поп расстриженный искусу подлежит.
Сразу к делу допускать его не след.
Пусть доверие заслужит, дармоед!

Л И Г А

Собралися три партнера.
Стали карты раздавать.
«Клемансо, вы без онера?»
«Крою, крою! Наплевать!»
Клемансо упорно жулит,
У Ллойд-Джорджа недобор,
Вильсон двери караулит:
«Тише! Тише! Бросьте спор!
Кто-то ходит у окошка,
Посмотрите, господа». «Итальянец и япошка».
«А, пожалуйста сюда!»
Шулер шулера подводит.
Клемансо, войдя в азарт,
Вместо красной — черной ходит.
«Не подменивайте карт!»
«Эх, вали напропалую!»
Клемансо, пошел ва-банк:
Грабь союзницу былую!
Поднимай упавший франк!
У Ллойд-Джорджа рожа вянет:
Стерлинг явно исхудал.
Фунт на фунт уже не тянет.
Положительный скандал!
Доллар — подлинная рента,
Верят все ему в кредит.
Но — по мнению президента —
«Осторожность не вредит».
«Осторожность, осторожность,

Осторожность, господа!
Ждет нас всякая возможность,
Не прошла еще беда.
Обернется счастье фигой,
Коль окрепнет большевизм.
Надо нам особой *Лигой*
Подновить наш механизм.
Станем твердо друг за дружку
Чтоб от бед себя спасти.
Словом, общую нам кружку
Надо, братцы, завести!»
Столковались в два слова,
Подмахнули векселя.
Кружка сбиная готова:
Лига Наций. Вуаля!
Лига Наций. — Карты ясны! —
Мировой Торговый Дом.
Пять разбойников согласны
Честно жить... чужим трудом!
Все прохвосты славословят
Лигу Наций (то-бишь трест).
Пять разбойников готовят
Для России... новый Брест.
Лига Наций! Лига Наций!
Для буржуев — ананас.

*

*Псы, за сколько ассигнаций
Вы отступитесь от нас?*

ПОСЛУШАЙ

У *Мартсва* — припадок снова,
Поди такому докажи,
Что подменять *свободу слова*
Нехорошо *свободой лжи*,
Что всем (и глупому эсеру
И меньшевистскому лгуну)
Знать надо истину одну:
«Послушай, ври, да знай же меру!»

ОТХОДНАЯ
Казачья песня

Как во славном то было во городе,
Да в Новочеркасском,
Малый круг, старшина вся казацкая,
Она собиралася.
Не на радость сошлись атаманщики,
Не на пиროваньице:
Злое горе на них понадвинулось,
Беда неминучая.
Перед кругом Краснов генерал — он ходил,
Ходил, горько плакался:
«Генералы мои, вы полковники,
Есаулы храбрые,
А и крепкую, братцы, нам думушку
Надо передумати.
Нам с московскою Красною Армией
Нету силы справиться:
Притомилися кони казацкие,
Сабли притупилися,
Наше храброе войско казацкое
В боях истрепалось,
Офицерство, погибель почуявши,
В кабаках шатается,
Голь казацкая с Красной Армией
Во всю мочь братается.
Наступать уже не с кем нам более
И податься некуда,

На заморскую помощь надеяться
 Нам уж не приходится,—
Пред врагом положила оружие
 Силушка яицкая.
Все растет, расползается, ширится
 Язва большевицкая!»
Как во славном то было во городе,
 Да в Новочеркасском,
В малом круге казачеству старому
 Пел Краснов отходную,
Пел отходную всем атаманщикам,
 Их житью привольному.
За окном той отходной подтягивал
 Молодой детинушка:
«Уж как с вами, злодеями нашими,
 Скоро мы расправимся!
На Кубани-реке да на Тихом Дону
 Встанет вся, поднимется,
Соберется в один, во Советский свой круг
 Голытьба казацкая!»

С Н Е Ж О К
(Шуточная)

Из-под тучки ветер веет,
Из-под падеры — снежок.
У девчонки сердце млеет,
Что не пишет мил-дружок.

Едут сани из Казани,
Кони падают в снегу.
«Жду я, жду письма от Вани,
Все дожждаться не могу!»

Эвон, снегу сколько, шутка!
Нет ни краю, ни конца.
Не горюй, не плачь, Машутка:
Жди от Вани письмеца.

Мы дороги все исправим
Без особого труда:
*На учет весь снег поставим, —
Снег исчезнет без следа!*

ЧАСТУШКИ

(Девичьи)

Говорила дураку:
Не курил бы табаку,
А сосал бы соску.
— Рубль за папироску!

Исходила я все лавки,
Канифасу не нашла.
Пуд муки за три булавки
Я приказчику дала.

Ой, хохонюшки, хо-хой,
Ходит барин за сохой,
В три ручья он слезы льет:
— Нашей кровушки не пьет!

Косит Федя на реке
В новом барском сюртуке.
Нарядился дуралей,—
Ты в поддевке мне милей!

На платочке я для Феи
Вышиваю буки-веди.
В Красной Армии, в бою,
Помни милую свою!

Будь я парнем, не девицей,
Была б вольною я птицей.
Не сидела б, не тужила,
В Красной Армии служила!

ПОДРУГАМ, СЕСТРАМ, МАТЕРЯМ

Привет подвижницам, чей путь высокий прям!
Привет мой женщинам, идущим к цели ясной,
 Подругам, сестрам, матерям
 Героев нашей рати Красной!

И друг, и брат, и сын, идя на смертный бой,
Пусть знают, жертвуя за волю братской кровью,
 Чьи очи скорбные следят за их судьбой
 С немym восторгом и любовью!

Но трусы жадные, кем овладел испуг
И кто покинул пост, где стойко бьются братья,
 Пусть знают, чьи их ждут суровые проклятья
 И для кого они — не сын, не брат, не друг!

Наступят дни: весь мир цветущим будет раем,
Власть утвердит свою освобожденный Труд.
 Но друга, матери, сестры последний суд
 Не оправдает тех, на ком клеймо Иуд.
 Позор предательства вовеки несмываем!

КОРНЕЙ

От вора нет запора:
К добру чужому вор всегда пути найдет,
И если сторожит добро собачья свора,
Так он и свору уведет.
Зачем? Известно, для продажи.
(Собачина теперь за лакомство идет.)

*

В одном селе, что день, то объявлялись кражи:
Там — лошадь увели, там — боров был и нет,
Там — весь амбар очистил кто-то...
Гадали мужики: чья б эта вся работа?
Напали под конец на след:
Корнея сцапали с поличным!
«Ты что же, вражий сын? Был мужиком отлич-
ным

И вдруг...»
«Попался, черт? Ну, как нам быть с тобой?»
«Коня чужого вел, хе-хе, на водопой?!»
Шумел кругом народ, глумясь над конокрадом.
Корней, понурившись, стоял перед толпой,
Из глаз катились слезы градом.
«Я... братцы!.. Господи!.. Какой я, братцы, вор?»
Не помню, как залез к Федоту я во двор...
Попутал, знать, меня нечистый
(Корней был паренек речистый).
Да рази ж я когда, хоть раз до этих пор,
Был вами в чем худом замечен?

Да попадися мне какой-нибудь злодей,
Который нищил бы людей,
Он мною первым был бы насмерть изувечен!
Не о прощении я, братцы, вас молю.
Я докажу, кто я! Все убедились чтобы...
Назначьте сторожем меня, хотя б для пробы...
Я за неделю всех воров переловлю!»
Размякли мужики. Помиловали вора.
«Что ж,—молвил дед Егор,—простим на первый
раз.
Ступай, Корней, но впредь уж не пеняй на нас:
Убьем, как пса, без разговора!»
«Да я...—завыл Корней,—да чтоб мне околеть!»
И в ту же ночь у деда у Егора
До ниточки очистил клеть!

*

Кто ждет раскаянья от Виктора Чернова?
Нет, он неисправим, эсеровский Корней!
Белогвардейская все та же в нем основа.
Чтоб волк эсеровский не рвался до мясного,
Не оставляй ему — не то зубов: корней!
Так дело будет поверней!

УТОПЛЕННИК

(В. Чернову — тою же монетой)

Вновь *Чернск* воюет с нами,
Поднимая злобный вой.
«Долго мертвый меж волнами
Плыл, качаясь, как живой».
Учредилки образ ясный
Воспевает во весь дух.
«Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух».
Учредилкой излечиться
Убеждает он народ.
«И утопленник стучится
Под окном и у ворот».
«Мужику какое дело?»
Как *Чернов* ни верещит,
«Он потопленное тело
В воду за ноги тащит».
Ах, создание *Чернова*
Навсегда пошло на слом.
«И от берега крутова
Оттолкнул его веслом».
Понимаем, дескать, сами,
Кто народу враг прямой.
«Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой».

(Разъяснение к фельетону)

Друг *Чернов*, молва худая
Про тебя уже стара,
«Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра».
Не пугай: «Колчак под боком»!
На тебе — его лучи.
«Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи».
Против нас поднявши травлю,
Вновь стоишь ты пред бедой:
«В мерный круг твой бег направляю
Укороченной уздой».
Так-то!

ТЕМНОТА

В воскресенье к Иверской иконе потянулись богомолки и богомольцы, встревоженные слухом, что большевики хотят икону куда-то убрать.

Слух оказался чьим-то злым и нелепым вымыслом.

(Из газет 1919 г.)

У божественной иконы
Две старушки бьют поклоны,
Бьют да бьют,—
Две старушки,
Побирушки,
Слезы льют.
Сухонькие, бледные...
Сирые, бездомные...
Бедные,
Бедные!
Темные,
Темные!
Вздохи... Стоны...
У иконы
Две старушки бьют поклоны,
Распластались у подножья:
«Мати божья!.. Мати божья!..»
«Примем смерть... Пойдем на муки!»
«Упокоимся в раю...»
«Не дадим злодеям в руки
Мать-заступницу свою!»

Богомольцы, богомолки
Возле Иверских ворот.

Будоражат злые толки
Одурманенный народ.
Спор вести с детьми за соску
Взрослым людям не с руки.
— Измолитесь вы хоть в доску,
Чудаки!

НОВАЯ ПОСЛОВИЦА

Бавария — гох,
А Шейдеман — ох!
А мы прокричим Баварии — ура!
Давно, мол, братцы, пора.
Долго мы ждали. Но как бы то ни было,
«Нашего полку прибыло».
(По оригинальному выражению одного моего друга.)

Наше зерно дает пышный росток.
Взявши энергии жизненной с Юга,
Хорошо б напереть нам теперь на Восток.
Чтой-то Колчак там весьма зарывается
(Англо-французистый тож ананас).
Волга широкая нынче вскрывается —
Твердо я верю — для нас!
Наши по ней поплывут караваны
Барок и всяких судов.
Рушатся подлые планы
Наших врагов.
Скоро по Волге в Россию голодную
Всяких даров навезут.
Прыть паровозную и пароходную
Уголь повысит, и нефть, и мазут.
Дело у нас тогда сразу изменится.
Легче вздохнет наш народ.
Вы-Сов-Нар-Хоз молодцом подбоchenится,
И оживится Ком-Прод!

БАЛЛАДА
(*Меньшевистская*)

У московского почтамта
Неустанно каждый день,
Тихо шлепая по луже,
Грустно бродит чья-то тень.

В зал войдет, и писем спросит,
И печально отойдет,
И до вечера тоскливо
От кого-то вести ждет.

Ждет и жалобно бормочет
Всем понятные слова:
«От венгерского совета,
Адрес: *Ленину, Москва*».

Дню на смену ночь приходит.
Наступает новый день.
По почтамту снова бродит
Та же горестная тень.

Подойдет к окошку, спросит,
И печально отойдет,
И опять до поздней ночи
От кого-то вести ждет.

Ждет и злобно повторяет
Всем понятные слова:
«От баварского совета,
Адрес: *Ленину, Москва*».

Дню на смену ночь приходит,
Наступает новый день.
У почтамта снова бродит
Та же горестная тень.

Тихо шлепает по луже,
Горький жребий свой кляня:
«Почему же, почему же
Не приветствуют меня?»

Тень обиженная хнычет,
И в обратный путь бредет,
И прохожим в руки тычет
Желтый лист — *«Всегда вперед»*.

ПРАВДА

С товарищами красноармейцами беседа по душам

ОТ ТОВАРИЩЕЙ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ
ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

П и с ь м о¹

Перед вражьими окопами
Притаилась наша часть:
Бьемся с царскими холопами
За Советскую мы власть.

Не страшна нам сила черная
И не страшен нам Колчак:
Сила красная, упорная
Не боится злых атак.

Как Колчак ни хорохорится,
А ему не сдобровать:
Кто на красный штык напорется,
Уж не будет воевать.

Велика отвага гордая
У испытанных частей,
Но слабеет сила твердая
От нерадостных вестей.

¹ Переложено в стихи подлинное письмо красноармейцев.

Пишут из дому родители,
Плачет каждая строка:
Там какие-то грабители
Утесняют мужика.

Мужики во всем ответчики,
Власть — как новая метла:
Где начнут мести советчики,
Все повыметут дотла,

Обернулась-де татарщиной
Власть рабочих и крестьян.
Не под новой ли мы барщиной,
Дорогой наш брат Демьян?

Мы твои читали повести.
Правду слов твоих ценя,
Просим дать ответ по совести!
Правду ль пишет нам родня?

О т в е т

**ДЕМЬЯНА БЕДНОГО
ТОВАРИЩАМ КРАСНОАРМЕЙЦАМ**

Пред товарищами милыми
Я не скрою ничего.
Вам пишу я не чернилами, —
Кровью сердца своего.

Нету глупости разительней,
Чем прикрашивать все сплошь.
Правда горькая пользительней,
Чем подслащенная ложь.

Мы — не боги несудимые:
Не минует нас молва,
Но спасибо вам, родимые,
За открытые слова.

Дышат правдою сгущенные
Краски вашего письма.
Шайки гадов развращенные
Навредили нам весьма.

Власть бывшая обезглавлена,
И сбежали господа,
Но не вся еще раздавлена
Подхалимская орда.

Холуи царя Романова,
Челядь сброшенных господ,
Перекрасившись заново,
Взбаламутила народ.

Приспособясь помаленечку,
Так, чтоб было ей тепло,
Где — прижала деревенечку,
Где — ограбила село.

Доведя ж до озверения
Волость целую, скорей
Полк звала для усмирения
Непокорных бунтарей.

Замутили эти гадины
Нам немало волостей.
Нет, не жалко перекладины
Нам для этаких властей.

По делам крестьянским следствия
Нам пришлось наряжать:
Кто чинит крестьянам бедствия?
Что их стало раздражать?

Как пошли везде ревизии,
Сразу диву все дались:
Черносотенные физии
В комиссарах обрелись.

Где — урядники, где — стражники,
Где — сам черт не разберет:
Воры, взяточники, бражники
Повылазили вперед.

От усердия их ярого
Всем досталось по бокам.
Новый строй похуже старого
Показался мужикам.

Невдомек им, что не видели
Строя нового они:
Те ж их аспиды обидели,
Что их жали искони.

Отвечали безответные.
Кулаки ж да торгаши
Той порой себе несметные
Наживали барыши:

В город крадучись сторонкою,
Чтоб избежь беды какой,
Промышляли самогонкою
И припрятанной мукой.

Деньги прятали в кубышечки
И... кляли большевиков,
Что последние излишечки,
Мол, берут у бедняков.

Бедняки и отдувались.
Мироеды ж кулаки,
Знай, в Советы набивались
И... спасали сундуки.

Наконец, по малом времени,
Правда выплыла на свет:
Получил от нас по темени
Не один такой Совет.

Ленин дал распоряжение,
Чтоб, прижучив кулаков,
Больше вникнуть в положение
Всех трудящихся мужиков,—

Стаю черную, речистую,
Перекрашенных ворон
Вывести всю на воду чистую,
Проучив за весь урон,—

Сделать чистку повсеместную
Всех запакощенных мест
И послать в деревню честную
Большевистский манифест:

Мол, пора вам, люди милые,
Твердо стать на новый путь,
Беспорядки, вам постылые,
По-иному повернуть,—

Не шуметь, махая вилами,
И не пятиться назад,
А своим умом и силами
Строить жизнь на новый лад,—

Новой власти быть не слугами,
А союзной стороной,
Чтобы общими потугами
Послужить стране родной,—

Укрепить житье свободное,
Вольный труд, советский строй,
И за счастье всенародное
Стать при случае горой.

Чтоб опять какая гадина
Не вошла в большую роль,
Нынче власть деревне дадена:
Проводить везде контроль.

Все деревни, все селения,
Чтоб избыть тисков крутых,
Присылайте заявления,
Наряжайте понятых.

Не пугайтесь охальников:
Есть у нас на них узда,
Всех разнузданных начальников
Ждет возмездие суда.

Не потерпим укрывательства
И поблажки не дадим.
За насилие, надругательства
Никого не пощадим.

Но, хоть слухи ходят разные,
Помнить, братцы, надлежит:
Про поступки безобразные
За сто верст молва бежит.

Есть, однако, люди честные,—
Ими мы не так бедны,
Но их подвиги безвестные
Сразу многим не видны:

Им противно своеволие,
Их душе корысть чужда.
Дайте нам таких поболее,
Вся уляжется вражда!

Будут все наросты сглажены
При согласии в делах.
Все заделаем мы скважины,
Сырость выведем в углах.

Вековой болячки-хворости
В день один не излечить,
Все ж надеемся мы вскорости
Облегченье получить.

Бойся больше разнедужиться,
Подбодрись, родной народ!
Надо всем нам понатужиться,
Перейти последний брод.

От врагов оградой прочною
Оградившись с трех сторон,
Мы не кончили — с восточною
И несем на ней урон.

Здесь сильна рука Иудина
И обдуман адский план:
Горемыку-простолюдина
На господский взять аркан, —

Силой взять иль речью лживою
С толку сбить и улестить,
Чтоб потом тройной наживою
Все убытки возместить.

Чтоб имения дворянские,
Вновь оставшись без земли,
Руки черные, крестьянские,
В прежний облик привели,

Чтобы к барам вновь вернулася
Сила прежняя и власть,
Чтобы кровью захлебнулася
Ненасытная их пасть,

Чтоб, у старого и малого
Вырвав нищенский кусок,
Из народа обнищалого
Выжимать последний сок,

Чтобы вновь орлы двуглавые
Осеяли трон царя,
Чтобы войны шли кровавые
За проливы и моря,

Снова те же приказания,
Свист бичей и звон оков,
Податные истязания
Разоренных бедняков,

Та ж деревня обделенная,
Те ж вампиры-города,
Та ж навек закабаленная
Воля пасынков труда.

Братья милые, любимые,
Горько, горько нам теперь:
Всем нам муки нестерпимые
Причиняет Голод-зверь.

Тяжек бой с врагами внешними
И с прохвостами внутри.
Сжаты страшными мы клешнями, —
Вот зажмут, того смотри.

Не худое мы затеяли,
И не зло у нас в уме:
Много дряни мы отвеяли,
Но бредем еще во тьме.

Долго баре нами правили,
Приучали нас к кнуту,
И в наследство нам оставили
Робость мысли, слепоту.

Спавших спячкой непробудною,
Разбудила нас гроза,
И теперь, в минуту трудную,
Сонно жмурим мы глаза, —

В миг великий пробуждения,
Разметав своих врагов,
Ждем как будто понуждения
Для решительных шагов.

Но для дела мало смелости:
Нужен ум и нужен глаз.
Зло от нашей неумелости
Получалось не раз.

Поработаем — научимся.
Первый опыт как ни туг,
Перебьемся, перемучимся
И осилим наш недуг, —

Соскребем коросту гнойную,
Косность рабскую и лень,
Обративши страду знойную
В трудовой веселый день.

Одинаково нам дороги
Труд на пашне, в мастерской,
Та ж семья, — не злые враги, —
Сельский люд и городской.

Общим станем мы содружеством
Жизнь налаживать свою,
Силой равные и мужеством
И в работе и в бою.

Бой последний, бой решительный
Доведем же до конца,
Пусть удар наш сокрушительный
Выбьет дух из подлеца.

Вместе с жирными чалдонами ¹
Доконаем Колчака,
Чтобы царскими законами
Не страшал он мужика,

Чтобы жертвой не напрасною
Были черные года,
Чтоб возшло над Русью Красною
Солнце Правды и Труда.

¹ Жирные чалдоны — сибирские кулаки.

СТАРОЕ И НОВОЕ

СТАРОЕ

Ой калина, ой малина,
Вот вам старая былина ¹.
 Ой калина!
 Ой малина!
«А бывало, братцы, встарь —
Хоть дубиной приударь.
 Ой калина!
 Ой малина!
Ни из чести, ни из платы
Не пойдет мужик в солдаты.
 Ах калина!
 Ах малина!
Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царскую нейдет.
 Ох калина!
 Ох малина!
А когда служить сберется,
Словно с жизнью расстается.
 Ох калина!
 Ох малина!
Тут жена, и сват, и брат,
Гришка, Сидор и Кондрат.
 Ой калина!
 Ой малина!

¹ Старое заимствовано из старых солдатских песенников.

Как по мертвом зарыдают,
До кружала провожают.
 Ах калина!
 Ах малина!
Всей деревней заревут:
Ваньку в рекруты сдают!
 Ох калина!
 Ох малина!»

Н О В О Е

Эх калина да эх малина,
Ни к чему теперь дубина.
 Эх калина!
 Да эх малина!
Погонялки мы не ждем,
В Красну Армию идем.
 Эх калина!
 Да эх малина!
Красный штык — защитник плуга.
Мы не барская прислуга,
 Безответная,
 Подбуфетная.
Красной Армии полки —
Люд фабричный, мужики.
 Рать свободная,
 Всенародная.
Всю господскую ораву
Распатроним мы на славу,
 Сволочь барскую,
 Челядь царскую!
Всем господским холоуям
Накладем мы по шеям
 Уж умеючи,
 Не жалеючи!
Сбросив трутней с нашей шеи,
Перепашем мы траншеи.
 Плуги, бороны
 Во все стороны!
С песней, утренней росой,
По лугам пройдем с косой.

Эх калина!
Да эх малина!
Хлеб в полях заколосится,
С рожью в уровень пшеница
Колосистая,
Золотистая!
Урожай убрав с полей,
Заживем мы веселей.
Эх калина!
Да эх малина!
Оживут леса и воды,
Загремят везде заводы
Громом радостным,
Сердцу сладостным.
Все машины пустим в ход.
Пошевеливайсь, народ.
Дуй-наваливай!
Бей-накаливай!
Без досады, без помехи
Починяй свои прорехи.
Перекраивай,
Перестраивай!
Отворяй, мужик, амбар:
Получай за хлеб — товар
Не бракованный,
Патентованный!
Эх калина, да эх малина.
— Здравствуй, тетка Акулина,
Эх ты пряная
Да румяная!
Здравствуй, дядя Финоген!
Начинай-ка, что ль, обмен.
Вот калина!
Вот малина!
Вот те вилы! Вот брусок!
Вот коса — стальной носок!
Вот калина!
Да вот малина!
Вот те сбруя, вот подковы!
Деткам к празднику обновы.

Вот калина!
Да вот малина!
Карамельки, сахар, чай!
Подходи-ка, получай!
Вот калина!
Да вот малина!
Глядь, и бабушка Ненила
На обмен присеменила:
— Ах, батюшки!
Ах, матушки!
Сразу бабка расцвела,
Раскрасавица была!
— Эх, бабушка!
Ты разлапушка!
Вот те ситец, вот застешки,
Вот те, бабка, полсапожки!
Уж и ладненьки,
Да нарядненьки!
Бабка выпечет калач,
Обрядится вся в кумач.
Эх ты, модница,
Греховодница!
Дед Нефед, покинув печку,
За *Совет* затеплит свечку
И помолится
Да поклонится!
Жил я, скажет, сотню лет, —
Помирать охоты нет!
Да калина!
Да малина!
Нет господского уж дышла,
Вот когда нам воля вышла,
Воля-волюшка,
Счастье-долюшка!
«Отче наш, иже еси...»
Хорошо жить на Руси!!
Эх калина!
Да эх малина!!

ЗЕМЛЯ! ЗЕМЛЯ!

*Монолог из неоконченной драмы*¹

Родриго, ты — дурак,
Да и хвастун к тому же.
Ну, не сердися, друже.
А дело было так,
Как нам казалось тогда: не надо хуже.
Ребята, что же вы, как будто ныне пост?
Эй, Педро, крикни там, чтоб музыка играла.
Вина! Вина! И первый тост —
За адмирала!
В широкой шляпе и в плаще
Он, как литой, стоял, пронзая даль очами:
Днем — берегов искал и ждал огней — ночами.
Искал и ждал... Вотще!
Как чайки белые, неслись три каравеллы,
На них томились мы, матросы-удальцы,
Ватага буйная, тюремные жильцы
Ее величества, добрейшей Изабеллы.
Томились мы не день, не два, не три...
Ни признака земли не видя три недели,
Мы все глаза уж проглядели.
Пустыня водная, куда ни посмотри!
Родриго!.. Не ведет и ухом.

¹ Открытие Нового Света Христофором Колумбом (12 октября 1492 г.) сопровождалось большими трудностями и даже бунтом отчаявшихся в успехе матросов. Однако после один матрос оспаривал лавры Колумба, утверждая, что землю первый увидел он, а не Колумб.

Во лжи упорствовать ты будешь до седин.
Все, все, отважные, тогда мы пали духом,
 Не ты один!
Зато крикливее нас всех ты был, Родриго:
«Пускай на родине нас ждет любое иго, —
Все лучше, чем самим спешить до срока в ад.
Товарищи, Колумб нас, глупых, всех морочит, —
Погибель верную себе и нам он прочит.
Пора, товарищи, нам курс держать назад!»
Но, как литой, стоял, не отходя от румба,
Вонзая очи в даль, великий адмирал.
Ребята, выпьем за Колумба!
Он правду говорил. А ты, Родриго, врал.
И, ободряя нас умышленным обманом,
Пространствам пройденным урезывая счет,
Он нас уверенно вел к заповедным странам.
Кто смеет у него оспаривать почет?
Мы, духом падая, роптали, —
И — в этом совесть чья чиста? —
Родриго, и мои уста
Колумбу злобные проклятия шептали.
Меж тем всё шли да шли томительные дни,
Мы бредили землей и страх свой унимали:
То ночью видели какие-то огни,
То утром облака за землю принимали.
Разочарованным, снедаемым тоской,
Какою был для нас отрадою великой
Нежданный вид среди безбрежности морской,
 Вид ветки с ягодою дикой!
Какое шумное мы подняли вытье,
Какое всех тогда объяло нас веселье,
Когда мы на волнах увидели копье,
 Рук человеческих изделье!
Как стало нам тогда легко!
И хоть порой еще нас и брало сомненье,
Колумб нас ободрял: «Друзья мои, терпенье!
Предвестья — налицо. Земля недалеко!»
Ту ночь ты помнишь ли, Франциско?
И как ее забыть? Она у нас одна.
Над синей гладью низко-низко
 Стояла красная луна.

Шла «Пинта» впереди. «Санта-Мария» с «Ниной»
За нею рядом. Всех попутный ветер гнал.
Вдруг — пушка рявкнула над водною равниной.
Родриго, это ты нам с «Пинты» дал сигнал.
Все, затаивши дух, впились в даль глазами.
И с корабля до корабля
Кричали всеми голосами!
«Земля!..» — «Земля!!..»
Пьяня себя чужой и неразумной лестью,
Родриго хвалится теперь завидной честью:
Он берег увидал и первый подал знак.
Родриго, ты — дурак!
Ты ль споришь первенством с великим
Христофором?
Слепым щенком лежал в корзине ты, скуля,
Когда уж пред его духовным, ясным взором
Цвела заветная земля!
Мать у тебя еще под носом вытирала
И замывала твой торчавший сзади хвост,
Когда для нашего седого адмирала
О новых берегах попутный пел норд-ост!
Эй, крикни музыке, чтоб веселей играла!
Подбавь еще вина! Друзья, поднимем тост
За адмирала!!

ФРАНЦУЗСКАЯ БУЛКА

С колчаковского аэроплана в красноармейские окопы была сброшена обернутая в прокламации французская булка.

Отец служил у «дорогих господ»
(Свои харчи и восемь красных в год),
А я, малец, был удостоен чести:
С сопливым барчуком играл нередко вместе;
Барчук в колясочке мне кнутиком грозил,
А я... возил.
Не помню: то ль «игра» мне эта надоела,
То ль просто мною дурь мужичья овладела,
Но... «конь» забастовал и, бросивши игру,
К отцу забился в конуру.
Барчук, упорствуя, стучал ко мне в окошко:
«Ну, повози меня, Демьян, еще немножко!»
И соблазнял меня,
Забастовавшего коня,
Ревевшего в каморке гулкой...
Французской булкой!

*

Когда я услышал о «булке Колчака»,
Я вспомнил барчука.
Ну что ж? Польстясь на ласку,
Впряжемся, что ль, опять в господскую коляску?!
«Дай, барин, булку. А потом...
Хоть застегай нас всех кнутом!»

П О Р А !

То не рать идет на нас, не сила ханская,
Не орда деревни топчет басурманская, —
Это армия идет чернопогонная,
Та ль оравушка сибирская — чалдонная,
С офицерами, с помещичьим правительством,
Под колчаковским верховным предводительством,
Под знаменами с колчаковской короною —
То ль с орлом былым, то ль с дохлою вороною.
Сам Колчак, по фронту едет он со свитою,
Со всей сволочью дворянской именитою,
Скалит зубы лютый аспид, ухмыляется,
Перед армией своею похваляется:
«Уж, чалдоны вы, чалдоны мои верные,
Холуи мои, холопы вы примерные,
Потрудился я над выправкою вашею,
Не жалел, кормил березовою кашею,
Все извели мое вы милосердие,
Покажите ж вы теперь свое усердие:
Не жалея своей силы — алой кровушки,
Положите за меня свои головушки,
Чтоб, деревни, города спаливши целые,
Через трупы через ваши посинелые
С офицерской моей гвардиєю пламенной
Я дошел бы до Москвы до белокаменной
И, увенчанный всесветной царской славою,
Осчастливил Русь колчаковской державою:
Посадил бы вокруг себя господ сенаторов,
По губерниям назначил губернаторов,

Разослал бы станowych к местам насиженным,
Землю всю б вернул помещикам обиженным, —
Склады, фабрики — железные, суконные —
Снова в руки передал бы я в законные;
Богачам-купцам вернув статью доходную,
Разрешил бы я торговлю им свободную,
Городским бы господам вернул владения,
Вновь питейные открыл бы заведения,
В ход пустил бы все заводы спиртогонные,
С винных лавок брал прибыли б миллионные,
Все казармы вновь набил бы я солдатами:
«Маршируйте перед царскими палатами!
Расправляйтесь, черти, с братьями и сестрами:
Утверждайте власть мою штыками острыми!
Защищайте достояние господское!
Запрягайте в барский плуг сословье скотское!»
С подлой чернью, своевольной, узколобою,
Поведу я, новый царь, уж речь особую:
Задую двойной, тройною контрибуцией,
Запору, чуть где запахнет революцией, —
Не за речи, а за помыслы продерзкие
В клочья мяса превращу все рожи мерзкие, —
В тюрьмах буду подлецов гноить повалкою,
В церкви буду загонять железной палкою:
«Войте, псы, на четвереньках по-звериному,
Присягайте — покоряться мне единому
С благоверною супругой и со чадами!»
Мужичью пригну я головы прикладами:
«Много, черти, вы мутили да похабили!
Возвращайте, что у бар вы понаграбили,
Все до перышка снесите мне, до ниточки:
Покрывайте-ка господские убытки!»
Не забыты будут мной отцы духовные:
Увеличу я доходы их церковные
И земельные угождая им пожалую:
«Службу вы, отцы, несли царям не малую,
Проявите ж и ко мне святое рвение:
Всенародное устройте вы говение,
Исповедайте всю челядь непокорную,
Помогите мне траву всю вырвать сорную,
Злые плевелы отвеять все решительно, —

А уж я по ним ударю сокрушительно;
Не осталось чтобы семени проклятого,
Буду вешать бунтарей через десятого!
Никакого лиходеям послабления,
Чтобы помнили, как делать разграбления,
Как господское добро себе присваивать,
Как советское правление устраивать!
Будут маяться, как деды их не маялись!
Так зажму, чтоб бунтовать навек закаялись!»

Кончил речь Колчак, из пушки ровно выпалил,
Свои буркалы на фронт свирепо выпялил,
Ажно пятки у чалдонов зачесались.
(Только пятками чалдоны и спасались.)
«Ой вы, пятки ж наши быстрые, вы пяташки!»
Переглядываться стали тут ребятушки,
То ль колчаковское воинство хороброе:
«А ведет Колчак на дело нас недоброе,
На Иудино ведет на злодеяние!
Ждет какое ж нас за это воздаяние?
А не в пору ль, чем служить такому ворону,
Передаться всем на красную нам сторону,
На ту ль сторону рабочую, крестьянскую,
Сообща с ней доконать всю сволочь панскую,
Всю дворянскую породу именитую,
С Колчаком и всей его проклятой свитою?!
А не в пору ль, чем нам биться с братьей кровною,
Кончить дело мировую полюбовною,
Да просить, чтоб нас простили обмороченных,
Да в Советы слать людей неопороченных,
Власть Советскую повсюду строить честную,
Трудовую жизнь налаживать совместную?!»

*

Эх, кабы да это, братцы, все случилось!
Уж и что бы на Руси-то получилось!
Кабы оземь Колчаков мы всех шарахнули,
То-то б зажили, — святые б в небе ахнули!
Жизнь земная стала б слаще райской сладости,
И уж выпил бы я здорово на радости!

**ПЕСНЯ
«ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО» КООПЕРАТОРА**

*Посвящается бывшему министру кабинета
Керенского В. Н. Зельгейму.*

Я — не поклонник большевизма,
Я — стойкий, честный демократ,
Я — для поправки организма —
Хватил сто тысяч аккурат.

Пусть все кадят рабочей блузе,
Мне так пристал цилиндр и фрак.
И у себя в «Центросоюзе»
Я не дурак, я не дурак.

За неустанные работы
Я получил свой пенсион.
Как хорошо не знать заботы,
Попав в швейцарский пансион.

Бродить в горах весной и летом,
И сладко пить, и сытно есть,
И проявлять пред целым светом
«Демократическую» честь.

Кооператор я солидный,
Не вор, не плут. Люблю уют,
И — раз предлог есть благовидный, —
Смешно не взять, когда дают.

Взять, и с отменно чистой миной
В кафе швейцарском вечером
Сидеть с дражайшей половиной
И томно бредить Колчаком.

КУЛАЦКИЙ ПЛАЧ

Стоит кулак и чешет бороду:
«Ох-хо-хо-хо! Дела-дела!
Опять комиссия из городу:
Каких явилось два орла!

Имел я добрых две винтовочки.
Приберегал их до поры.
Ждал измененья обстановочки.
У, псы, едят вас комары!

Нашли винтовки под периною,
Не пулемет, как у попа.
С какой бы яростью звериною
Я размозжил вам черепа!

Убавь, кричат мне, фанаберии,
Не то!.. Ну что ж? В конце концов
Для ихней красной артиллерии
Пришлось отдать двух жеребцов.

В красноармейцы, вишь, охотников
Столпилось сколько у стола.
Для трех сынков моих, работников,
Давно уж очередь была.

Укрыл. Где чадушки спасаются,
Пока никто не подсмотрел.
Худеют парни. Опасаются,
Поймают — кончено: расстрел!

Ох, что же это стало деяться?
Когда ж я обрету покой?
Терпеть? Еще ли ждать—надеяться?
Аль уж надежды никакой?»

Страдая всей своей «утробою»,
Скулит кулак: «Дела-дела!»
И смотрит с бешеною злобою
На флаг кумачный у стола.

«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ»

Принципы народовластия и демократических свобод никому не дороже, чем нашей партии. Во имя борьбы за принципы демократии мы и сейчас стоим в оппозиции к политике российской коммунистической партии.

(Из меньшевистского манифеста.)

Читали меньшевистскую декламацию?
Какую Колчаку дали аттестацию!
Не стоит-де он меньшевистской симпатии,
Потому что он враг демократии.
Слова из песни не выкину:
Влетело заодно и Деникину:
— Надо смотреть за Деникиным в оба,
Подозрительна, дескать, и эта особа, —
А Деникин смеется («От слова не станется!»),
Прет на нас и назад не оглянется,
Оставляет свой тыл без внимания,
Потому что в тылу — «шейдемания»,
Меньшевистская братия,
Грузинская демократия,
Стадо выючных, покорных Антанте, ослов,
Воплощение мартовских слов,
Живая тому иллюстрация,
Что демократия — не реставрация.
— *Мартов*, дав большевизму анализ критический,
Позабыл помянуть про демократический
«Идеал воплощенный», меньшевистский Тифлис!
Браво, *Мартов*! Божественно! Бис!
Декламируй за нашей спиною,

Благо нашей гражданской войною
Огражден ты от риску
Подкрепить пред Деникиным клятвой «подписку»
В том, что после Деникинской «палочной критики»
Навсегда отрекаешься ты от политики.
Жалкий вождь жалкой партии — гнусной и жалкой!
Свыкшись некогда с царскою палкой,
С генеральскою палкой ты свыкся бы тоже.
(Это мы генералов колотим по роже.
Хоть «растрижды верховное» будь он правительство!)
Ты ж, наверно, уже мастеришь репетицию:
— «Ва.. ва... ваше... высокое.. превосходительство...
Разрешите... подать вам... «петицию!»»

«М Е - М Е»

Ночь... Небо синее... Луна и все такое...
Опять же рядышком кума...
Так диво ли, что волк, разнежившись весьма,
Стал исходить в любовном вое?
«Ах, кум,— заахала восторженно лиса, —
Бывают же такие голоса!
Кум, перестань. Смотри: я плачу!»
«Недурно? — отвечал куме полыщенный волк.—
Ну, успокойся, я умолк.
Как видишь, я своих талантов зря не трачу.
Хотя, по совести, какой же я певец?
Нет, ты послушала б хороший хор овец,
Так ты признала бы без моего влиянья:
Нет ничего милей овечьего блеянья!
«Ме-ме!.. Ме-ме!..» Напев как бы совсем простой,
А что такое «ме»? Ты вслушайся да вникни.
Выходит — ежели волк овце прикажет: стой!
Так значит: стой, овца, не пикни!
Покорно отвечай своею головою
И волка не вводи в излишнюю досаду,
Чтоб, утолив тобой законно голод свой,
Волк большего вреда не причинил бы стаду.
Да. Потому что волк есть волк, а ты — овца,
И оба правы до конца,
И ни к чему все эти толки,
Что гибель скорая постигнет всех волков,
Раз основной закон истории таков:
Где есть дремучие леса, там есть и волки.

И ясно, что пройдут еще века, века,
Пока расчистятся все дебри и пока
Вся жизнь устроится по новому закону,
Настанет тишь да гладь, да божья благодать,—
Мир уподобится овечьему загону:
Везде одна овца, а волка не видать.
Но рая этого придется долго ждать!
До тех же пор овце брыкаться неприлично.
Вот что такое «ме». Ты поняла, кума?»
«Еще бы! Поняла отлично.
Во всех курятниках обычно
Такие ж песенки слыхала я сама».

*

Чем, право, не пример овечьих убеждений,
Весьма приятных для волков
(Для всех Деникиных и прочих Колчаков),
Ме... ме... ме... методы программных рассуждений
Ме... ме... ме... ме... меньшевиков?!

МЕНЬШЕВИСТСКИЙ РАЙ

Письмо меньшевикам

Дорогая моя «социал-демократия»,
Мартов, Дан и прочая меньшевистская братия!
Знаю я, что в Москве вам — тоска.
Опять же, нет хлеба ни куска,
Об этом вы вопиете на всех переулках,
Так поговорим... о колчаковских булках.
А впрочем, вы — люди с головами,
Знаете, что Колчак кормит только словами,
Давая на закуску
Расстрел, плеть или кутузку,
Смотря «по вине».
Поговорим лучше об идеальной стране,
Где правят ваши единомышленники,
Социал-промышленники.
О Грузии вы послушаете с удовольствием.
Хоть и там не густо с продовольствием,
А все ж, если б вы Грузию навестили,
«Три Ноя» вас бы угостили,
Угостили б, наверно, не слишком открыто,—
Чужие свиньи залезли в корыто.
Ну, да и вам останется что-либо.
Что останется, и на том спасибо.
Приятели ваши — природные буфетчики:
«Социал-банкетчики»!
Немцев принимали — банкет!
Турок встречали — банкет!
Англичан приглашали — банкет!

Играли с Томсоном в крокет,
Облизывали ему пятки.
Шустрые ребятки!
Англичане уйдут, придут итальянцы,
Опять банкет и танцы,
Шашлык и макароны,
Да здравствуют новые «патроны»,
Сиречь — покровители! —
Запляшут грузинские правители!
«Пляши, враже, як пан каже!»
«Ничего, что рожа в саже:
Оботремся лакейской салфеткой,
А баре угостят конфеткой!
Сласти, не сласти,
Главное: удержаться у власти!»
А почему сие необходимо?
Грядущее — неотвратимо.
Все знают, что оно несет.
Подлецов ничто не спасет!
Насчет грузинского «рая» вы правы:
Там новый быт и новые нравы.
Английские солдаты
Заняли лучшие палаты,
Воздвигли перед ними площадки
И продают шоколадки,
Ананасы и другие деликатесы.
Окромя того, англичане большие повесы:
До вечера торгуют аккуратно,
Вечером и ночью — «раздача бесплатно»,
Принимают ночных гостей сердечно,
Дам и девиц, конечно!
Все дамы, знатные и незнатные,
Получают подарки «бесплатные»
И, целуя иного лейтенанта,
Визжат: «Да здравствует Антанта!»
Вот она, высшая политика!
А Церетели слывет за паралитика,
Не имеет никакого успеха:
«Только делу помеха!»
Друзья, тут ни при чем моя язвительность.
Все это подлинная действительность —

Сам Жордания дал оценку своей тактике:
«Проходим этнографию... на практике.
Даем возможность для тифлиссских жителей
Не покидая родных обитателей,
Изучать все нации Европы.
Скоро приедут эфиопы,
Устроим банкет на лоне природы,
Дамы сбросят «парижские моды»,
«Парадная форма» — полное обнажение.
Потому: «эфиопское положение»!
Мартов! Попробуй дать «опровержение»,
Скажи громко, что я, дескать, лгу.
Я еще почище факты берегу.
Пока их приводить нет необходимости,
Но я докажу, что «Тифлис — дом терпимости»,
Что грузинские меньшевики—социал-духанщики,
Прохвосты и обманщики,
И что близятся дни,
Когда будут они
Со всем угнетающим Грузию сбродом
Сметены, словно мусор, восставшим народом.

ВЫБРАЙТЕ

Образина — для иконы,
Просто ангельской красоты:
Генеральские погоны,
Генеральские усы,

Щеки жирные обвисли,
Под глазами два мешка,
Без единой светлой мысли
Меднолобая башка,

Рожу выбритая гладко...
Будьте, братцы, начеку:
С ним буржуйам будет сладко.
Но не сладко мужику!

Взгляд суровый, голос зычный.
Верным псом он был царю.
Разговор его обычный:
«Расстреляю!.. Запорю!..»

Всех тянуть привык он в струнку,
Нынче требует того ж.
Он — судите по рисунку —
На урядника похож.

Душегуб, прямой грабитель,
Всех помещиков кумир.
Этот, что ли, нам «правитель»
Принесет и хлеб и мир?

Без земли, без вольной воли,
Барам вновь попав в полон,
Эту гадину мы, что ли,
Возведем на царский трон?

Выбирайте!.. Дело ваше!..
(Я устал за вас болеть.)
Строй советский ли вам краше,
Генеральская ли плеть?

ГЕНЕРАЛ ШКУРА

Настоящая фамилия деникинского генерала Шкуро, как оказывается, не Шкуро, а Шкура — по отцу, казачьему атаману, мордобойце и шкуродеру.

Чтоб надуть «деревню-дуру»,
Баре действуют хитро:
Генерал-майора Шкуру
Перекрасили в Шкуро.
Шкура — важная фигура:
С мужика семь шкур содрал,
Ай да Шкура, Шкура, Шкура,
Шкура — царский генерал!

Два соседа — Клим с Авдеем —
Голосят во все нутро:
«Оказался лиходеем
Генерал-майор Шкуро!»

Ждали, видно, с ним амура,—
Он же в лоск их обобрал,
Ай да Шкура, Шкура, Шкура,
Шкура — царский генерал!

Плачет тетушка Маланья,
Потеряв свое добро:
«Вытряс все до основания
Генерал-майор Шкуро!
На Совет смотрела хмуро,—
Вот господь и покарал!»
Ай да Шкура, Шкура, Шкура,
Шкура — царский генерал!

Раздавал, подлец, воззвания:
«Буду с вами жить в ладу.
Против вашего желанья
Ни за что я не пойду».
В волке скажется натура,
Как бы сладко он ни врал,
Ай да Шкура, ай да Шкура,
Шкура — царский генерал!

«Я, — твердил, — такого мнения:
Перед богом все равны».
Глядь, за ним в свои именья
Все вернулись паны.
Счесть его за балагура,
Так, гляди, он что удрал —
Этот Шкура, этот Шкура,
Расторопный генерал!

Шкура к барам: «Извините...
Мужичье поблажек ждет.
Так уж вы повремените,
Ваше к вам само придет».
Мол, такая «конъюнктура»;
Подкузьмил совсем Урал.
Очень хитрый этот Шкура,
Шкура — царский генерал.

«Пусть вперед мужик привыкнет
К барской власти, господа!»
Тут мы в крик. А он как цыкнет!
Мы с испугу — кто куда.
Шкура — важная фигура,
С мужиков семь шкур содрал,
Ай да Шкура, ай да Шкура,
Ну и что за генерал!

Назывался демократом,
Брал обманом. А потом
Расправлялся с нашим братом
И прикладом и кнутом.

В волке скажется натура,
Как бы сладко он ни врал,
Ай да Шкура, Шкура, Шкура,
Шкура — царский генерал!

Стали «шкурники» порядки
На деревне заводить:
Кто оставлен без лошадки,
Кто в наряды стал ходить.
Стали все глядеть понуро:
Чтобы черт тебя побрал,
Пес поганый, волчья шкура,
Шкура — царский генерал!

Поп да дьякон — богомольцы —
Вкруг парней давай кружить:
«Поступайте в добровольцы
Генералу послужить!»
Шкура — в этом вся причина, —
Кто не шел — тех силой брал.
Ай да Шкура, молодчина,
Расторопный генерал!

Да парней-то нету боле,
Дезертиры есть одни,
«Добровольцы» поневоле —
Горько каялись они:
Страх берет и совесть мучит
Всех «зеленых» молодцов.
Ай да Шкура, он научит,
Всех проучит подлецов.

Взвыли дурни: «Злому гаду
Сами влезли мы в хайло,
Вот в какую нас засаду
Дезертирство завело!»
Бьют и слева их и справа,
Бьют враги и бьет родня:
Вся «зеленая орава»
В первой линии огня!

Той порой казачьи шайки
Всюду рыщут, все берут, —
Что не так — сейчас «в нагайки»
Иль в холодную запрут.
Воют всеми голосами
Клим, Аким, Авдей, Панкрат:
«Ай да Шкура! Видим сами,
Что ты есть за демократ!»

После дел такого рода
Научившись рассуждать,
Красной Армии прихода
Вся деревня стала ждать.
«Караул! Не жизнь, а мука:
Шкура шкуру с нас сдерет!»
Это, братцы, вам наука:
Быть умнее наперед!

О МИТЬКЕ-БЕГУНЦЕ
И ОБ ЕГО КОНЦЕ

I

Ну-тка, братцы, все в кружок
На зеленый на лужок.
Трында-брында, трында-брында,
На зеленый на лужок.

Я вам песню пропою
Про деревню про свою.
Трында-брында, трында-брында,
Про деревню про свою.

Все деревни обошел,
Нигде лучшей не нашел.
Трында-брында, трында-брында,
Нигде лучшей не нашел.

Как у нас-то кулаки,
Они все не дураки.
Трында-брында, трында-брында,
Они все не дураки.

С ними дело-то веда,
Пальца в рот им не клади.
Трында-брында, трында-брында,
Пальца в рот им не клади.

Потому — народ такой, —
Палец сцапают с рукой.
Трында-брында, трында-брында,
Палец сцапают с рукой.

Мастера они орать
Да декреты разбирать.
Трында-брында, трында-брында,
Да декреты разбирать.

Вмиг сумеют отличить:
Надо «дать» иль «получить»?
Трында-брында, трында-брында,
Надо «дать» иль «получить»?

«Получить» — декрет хорош,
«Дать» — цена декрету грош!
Трында-брында, трында-брында,
«Дать» — цена декрету грош.

Города нас извели:
Коммунизму развели!
Трында-брында, трында-брында,
Коммунизму развели!

Как Перфильев наш Кузьма,
Оборотлив он весьма.
Трында-брында, трында-брында,
Оборотлив он весьма.

Перед миром лебезит,
Коммунистам всем грозит.
Трында-брында, трында-брында,
Коммунистам всем грозит:

«Не ходите по следам.
Я вам Митьки не отдам!»
Трында-брында, трында-брында,
Я вам Митьки не отдам.

А Митюха у Кузьмы
Дома прячется с зимы.

Трында-брында, трында-брында,
Дома прячется с зимы.

Дезертир — сынок родной —
Прохлаждается с женой.

Трында-брында, трында-брында,
Прохлаждается с женой.

То скрывается в лесу.
Ан беда-то на носу.

Трында-брында, трында-брында,
Ан беда-то на носу.

Дезертирам всем беда,
Не уйти вам от суда!

Трында-брында, трында-брында,
Не уйти вам от суда!

II

МУРАВЬИНАЯ КОММУНА

Дремлет Митя на прогалинке лесной.
Хорошо лежать на травушке весной,
Эх, на травушке-муравушке лежать,
Резвы ножки то раскинуть, то поджать.
Смотрит Митя: рядом возится жучок,
Настоящий работяга-мужичок,
Копошится у навоза целый день;
Муравьи в труху изъели старый пень,
То туда бегут мурашки, то сюда,
После общего веселого труда
В муравейник мчат — порядки там навесь.
Муравьиная коммуна, так и есть!
Тронул Митя муравейник сапогом,
Муравьи из муравейника — бегом.
Дружно кинулись в атаку на врага,
Митя — смахивать рукой их с сапога,
Ан мурашки лезут тучей из травы,
За коммуны не жалеют головы,—

Храбрецы уже у Мити на руке.
Как ожженный, Митя бросился к реке,
Наступивши по дороге на жука.
Раскраснелась у Мити вся рука.
Раздеваться стал наш Митя — весь в огне,
Слышит — бегают мурашки по спине.
Окунулся Митя в речку с головой:
«Муравейник-то, иначе, боевой.
Что бы делал я, когда бы не вода?»
Ай, мурашки! Коммунисты хоть куда!

III

Митька, одевшись, сидит над рекой,
Мокрые волосы гладит рукой,
С маслицем хлеб уплетает.
Митьке невесело. Митька сердит.
На воду Митька печально глядит.
Думушка где-то витает.
Гложет Митюху и стыд и тоска:
«Где-то там красные бьются войска...
Бьются за правое дело...
Спутал мне голову тятенька мой...»
Вечером Митька плетется домой.
Ноет усталое тело.

Дома Митюхе, иначе, не спать:
Будет всю ночь лихорадка трепать,
Будет то слева, то справа
Слышаться лай растревоженных псов,
Топот и звуки чужих голосов:
«Не на меня ли облава?»
Митька все чаще ночует в лесу.
«Глаша, еды принеси». — «Принесу».
«Режь мне потолще краюхи».
Глаша смеется. Мигает свеча.
Эх, и сноха ж у Кузьмы Лукича!
Сам выбирал... для Митюхи.

IV

Митька прятался умело.
За потворство же ему
Волостной совет «на дело»
Приневолил стать Кузьму.

Муж на фронте у Малашки,
Неуправка ей самой,—
По наряду ползапашки
Ей запахано Кузьмой,—

Уделить пришлось навозу,
Нарубить, привезть дрова.
Затаил Кузьма угрозу:
«Вот они пошли права!

Митька, слышишь? Ваших пару
Подрядить бы молодцов:
Пусть-ка всыпят комиссару,
Чтоб не мучили отцов.

Мямли, будь вам разнеладно!
По другим-то волостям
Комиссаров беспощадно
Оптом бьют и по частям!»

На свирепого папашу
Митька жалобно смотрел:
«Так-то так... Заваришь кашу,—
Угораздишь под расстрел!»

V

Пришло из города в деревню «обращенье»:
Мол, дезертирам всем объявлено прощенье
В последний раз.
Все, кто не явится исполнить долг свой честно,
Караться будут повсеместно,—
Таков приказ.

Дается льготный срок. А после — не взыщите:
Тому, кто отказал республике в защите,
Пощады нет.
И кто предателя подобного укроет,
Тот сам себе могилу роет.
Один ответ.

Все, в «перелетчики» попавшие случайно,
Те были льготой довольны чрезвычайно:
Пришли на сбор.
Кулацкие ж сынки и сволочь всякой масти
Решили дать Советской власти
Лихой отпор.

У Митьки-бегунца приятели нашлись,
К нему с винтовками молодчики сошлись
В лесной отряд.
Митюха дробовик отцовский взял с собою.
«Слышь, не сдавайсь, сынок, без бою;
Всади заряд!»

Батага молодцов, Вавила — коноводом,
А как рискованно в своих местах с народом
Стать на ножи,—
Ушли в чужой уезд. В лесу, в деревне, в поле
Пришлось пуститься поневоле
На грабежи:

Где выкрадут коров из-под чужой повети,
Где унесут добро, хранившееся в клетки.
В конце концов
Сумели насолить так трудовому люду,
Что мужики пошли повсюду
На бегунцов.

VI

О Колчаке ходили слухи.
Росли надежды кулачья.
«Большевики, едят вас мухи!
Что Волга? Чья?»

Читая каждый день газеты,
Кузьма Лукич глядел орлом:
«Чать, скоро, братцы, все советы
Пойдут на слом.

В Москве дошло до забастовок,
Шумят рабочие, хе-хе!»
Кузьма на радостях обновок
Привез снохе.

В лес дезертиры перестали
Крестьянских угонять коров:
Держаться все поближе стали
Своих дворов.

Но вот пошли другие вести.
Вновь кулаков тоска грызет:
«Колчак отогнан верст на двести...
Нет, не везет!

Знать, счастья долго дожидаться».
Пришла худая полоса.
И бегунцам пришлось податься
Опять в леса.

VII

Ванька, Фролка,
Пров, Николка
Да Панкрат,
Клим, Епишка
Да Микишка
Крепко спят.

Митька, Петька,
Гришка, Федька
У костра
Трубки курят,
Балагурят
До утра.

Вот светает,
Быстро тает
Синь-туман.
Лес проснулся.
Не вернулся
Атаман.

«Эх, Вавила!»
Охватила
Всех тут жуть:
«Поднимайтесь,
Собирайтесь,
Братцы, в путь!»

«Эх, Вавила!»
Приуныла
Вся семья.
Гнутся ветки.
«Гей, вы, детки!
Вот и я!»

Из разведки
Прямо редкий
Вышел прок.
Эвон, сколько —
Жрите только! —
Приволок.

Тише, Гришка:
Тут кумышка,
Не пролей.
Кто потянет,
Сразу станет
Веселей.

В сборе все ли?»
Парни сели
На траве.
Пили смело,
Зашумело
В голове.

На кумышку
До излишку
Налегли.
«Эх калина!»
«Эх малина!»
«Ай люли!»

«Сдобна, пряна,
И румяна,
И бела
Наша тетка,
Что лебедка,
Проплыла!»

Фролка пляшет,
Шапкой машет:
«Ну ж дела!
Слышь, ребята:
Женка брата
Родила!»

Фролка скачет,
Митька плачет,
Сам не свой
Весь трясется,
Оземь бьется
Головой!

VIII

«Ой, лесные вы ребяташки, зеленые,
Вы головушки-головки забубенные,
Дезертиры, бегуны вы все проворные,
А настали дни-денечки нынче черные,
Пробежало лета больше половинушки,
А куда теперь податься нам, детинушки?
Возле Питера войска разбиты белые
И колчаковцы бегут, как ошалелые.
Войско красное с Урала как воротится,
По лесам оно за нами поохотится,
Покарает дезертиров всех без жалости,
Половину расстреляет нас по малости.

Уж и так-то мы в лесу боимся шороху,
А придется, видно, нам понюхать пороху,
А придется передаться нам Деникину.
Я, Вавилушка, флажок зеленый выкину,
Будь что будет, раз такое положение.
Не пошлют авось нас сразу же в сражение.
Той порою, может, смута и уляжется:
Как Деникин победителем окажется.
Все домой вернемся с честью мы с великою:
На коне донском, с нагайкою и с пикою!»

IX

«Ваше выс-с-превосходительство!
Верьте истинным словам,
Вы — законное правительство,
И явились мы к вам!»

«Мо-лод-цы!»

«Мы не красные,— зеленые,
Натерпелися мы бед.
Все в побегах закаленные:
Не угнать за нами вслед».
«Мо-лод-цы!»

«Мы от красных отбивались,
Отбивались день и ночь:
По лесам густым скрывались,
Удирали во всю мочь».
«Мо-лод-цы!»

«Еле-еле к вам пробились,
Трудный сделали мы путь,
Все ужасно истомились:
Нам бы малость отдохнуть!»
«Мо-лод-цы!»

«Был бы отдых вам, ребяташки,
Если б враг не напирал,
Все вы— brave солдатушки,—
Ухмыльнулся генерал:—
Мо-лод-цы!»

Вашу доблесть в полной мере я
Оценю само собой,
Всех зеленых — в знак доверия —
Назначаю в первый бой!
Мо-лод-цы!»

Х

Перекосились рожи сразу
У всех «зеленых молодцов»:
По генеральскому приказу
Ведут в окопы бегунцов.

Дрожат в руках у них винтовки,
И сердце так щемит-щемит,
А красный враг без остановки
Их артиллерией громит.

В груди у Митьки все упало.
А сзади хохот казаков:
«Учили вас, чертей, да мало...
Сменять — на что?! — большевиков!»

«Ох, Митя,— плачется Вавила:
Раскис зеленый атаман,—
Могила всем нам тут, могила!..
Полезли сами мы в капкан!

Слышь? Тут, что ночь, то перебежки:
К большевикам бегут донцы!»
А сзади злее все насмешки:
«Эй вы, лесные храбрецы!

Вон там, за рощей, «враг» укрылся,
Идти в атаку ваш черед!»
Со страху в землю б Митька врылся,
Не то что двинуться вперед!

XI

Все зеленые вояки
Доигрались до конца:
Не вернулись из атаки,
Кроме... Митьки-бегунца!

«Вместе, Митя, плутовали,—
Вместе будем помирать!»
Но Митюху — Митькой звали:
Умудрился вновь удрать!

Засверкали только пятки.
Криков сзади не слышал.
Верст полсотни без оглядки,
Не присевши, отмахал.

В поле прятался за рожью
Иль в оврагах по кустам,—
Мчал, как волк, по бездорожью,
По неведомым местам.

Как-то утром заблестела
Перед Митькою река.
Камышами шелестела
Мутно-желтая Ока.

Тут дорожка уж знакома.
Огляделся бегунец:
«Скоро, скоро буду дома,
Скоро мукам всем конец.

Повинюся перед миром,
К комиссару сам приду.
Был, скажу я, дезертиром,—
Покарайте по суду.

Пусть я совесть успокою.
Смерть? Расстрел? Не задрожу,
Жизнью подлою такую
Больше я не дорожу.

Был досель в отцовской воле,
У отца на поводу.
По его указке боле
Я уж — баста! — не пойду.

Пощадить меня решите?
Дайте милость лишь одну:
Мне на фронте разрешите
Кровью смыть свою вину!»

ХП

Входит Митя, словно вор,
На отцовский двор.

Никого среди двора.
Поздно. Спать пора.

«Глаша, Глаша... Сколько дней
Не видался с ней.

Рада будет как теперь!»
В дом открыта дверь.

Митя, ставши на порог,
Устоять не мог,—

Захватило сразу дух,
Свет в очах потух.

Старый свекор и сноха...
Нет для них греха!

Позабывши честь, закон,
Не стыдась икон...

Глаша шепчет старику:
«Дверь-то... на крюку?»

Митька бросился, как зверь:
«Вот те, стерва, дверь!»

«Ай, спасите!»— Глаша в крик.
Зарычал старик.

В горло сын отцу впился:
«Вот где правда вся?»

Старина тряхнул плечом:
«Все мне нипочем!»

Подвернулся тут топор.
Кончен сразу спор.

Глаша вопит у ворот.
Прибежал народ.

Смотрит, ахает, скорбит:
Сын отцом убит!

ХІІІ

Могилка свежая. И крест. А на кресте,
В сердечной простоте,

Под образком, глядящим кротко,
Каракулями кто-то вывел четко:

«Поплачьте все над Митей-бегунцом.
Боялся смерти он. Скитался дезертиром.

И дома смерть нашел: убит родным отцом.
Спи, дорогой товарищ, с миром!

Раскаявшийся дезертир Спиридоновского лес-
ного отряда *Тимофей Ряз...*»

(Фамилия неразборчива.)

ЗАРУБКА

Мужик хитер, да память коротка.
Не будь у мужика
Для памяти подмоги,
Зарубки или узелка,
Совсем бы сбился он с дороги.
Вот басня, в ней урок. Хочу, чтоб кой-кого
Уму да разуму она бы научила.

*

У мужика у одного
С зарубки память соскочила.
Емелька в оны дни, известно, как он жил:
«Живем — о землю рожей!»—
Работал день и ночь, и день и ночь тужил,
В избе нетопленной прикрывшись рогожей;
Худой, оборванный, босой,
Кряхтел над тощей полосой
И, встав порой у раздорожья,
Где был в помещицью усадьбу поворот,
Шептал озлобленно: «Ограбили народ!
Всю землю отняли! А ведь земля-то божья!»
Что ж приключилось с Емелькою, когда
От бар не стало и следа?
Дорваться стоило Емельке до земельки,
Отшибло память у Емельки.
С ним деликатничай, его не раздражай;
Собравши новый урожай,

С деньгой кубышечку храня у изголовья,
Емелька позабыл все прежние присловья.
Он прежде был добряк. Теперь он не таков.
Теперь он кулаку иному не уступит:

Он хлеб продаст тому, кто купит.
Спокойно с городских рабочих, с бедняков,
За фунт муки три шкуры слупит.
На власть Советскую беда как он сердит.
«Учитывают хлеб,— угрюмо он твердит,—
На кой же ляд тогда, выходит, сеял рожь я?
С учета этого убыток мне прямой!»
«Емелька, а земля?..»

«Земля, конечно... божья,
А хлебец — мой!»

*

Емелька, мазан я с тобой одним елеем
И говорю с тобой, как с братом иль отцом.

Не будь, Емеля, подлецом,

А наипаче — дуралеем!

Голодные, мы сил последних не жалеем,

Но до конца борьбы еще не довели.

Коль мы по милости твоей переколеем,

Ты околеешь — без земли.

Советские враги — не о тебе радеют.

И если баре вновь землю овладеют,

То — заруби себе ты это на носу! —

Так возмещать начнут они свои убытки,

Что, вынося от них неслыханные пытки,

Ты, весь обобранный до нитки

И прячась где-нибудь в овраге иль в лесу,

Начнешь завидовать ты собственному псу!

ПОЛКОВНИК «КУЛАК-КУЛАКОВИЧ»

*Я — единственный начальник русских
войск Гдовского, Псковского и Лужского райо-
нов. Я — законный представитель народной
власти.
Ослушников расстреливаю!*

Подписал:

*Атаман крестьянских партизанских отрядов
полковник Булак-Балахович.*

То грозит нам не старый Илья-богатырь
И не славный Алеша Попович,
То дворянский ублюдок, голодный упырь,
Пан-полковник Кулак-Кулакович.
 Не надеясь на силу своих кулаков,
 Он не брезгает подлым обманом
 И сзывает, сзывает в свой стан дураков,
 Величая себя атаманом.
Эй, Кулак-Кулакович, лихой атаман,
Далеко те до Разина Стеньки:
Выворачивал Стенька боярам карман,
Но ни сжег ни одной деревеньки.
 Стенька шел впереди своих вольных людей
 В кумаче, а не в царском уборе,
 И таких «атаманов», как ты, лиходей,
 Стенька вешал на первом заборе.
И тебе, Кулаку-Кулаковичу, тож
Не уйти от народной расправы, —
Скоро в спину получишь ты пулю иль нож
От своей же от белой оравы.

Потому что настанет такая пора:
Все Епишки поймут и Микешки,
До чего довести может эта игра,
Где они — только жалкие пешки;
Что какая-то сволочь пройдет в короли,
Офицеры получают поместья,
А для пешек достанется — холмик земли
Да позор векового бесчестья!

СУДАРЬ-БАРИН

Песня

(Фронтová)

*Член особого совещания при Деникине,
Колокольцев, заявил, что крестьяне должны
будут $\frac{1}{3}$ урожая и $\frac{1}{2}$ сена отдать прежним
владельцам — помещикам и арендаторам.*

Красным — «барин — злой татарин»,
Белым — мил припев другой:
«Уж ты сударь, ты, наш барин,
Сударь-барин дорогой!»
Уж ты сударь, ты, наш барин,
Сударь-барин дорогой!

В белой гвардии солдаты,
Одно слово, молодцы, —
Про мужицкие заплаты
Позабыли, подлецы!
Уж ты сударь, ты, наш барин,
Сударь-барин дорогой!

Как росли под плеткой барской
На спине у нас рубцы,
Как жилось под властью царской, —
Все забыли, стервецы!
Уж ты барин, ты, наш барин,
Сударь-барин дорогой!

Позабыли, — ум отшибло! —
Сколько мы вскормили вшей,

Сколько в войнах люда гибло
Ради барских барышей.
Уж ты добрый, ты, наш барин,
Сударь-барин дорогой!

В белой гвардии ребята —
Закаленные сердца:
Разопнут родного брата,
На штыки возьмут отца!
Будь доволен, сударь-барин,
Сударь-барин дорогой!

Дураков везде довольно,
Ими улицы мости.
Лезут в петлю добровольно:
Барин вновь у них в чести.
Распрекрасный ты наш барин,
Сударь-барин дорогой!

«Были босы, будем босы:
Без сапог — ногам не преть.
Вот те, барин, сенокосы,
Вот те, барин, хлеба треть!
Поправляйся, сударь-барин,
Благодетель дорогой!»

«Дай по трешнице на рыло
Холуям твоим на чай
И добро, какое было,
Все обратно получай!
Получай, голубчик барин,
Поправляйся, дорогой!»

Братцы! Силы мы утроим
И господским холуям —
Всем деникинским героям —
Накладем мы по шеям!
Холуям и добрым барам
Накладем мы по шеям!

НЕ ТЕРЯЙТЕ, ТОВАРИЩИ, ВЕРЫ ВЫСОКОЙ

Вот что, товарищи, досадно:
С красной Венгрией что-то неладно.
Хоть и врут на три четверти радиogramмы,
Но, видно, в Будапеште не обошлось без драмы,
Пахнет гнуснейшим предательством
(Социал-соглашательством!).
Польстясь на посулы Антанты,
Соглашательские франты
Пытаются во главе республики
Поставить отбор из чистейшей публики,
То-бишь, пустивши в оборот «демократию»,
Разводить с Антантой «дипломатию»
(Танцевать по чужому приказу).
Антанта прижала их сразу:
«Неча играть нам в прятки,
Снимайте штаны, ребятки!»
А те готовы со страху
Снять и рубаху.
Простая штука,
И впредь дуракам наука,
Умный всегда в одиночестве.
Нет, не ошибусь я в пророчестве.
Как нам будет ни трудно держаться,
На судьбу все ж нам грех обижаться.
С надрыву расейский народ киловат,
Но — жиловат.
Мы Антантам всем на зло продержимся,
На колени (к чертям!) ни пред кем не повержемся.
Выпал жребий нам тяжкий, но славный,

«Класс рабочий всемирный» — союзник наш главный.

Кто не верит в него, тому не во что верить,
Тому все наши подвиги надо похерить,
Растянувшись в гробу, ручки-ножки сложить.
Для чего больше жить?

*

Не теряйте, товарищи, веры высокой.
Не осталась Советская Русь одинокой!
Пролетария можно предать, обмануть,
В кабалу его в прежнюю снова вернуть,
Пролетарий обманутый — все ж пролетарий!
Он не прежний униженный парий,
Он не прежний забитый, запуганный раб.
Он ослаб.
Велико его бремя.
Но придет его время,
Торжествуя, победно восстать.
Что пигмейской душе не под стать,
То под стать исполину:
Как ни тяжек веками накопленный гнет,
Но, стряхнув его с плеч, исполин разогнет,
Навсегда разогнет исполинскую спину.
Жребий горький, но славный дала нам судьба,
Злую, злейшую участь раба
На своей испытали мы шкуре,
И по силам такая, как наша, борьба
Только нашей широкой натуре,
Нашей воле стальной,
Закаленной в тягчайшей неволе.
Мы всех дольше стояли с согбенной спиной
И терпели всех боле,
И за это дана нам судьбой
Величайшая честь — нашей силой бунтарской
Завязать и решить окончательный бой
За судьбу всей семьи мировой пролетарской.
О делах наших будут судить по концу,
По концу будет честь воздана и награда,
Вам — героям, железным бойцам Петрограда,
Мне — страданий и подвигов ваших певцу!

ИЗДЫХАЮЩАЯ ГАДИНА

Перехвачено такое письмо к бывшему управляющему помещичьим имением от скрывшегося к белым владельца этого имения:

«Передай крестьянам, пусть производят порубку крупного леса, но молодой оставляют, потому что — если испортят весь молодой лес, то нечем будет пороть мужиков».

(«Кронштадтские известия»
12 августа 1919 г.)

Из имения бесследно
Где-то скрывшись, барин злой
Ждет, настроившись победно:
Заживет он вновь безбедно,
Как вернется строй былой.
Настрочив письмо умело,
Мужикам дает он весть:
«Эй вы, хамы! Грабьте смело,
Но, творя лихое дело,
Знайте: барин где-то есть!
Скоро всем вам, погодите,
Вновь надену я оброть,
Крупный лес мой изводите,
Прутья ж все-таки щадите,
Чтоб вас было чем пороть!»

ЗАЖИГАЙТЕ, ДРУЗЬЯ, БОЕВЫЕ ОГНИ

На полмесяца я уезжал из Москвы.
«Вот соскучатся!»— думал. Увы!
Ни один человек не заметил.
Возвращаясь из Питера снова назад,
Ждал я: будет, конечно, мне встречный парад.
Но... никто меня так и не встретил.
Чтоб излить хоть немного досаду свою,
Я решил написать... интервью.
Не теряя фасону,
Сам себя выдаю
За большую персону.
Ведь не все ж комиссарам подобная честь.
Интервью мое многим полезно прочесть.

*

Петроградские все впечатленья
От поездки моей таковы:
Коммунистов побольше и без промедленья
В Петроград мы отправить должны из Москвы.

Кое-что, я боюсь, мы уже проглядели.
Присмотрелся ко многому я в две недели,
В две недели изрядно успев ощутить,
Что не время шутить.

Уж на что я шутник, но и мне не до шуток.
Жутко в Питере. Воздух в нем кажется жуток.

Напряженность глухая на каждом шагу:
Всем нутром своим чувствуешь близость к врагу.

Вот он здесь притаился под боком,
Сторожа каждый шаг твой недремлющим оком,
Выбирая минуту, чтоб сделать скачок,—
Темной ночью горит его злобный зрачок.

Я не лезу в пророки,
Но вчера я для «Правды» писал свои строки
В ту, быть может, минуту, когда
Под Кронштадтом английские гибли суда,
Получивши отпор от кронштадтских героев.

Вражьи гнусные планы на время расстроив,
Ни минуты терять не должны мы теперь.
Разъяренный антантовский раненый зверь
Снова бросится в бой, напряженье утروив.

Враг могучие когти свои показал.
Маски сброшены. Время сурово.
Красный Питер, он *первое* слово сказал,
Он же скажет *последнее* грозное слово.

Для врагов наступают последние дни:
Может, месяц им дан, но уж не дано году.
Бой идет к роковому исходу:
Или мы, иль они.
Зажигайте ж, друзья, боевые огни!

Мирный труд будет подвигов наших наградой.
Пробил час стать нам грозной, стальной оградой
Перед замыслов наших святым очагом.
Питер бьется с последним, но злейшим врагом!

В БУРЖУЙСКОЙ ОБЖОРКЕ

(Детская)

*Какими бы слухами впавший в детство бур-
жуй ни тешился, все равно ему подохнуть.*

(Новая пословица.)

Голодная свинка —
Сухая щетинка,
Да горе-гадалка —
Московская галка,
Да строгий рогатый
Козел бородатый
В секретной обжорке,
В лесу на пригорке,
У вороха гнили,
У груды костей
Бубнили-бубнили,
Встречая гостей:
«Сюрприз для обеда!»
«Какой?»
«Какой?»
«Сплошная победа!»
«Ой-ой!»
«Ой-ой!»
«Не выдержит дольше
Москва».
«Москва?!»
«Вся отдана Польше
Литва».
«Литва!»

«Деникин же снова...»
«Э-бьен?»¹
«Э-бьен?»
«Прорыв у Тамбова!»
«Тре-бьен!»²
«Тре-бьен!»
«Козлов уже взяли...»
«Чу-чу!»
«Чу-чу!»
«Потише нельзя ли!»
«Молчу!»
«Молчу!»
«У Курска же тоже
Дыра». «Дыра!»
«Помилуй нас, боже!»
«Ура!»
«Ура!»
Вдруг — ухнуло рядом.
Весь лес затрясло.
Тяжелым снарядам
Обжорку снесло.
Ах, жалко — не жалко,
Где козлик? Где галка?
Где бедная свинка?
Остались следы:
Перо да щетинка
Да клочок бороды!

¹ Что? В чем дело?

² Великолепно! Превосходно!

НАБАТ

Сегодня «День советской пропаганды» —
Призыв для тех, кого объяла лень.
Пропагандист, как я, не ждет команды:
Я бью в набат уже не первый день.
Враг опьянен безумною отвагой,
Идет к концу неразрешенный спор,
В последний раз с дворянской тонкой шпагой
Скрестили мы наш боевой топор.
Пронзит ли враг нам сердце острой сталью?
Иль голова слетит с дворянских плеч?
От братских сил отрезаны мы далью,
А у врага нет сил для новых сеч.
В отчаянье он все на карту ставит,
Ему назад дорога отнята...
Вперед, бойцы! И пусть змею раздавит
Железная рабочая пята!

К КОММУНИСТКАМ

Сейте разумное, доброе, вечное!

Н. Некрасов.

Когда проснулся темный раб,
Свет не дошел еще к рабыне.
Будите ж, сестры, «темных баб»,
Во тьме коснеющих поныне.

Вокруг десятков героинь
Мянутся душ слепых миллионы.
Им поп гласит: «Аминь, аминь!»
И заставляет бить поклоны.

Лукавым веря словесам,
Отравлены поповской ложью,
Глухие к новым голосам,
В слепом порыве к небесам
Они бредут по бездорожью.

Все, кто прозрел, идите к ним,
К заблудшим сестрам на подмогу,
И покажите выход им
На нашу светлую дорогу.

Они посевов добрых ждут:
Разумных слов и мудрой книги,—
Так сейте ж их, они взойдут.
И с душ томящихся спадут
Их вековые вериги!

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Мемориальная доска

На Красной площади, у древних стен Кремля,
Мы — стражи вечные твои, товарищ милый.

Здесь кровью полита земля,
Здесь наши братские могилы.

Бойцы, сраженные в бою,
Мы в вечность отошли. Но ты — еще в строю
Исполненный огня и пролетарской силы.
Так стой же до конца за власть и честь свою,
За пролетарскую великую семью,
За наши братские могилы!

У Р - Р А ! !

Торжественное письмо купцов, помещиков и дворян Деникину. Из письма видно, какой мир получили бы крестьяне и рабочие, если бы поддались на удочку ласково поющих господ и проиграли гражданскую войну.

Ура! Ура! Ура! Ура!
Деникин, браво! Честь и слава!
Расти, российская держава,
Под сенью царского шатра!
Деникин, славный воевода,
Мы ждем тебя уже два года!
Ты — наш Пожарский! Ты — герой!
Приявши царское обличье,
Ты возродишь дворянский строй
И царства русского величье.
Сковав мечом своим стальным
России порванные звенья,
Ты всем народам остальным
Объявишь царские веленья.
Узнают все твоей руки
Самодержавную расправу:
Ты поведешь свои полки
На Гельсингфорс и на Варшаву, —
Ты Ревель вызовешь на бой,
У латышей ты вырвешь Ригу,
Литве, обманутой тобой,
Покажешь Виленскую фигу,
Петлюре ты покажешь нос,

Чхеидзе что-нибудь другое,
И, наконец, о славный росс,
За нерешенный наш вопрос
Поднимешь знамя боевое,
Погнав и войско и суда
Туда, туда, туда, туда,
К платанам, финикам, оливам —
К константинопольским проливам!
На англичан тебе плевать,
И с ними можно воевать,
Они живут теперь не пышно:
У них рабочие, как слышно,
Вовсю пустились бунтовать.
Французы?— К черту! Немцы?— К бесу!
Победу будешь ты трубить.
У нас народу — словно лесу:
Его в сто лет не истребить,—
Надев шинели и погоны
На сиволапых мужиков,
Ты в бой поставишь миллионы
Тебе послушных дураков.
Твои покорные холопы
Любой исполнят твой приказ:
Своею кровью все Европы
Им поливать не первый раз.
«Орловцы, тульцы и рязанцы,
Тамбовцы, пензенцы, казанцы,
И вятчи, и пермяки,
И старики, и новобранцы,
Айда-те под ружье, под ранцы,
Скидайте, хамы, армяки,
Пахать уж нечего вам боле:
Земля и вы — в господской воле!
Зря дома нечего торчать!
Что?! Как вы смеее ворчать?!
Молчать!! По швам, мерзавцы, руки!
Да мы вас за такие штуки!..
В строю дышать не смей, подлец!
Без царской палочной науки
Все распустилися вконец!
От большевицкого веселья

Досель кружится голова!
Теперь попробуйте похмелья:
В тюрьму — за вольные слова!
Расстрел за дерзкое нахальство!
Пред вами — старое начальство!
Вернулся барин ваш былой!
Гей, шапки, сволочи, долой!!
Вы где? В казарме аль в овине?
Мы вас научим дисциплине,
Растак вас, сукиных детей!
Казацких мало вам плетей?
Железом будем жечь каленым!
Конец всем «красным» и «зеленым»,
Всех перекрасим вас, чертей!»

Деникин, славный воевода,
Все твоего мы ждем прихода.
Мы исстрадались за два года!
Приди скорей! Пора! Пора!
Купцы, помещики, дворяне
Тебя приветствуют заранее!
Ура! Ура! Ура! Ура!
Подписали за всех:

Лука Будищев, дворянин.
Орловский помещик Зубодрилов.
Первой гильдии купец Шкуродеров.

БОГАТЫРСКИЙ БОЙ

Белым саваном покрытый,
Рот осклабив во всю ширь,
По Руси на тощей кляче
Едет *Голод-богатырь*.

Шею вытянув худую,
Закусивши удила,
Кляча медленно ступает,
Топчет мертвые тела.

Кляча медленно ступает,
Топчет мертвых и живых,
Обессиленных, голодных,
Стариков и молодых.

Стоном стонет Русь родная,
Плачут дети и отцы,
И все гуще устилают
Путь пред клячей мертвецы.

Едет *Голсд*, похваляясь:
«Эка, право, благодать!»
Супротивника злодею
В диком поле не видать.

Похваляясь, ухмыляясь,
Едет *Голсд-богатырь*,—
Где копьем ударит *Голод*,
Там — могилы и пустырь.

Не ломается, не гнется
Богатырское копье.
Трупы *Голоду* — закуска,
Кровь холодная — питье,

Плач, и стоны, и проклятья
Для него — застольный хор.
Вслед за ним плетется свита —
Слуги верные и двор.

Слуги — сволочь, сброд наемный,
Душегубы-палачи,
Двор — священство и бояре,
Мироеды-богачи.

Голод им дает защиту,
И усладу, и покой,
Ради них он Русь за горло
Взял костлявою рукой.

«Гей! — попы грозят крестами
И удавкой — палачи. —
Гей, сдавайся, люд голодный!
Покоряйся и молчи!»

Воля-вольная и счастье
Не далися дуракам.
Вновь мы сядем вам на шею,
Приберем вас всех к рукам.

Богатырь наш славный, *Голод*,
Он никем не победим.
Голь стреноживши, мы больше
Ей поблажки не дадим!»

Белым саваном покрытый,
Рот осклабив во всю ширь,
По Руси на тощей кляче
Едет *Голод-богатырь*.

Тихо-тихо стонет поле,
Скорбно травы полегли.
Смотрит *Голод* в даль немую.
Кто-то скачет там вдали.

Ближе, ближе, ближе, ближе...
Голод шепчет: «Что за бес?»
Осадил он сразу клячу,
Взял копье наперевес.

Голод шею пригибает
В ожидание боевом.
Красный Всадник мчится полем
На коне на огневом.

Острой саблей замахнувшись
И привставши на седле,
«Эй! — кричит он. — Долго ж, *Голод*,
Ты гуляешь по земле!

А пора уже, пожалуй,
Поквитаться мне с тобой!»
Это бой последний, братцы,
Богатырский страшный бой.

Не на жизнь, а на смерть бьется
Богатырь с богатырем.
Если *Голод* одолеет,
Все бесславно мы померем.

Если ж саблей *Всадник Красный*
Череп *Голоду* снесет,
Всех убогих, всех голодных
Он от гибели спасет:

Солнце в небе заиграет,
На луга падет роса,
Зацветут, зазеленеют
Нивы, рощи и леса;

Загудят, как рой пчелиный,
Деревушки, города,—
Зазвонят повсюду песни
Счастья, воли и труда.

И над *Голодом* сраженным,
Свой увидя приговор,
Будут выть предсмертным воем
Челядь верная и двор:

И священство, и бояре,
И купцы, и прочий сброд,—
Все, чью власть навеки сбросил
Пробудившийся народ!

БОЕВОЙ ПРИЗЫВ

К работницам и крестьянкам.

Подруги, сестры, в трудный час
В свои ряды зовем мы вас,
Зовем борцов отважных, честных,
Работниц скромных и безвестных.
Силен противник, и трудна
Нас истомившая война;
Быть может, ждут еще на беды,
И горечь слез, и тяжесть мук,
Но злым врагам из наших рук
Не вырвать знамени победы!
Враги усилили напор,
Они спешат. Спешат не даром:
Их тыл охвачен весь пожаром,
И срок настал — с врагами спор
Решить одним стальным ударом.

Подруги, сестры, в трудный час
В ряды борцов зовем мы вас,
Отважных, бодрых, стойких, честных,
Работниц скромных и безвестных.
Придут иные времена,
И будут новым поколеньем
Произноситься с умиленьем
Святые ваши имена.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СБОР

«Вступайте в коммунистическую партию!»

Товарищ, ты у грозной грани.
Идет последняя борьба.
Знай: в этот час на поле брани
Твоя решается судьба!

Судьбы жестокая секира
Сразит того, кто духом слаб:
Иль ты — хозяин новый мира,
Иль ты — последний жалкий раб.

Пример отчаянной отваги
Дает твой враг. Добей его!
Стальной конец дворянской шпаги,
Смотри, у сердца твоего!

Но ты — готов ли ты к отпору?
На клич призывный в городах
К коммунистическому сбору
Явился ль ты и в злую пору
Стоишь ли в боевых рядах?

ФРОНТОВЫЕ ЧАСТУШКИ

Вот веселые, живые
Вам частушки фронтовые.
Эх, дуди, моя дуда,
Подходи, народ, сюда!

До чего народ доводит,
Что буржуй с ума уж сходит,
Потому — сойдешь с ума,
Ежли треснула сума!

«Эх ты, горе мое, горе,
Забурлил народ, что море!»
Адмирал Колчак скулит,
Что загривочек болит.

«Изорвало бурей снасти,
Нет верховной больше власти!»
Адмирал Колчак скулит,
Чемодан собрать велит.

По какой Колчак причине
Не в верховном больше чине?
Адмирал душой скорбит:
Красным войском он разбит!

Получил *Колчак* по роже,
А *Деникин* просит тоже.
Рожа, правда, широка:
Так и просит кулака!

Вот те, выродок злодейский!
Знай кулак красноармейский!
Как он сядет промеж глаз,
Не попросишь в другой раз.

Эх калина, эх малина,
Как *Деникин*-то, скотина,
Ай люли-люли-люли,
Лезет, сволочь, в короли.

Рожу сморщивши брезгливо,
Говорит «король» визгливо:
«Вот тебе, народ честной,
Манифест в руке десной!

Смерть смутьянам-коммунистам,
А вся власть — капиталистам!
Вот какой, народ честной,
Манифест в руке десной!

В левой ручке — получай-ка:
Крест, казенка и нагайка,
Вместо воли и земли!»
Вот кто лезет в короли!

С ним дворянские валеты,
Золотые эполеты,
Свора целая властей,—
Принимай, народ, гостей!

Ой вы, гости, злые гости,
Изломаем мы вам кости
И ко всем чертям пошлем
Вместе с вашим королем!

КАПИТАЛ

Да не будут тебе бози инии разве мене.

Любуясь дивною картиной,
Рабы, склонитесь предо мной!
Своей стальною паутиной
Опутал я весь шар земной.
Я — воплощение капитала.
Я — повелитель мировой.
Волшебный блеск и звон металла —
Мой взгляд и голос властный мой.

Тускнеют царские короны,
Когда надену я свою.
Одной рукой ломая троны,
Другой — я троны создаю.
Моя рука чертит законы
И отменяет их она.
Мне все «отечества» загоны,
Где скот — людские племена.

Хочу — пасу стада в долинах,
Хочу — на бойню их гоню.
Мой взмах — и области в руинах,
И храмы преданы огню.
Средь всех твердынь моя твердыня
Стоит незыблемой скалой.
Храм биржевой — моя святыня,
Конторский стол — мой аналой.

Мое евангелъе — балансы,
Богослужение — «игра»,
Дары священные — финансы,
Жрецы мои — бухгалтера.
Я в этом храме — жрец верховный,
Первосвященник ваш и вождь.
Свершая подвиг мой духовный,
Я золотой собираю дождь.

Мои сокровища несметны,
Их не отдам я без борьбы.
Да будут вечно ж безответны
Мной усмиренные рабы!
Да будут святы им ступени,
Где жду я жертвы их трудов!
Да склонят все они колени,
Целуя прах моих следов!

НА ЗАЩИТУ КРАСНОГО ПИТЕРА

Красным бойцам.

Наш тяжкий путь окрашен кровью,
Но колебаниям места нет.
Врага кичливому злословью,
Бойцы, дадим один ответ:
Докажем, всей ударив силою,
Что рано радуется гад,
Что будет черною могилой
Ему наш Красный Петроград!

Осада! Осада!
Бойцы Петрограда,
Привет вам из Красной Москвы!
Восторженных слов говорить вам не надо,
Бойцы Петрограда,
Победу решаете вы!

Скажу ль вам, героям:
Мы силы утроим?
Нет чисел, нет меры такой,
Чтоб вашу отвагу измерить, исчислить.
Кто может помыслить,
Кто смеет помыслить —
Схватить вас за горло рукой?
Безумец какой?

Вся барская свора,
Вся челядь — опора
Своих благодетелей, бар —
На вас наступает в неистовстве яром.
Бойцы Петрограда, вы встали не даром:
Врагу вы ответите мощным ударом.
Удар — на удар!

И снова и снова
За Питером слово:
Он первый к победе укажет нам путь.
Разбив своим молотом барскую шпагу,
Ему суждено боевую отвагу
В полки, утомленные боем, вдохнуть.

В тяжелую пору,
Готовясь к отпору
Врагам, угрожающим ей,
Москва вслед за Питером, твердым и смелым,
По вражеским ордам, и черным и белым,
Ударит всей мощью своей!

Осада! Осада!
Бойцы Петрограда,
Привет вам из Красной Москвы!
Восторженных слов говорить вам не надо,
Бойцы Петрограда,
Победу решаете вы!

МАНИФЕСТ ЮДЕНИЧА

Ты петроградец? Ярославец?
Аль из других каких ты мест?
Ступай, и в Питере, мерзавец,
Всем объяви мой манифест:
Моя-де милость всем едина
И кара тоже... по вине.
Ты что?! Навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Я на коне на белом еду,
Я еду-еду, не свищу,
Над вами одержав победу,
Я шкуру с вас со всех спущу!
Права штафирки-гражданина
Вам пропишу я на спине.
Мол-чать! Навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Я — офицер былой закалки,
Я службу нес при трех царях,
И не привык без доброй палки
Я речь вести о бунтарях.
Чтя свято волю господина,
Раб, подчиняйся ей вполне!
Да, да! Навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

«Хамья,— сказал я так в приказе,—
Не образумить без плетей».

Недаром мною на Кавказе
Пугают матери детей.
Я был грозой для осетина,
И кровь пустил я всей чечне,
Я... Стой навывтяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Держал в ежовых рукавицах
Я всех солдат. Расчет простой:
Я был для них один в трех лицах —
И бог, и сын, и дух святой.
Без палки — что за дисциплина?
И особенно на войне.
Ну, ну! Навывтяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Муштруя старую муштровкой
Белогвардейских дураков,
Держу по суткам под винтовкой
Нерасторопных мужиков,
Порю... На это есть причина:
Льнут, стервы, к красной стороне,
А ты... Навывтяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

На Петроград своих болванов
Теперь я двигаю не зря:
Трон, где сидел дурак Романов,
Получит умного царя,
Хотя б меня, — не все ль едино?
Лишь только б жить по старине.
Держись навывтяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Без черной масти нет колоды,
И масти нет без короля.
Я покажу вам, чьи — заводы!
Я покажу вам, чья — земля!
Клянуся честью дворянина,
Я дам вам землю... на луне!
Хе-хе! Навывтяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Склонись же в скорби покаянной,
Мой верноподданный народ!
С белогвардейской ратью пьяной
Стоит Юденич у ворот.
Любуйся: это ль не картина?
Твой самодержец — на коне!
Стой, стой навывтяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

КРАСНЫЙ ФЛОТ

Жуя огрызок папиросы,
Я жду из Питера вестей:
Как наши красные матросы
Честят непрошенных «гостей»!

Фортов кронштадтских ли снаряды
Сметают «белые» ряды?
Или балтийские отряды
С пехотой делят все труды?

Но — без вестей я знаю твердо:
Там, где стоит наш Красный Флот,
Там — красный флаг алеет гордо,
Там — революции оплот,

Там красный фронт — броня стальная,
Там — нерушимая стена,
Там — тщетно пенится шальная
Белогвардейская волна!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ВЫШКА

*По слухам, Юденичем сломана мощная
радиостанция Детского Села.*

Радиостанция у Детского Села,
Увы, она уж не цела —
Воздушная скороговорка!
От Вудро Вильсона, злой радости полна,
Несется радиоволна
Ллойд-Джорджу в Лондон из Нью-Йорка:
«Ну, как дела? Ну, как дела?»
«Победа! Праздновать ее должны мы пышно.
Радиоголоса из Детского Села
Не слышно!»

А башня Эйфеля стучит-стучит-стучит:
«В России радио молчит!»
Как угорелые, в Париже
Буржуи мечутся по банкам, по кафе:
«Ура, Юденич-Галифе!»
«Побольше крови — к цели ближе!»
«Великолепные дела!»
«Победа, праздновать ее мы будем пышно,
Радиоголоса из Детского Села
Не слышно!»
Умолкло Детское. А жуть врагов берет:
«Юденич! Что ж он стал?»
Вперед!»
Но у Юденича одышка.

Не уничтожена могучая волна.
Вся Русь Советская — сдна
Коммунистическая вышка!
Глух лакированный апаш,
Но к тем, кто, век трудясь, живет
совсем не пышно,
К их сердцу братскому доходит
голос наш,
Им сердца нашего биенье
Слышно! Слы-ы-ш-но!

МИЛЛИОНЧИК - МИЛЛИОН

Письмо деникинским «добровольцам»

Белогвардейские газеты сообщают, что московские купцы ассигновали один миллион рублей «николаевскими» тому полку добровольческой армии, который первым вступит в Москву.

Что, подлецы, довоевались?
Почем цена продажных душ?
На чем с купцами сторговались?
За то, чтоб вы в Москву ворвались,
Какой купцы сулят вам куш?

Хе-хе, талончик,
Ха-ха, талон
На миллиончик,
На миллион!

Не смоем никакое мыло
Кровавых пятен с палачей.
В полку б тышчонки две вас было,
«Бери: «пять катенек» на рыло
От благодарных богачей!»

Хе-хе, талончик,
Ха-ха, талон
На миллиончик,
На миллион!

Не повезло вам, душегубы:
Бумажки мимо проплыли.

Теперь облизывайте губы:
Не взять пять сотен почему бы
Заместо воли и земли?

Хе-хе, талончик,
Ха-ха, талон
На миллиончик,
На миллион!

На добровольце — рвань, опорки.
И вдруг — пять сотен молодцу!
Эх, открывай, купец, затворки!
Глядь, за полфунтика махорки
Пошли «все катеньки»... к купцу.

Хе-хе, талончик,
Ха-ха, талон
На миллиончик,
На миллион!

Купцу попавшись на уловку,
Для добровольца б дурака
Осталось что? Продав винтовку,
Купить хорошую веревку
И поискать в лесу... сука.

Хе-хе, талончик,
Ха-ха, талон
На миллиончик,
На миллион!

Предатель злой родного люда
Иного стоит ли конца?
Слышь, добровольная паскуда?
Иди и вешайся, Иуда,
В кулак зажавши «дар» купца.

Хе-хе, талончик,
Ха-ха, талон
На миллиончик,
На миллион!

ПРИВЕТ НОВЫМ КОММУНИСТАМ

В те дни, когда Юденич-генерал,
Английской слушаясь команды,
На красный Питер напирал, —
В те дни, когда деникинские банды
Шли на Москву, отбив у нас Орел,
И угрожали нам возвратом рабской доли,
Наш красный фронт в себе самом обрел
Источники несокрушимой воли.
Воспрянувши, окреп народный дух,
И, подведя итог крутому лихолетью,
Люд трудовой свой опустил обух
Над генеральской плетью!
Не позабыв былых судеб,
Спасаяся от барской ласки,
Народ решил, что самый лучший хлеб —
Коммунистической закваски.
Пусть изобилья нет пока у нас ни в чем,
Но баре сетуют о нашем ли прибытке?
Так мы ли вновь себя неволе обречем
Затем, чтоб баре вновь нас подвергали пытке?
Наемные полки они на нас ведут,
Все эти волки и акулы.
Но, победивши нас, что нам они дадут,
Как обернутся их посулы?
Иль не вернут себе помещики земли?
Иль не захватят вновь заводчики заводов?
Иль биржевые короли
Откажутся от банковских доходов?

Иль «кость дворянская» забудет «честь» свою
И, выпустив из рук нагайки, пушки, танки,
Не будет нас держать в навозе и в гною?
Не будет гнать солдат на злую смерть в бою

За прибыль барскую, за биржи и за банки?
Иль вновь не будут жать нас всякие «чины»,
На наших головах взбираясь в генералы?
Иль набивать себе не станут вновь мошны,
Снимая с бедняков последние штаны,
Все мироеды-обиралы?
Иль нас полиция не станет опекать,
Без мыла брить и стричь нас стрижкой пого-
ловной?

Попам ли к роли их старинной привыкать,
У сильных мира быть полицией духовной:
Тащить на исповедь оплошных мужиков
И, выведавши все, что выведать им надо,
Усердно доводить до сведенья волков
О всякой дерзостной овце, мутящей стадо?
Чем осчастливить нас способны господа,
Тиранившие нас веками без пощады?
Чтоб не подохнуть им без нашего труда,
Любой ценой они закабалить нас рады.
Вот почему они вступили с нами в спор,
Вот их напористость откуда.
Но трутни встретили решительный отпор
Вооруженного трудящегося люда,
Биенье чьих сердец слилось в один порыв,
Чей отклик грозный и согласный
Ответом дружным был на красный
Коммунистический призыв.
Все, кто не хочет стать у бар на побегуш-
ках,

Герои-бедняки в убогих деревушках,
Борцы-рабочие в голодных городах,
Спаяв себя партийной спайкой,
Отважно ринулись на бой—с дворянской шай-
кой—

В коммунистических рядах!

*

Привет вам, новые герои-коммунары!
Вы в пору тяжкую под красный встали флаг.
На наши первые, но мощные удары
Ударом отвечать уже не в силах враг.
Еще то там, то здесь в отчаянье он бьется,
Но страх, предсмертный страх кривит его
лицо,
И с каждым днем то там, то здесь на части
рвется
Сжимавшее нам грудь железное кольцо.
Еще один удар, и мутною волною
От нас откатится враждебная орда,
И над великою советскою страной,
Взнесенный в вышину рукой бойцов стальною,
Зареет гордо флаг победного Труда!

ТАНЬКА-ВАНЬКА

Фронтová песня

*Красноармейцы Петроградского фронта
называют танки — «таньками».*

Танька козырем ходила,
Пыль по улице мела,
Страх на Ваньку наводила,
Форсовитая была!
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..
Подступиться — думать брось!»
Расхрабрился как-то Ванька,—
Танька, глядь, копыта врозь!

Уж как Ванька размолодчик,
Он прицел берет на глаз.
Нынче красный он наводчик
В артиллерии у нас.
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..
«Эх ты, дуй ее наскрозь!»
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

В Красной Армии воякой
Ванька стал за первый сорт,
В переделке был он всякой,
И в бою Ванюха — черт.
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..
«Эх ты, дуй ее наскрозь!»
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

Ежли кто при виде таньки
Вдруг начнет ошалевать,
Ванька лает: «Без няньки.
Не привыкли воевать?!»
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Ну так что?! Сплошал, небось?
Эх ты, трус!..» Как ухнет Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

Вишь от таньки как подрали:
Все под Детским-то Селом.
Мы ж руками танек брали
Под Одессой и Орлом.
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Ну так что?! Сплошал, небось?
Эх ты, трус!..» Как ухнет Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

«Таньке ходу нет в болоте,
Не пойдет она в снегу.
С пушкой подступы к пехоте
Не один я стерегу».
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Где она? Собьем, небось!..»
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

«Пусть лишь танька подвернется,
Угощу я калачом.
Танька к белым не вернется;
Не вернется нипочем».
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Не уйдет от нас, небось!»
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

И у нас теперь умело
Стали танек снаряжать.
Да не в таньках, братцы, дело:
Трус всегда охоч бежать.

«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Ну так что?! Сплошал, небось?
Эх ты, трус!» Как ухнет Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

Шкурник вечно в злой тревоге,
Смотрит в страшные очки.
Все телеги на дороге
Для него — броневички.
«Ванька! Танька прет с разбега!
Защищаться — думать брось!»
«Да ведь это же телега,
Пронесло б тебя наскрозь!»

Жалкий трус от бабьей палки
Убежит наверняка.
Но бойцы стальной закалки
Посильней броневика.
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Лезет, стерва, на авось!»
Как пальнет по таньке Ванька, —
Танька, глядь, колеса врозь!

Танька тож не без осечек,
Таньке люб не всякий грунт —
И завзятый человечек
Подорвет ее в секунт.
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Ладно. Справимся, небось».
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

Танька — ценный приз для смелых,
Трусу — пугало она.
Стоит таньку взять у белых —
Белым сразу грош цена.
Взвоят белые ребятки,—
Тут их малость поднажать,
Засверкают только пятки,
Как начнут они бежать.

На карачках за машиной
Лезет белая орда.
Таньку сбей — толпой мышиною
Все помчат невесть куда:
 Унести лишь ноги рады.
 Красный, знай-ка, напирай,
 Таньки, пушки и снаряды —
 Все у белых забирай!

Хоть не в таньках, братцы, дело
(Надо смелость уважать!),
Но и мы теперь умело
Стали таньки снаряжать.
 Ванька — эвон! — через ниву
 Прет на таньке молодец,
 Дует белых в хвост и в гриву!
 Тут и песенке конец!

НА БЕРЕГ

Впиваясь в грядущее мысленным оком,
В раздумье глубоком
Сижу за работой с утра.
Алеет восток. Оживает столица.
Но спит, не проснулась еще детвора.
О дети! Спокойны их сны и блаженны их лица,
И нежным их душам чужда
Расколовшая мир вековая вражда.
Не знают мои ребяташки и ваши,
Из какой испиваем мы чаши.
Ну что ж? Суждено, — будем пить!
Коль иною
Ценою
Нельзя нам купить
Ни счастья, ни воли
Вот этих ребят, —
Мы выпьем до капли всю горечь, весь яд.
Пусть не знают они нашей боли,
Пусть спят.
Мы — творцы их невиданно радостной доли.
Но окрепнет их мысль и настанут те дни,
Когда наши страданья оценят они,
Ужаснувшись той чаши, что их миновала.
Мы — гремящие волны девятого вала,
Мы — миллионы бойцов,
А за нами их тоже миллионы, миллионы...
В грозном шуме отважных борцов
Отражаются вопли, проклятья и стоны

Наших дедов и наших отцов.
Сокрушает последние троны
Наш могучий, стихийный напор.
Прочь с дороги, кто грезит о старом!
Мы снесем их последним ударом,
Мы решим затянувшийся спор
Со стихией враждебной!
На берег! На берег обновленной земли!
Оплакавши тех, что в боях полегли,
Встречайте живых вашей песней хвалебной!
Омойте их раны росой целебной!
Уж солнце победное всходит вдали,
Спускаются тени над вражьей кликой.
Вперед же, вперед к нашей цели великой!
На берег! На берег обновленной земли!

ГАТЧИНСКИЙ УРОК

Белогвардейская песня

Уж как питерцы нажали,
Батюшки,
Мы из Гатчины сбежали,
Матушки.
Ох вы, танки, наши танки,
Батюшки,
Мы бежали вроде шпанки,
Матушки.
Без оглядки мы чесали,
Батюшки,
Животы свои спасали,
Матушки.
Ох ты, горе, наше горе,
Батюшки,
Сбросят питерцы нас в море,
Матушки.
Там нажмут и тут ударят,
Батюшки,
С флангов дуют, с тылу шпарят,
Матушки.
Офицеры — глянь, ребятки! —
Батюшки,
Засверкали только пятки,
Матушки.
Сам Юденич мчится полем,
Батюшки,
Позабыл, с каким паролем,
Матушки.

То ли «Питер», то ли «Нарва»,
Батюшки,
Генеральская ты лярва,
Матушки.
Гнать умел ты нас в атаку,
Батюшки,
Эй, держи его, собаку,
Матушки.
Ежли нам спасенья нету,
Батюшки,
И Юденича — к ответу!
Матушки.
Питер всем нам даст пощаду,
Батюшки,
Но не этакому гаду,
Матушки.
Чем без толку отбиваться,
Батюшки,
Айда питерцам сдаваться,
Матушки.
Вот сбылось уже два года,
Батюшки,
Как вся власть в руках народа,
Матушки.
Повинимся ж нашей братье,
Батюшки,
Что и мы пришли в понятие,
Матушки.
Что урок мы получили,
Батюшки,
Нас под Гатчиной учили,
Матушки.
Что довольны мы наукой,
Батюшки,
Сам Юденич в том порукой,
Матушки.
Вот он — жирный да усатый,
Батюшки,
Черт проклятый, полосатый,
Матушки.

Пил он сладко, ел он плотно,
Батюшки,
Мы сдаем его охотно,
Матушки.
Получайте, петроградцы,
Батюшки,
Да простите всех нас, братцы,
Матушки.

ПРАВДА - МАТКА,

ИЛИ — КАК ОТЛИЧИТЬ НА ФРОНТАХ
ПОДЛИННЫЕ ЛИСТОВКИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО
ОТ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПОДДЕЛОК ПОД НИХ

Вожу пером, ребятушки,
По белому листу.
С народом я беседовать
Привык начистоту.
За словом, сами знаете,
Не лезу я в карман,
Но не любил я отроду
Пускаться на обман.
За *правду* распинаюсь я
Уж много-много лет
И за словечко каждое
Готов держать ответ.
Написано — подписано,
Читай меня — суди.
Любовь и злая ненависть
Сплелись в моей груди:
Любовь — к народу бедному,
И ненависть — к панам,
К царям, попам, помещикам
И всяческим «чинам».
За то, что раскрываю я
Всю правду бедняку,
Меня б дворяне вздернули
На первом же суку.
Пока же на другой они

Пускаются прием:
Печатают стишоночки,
Набитые враньем.
Стишки моею подписью
Скрепляют подлецы,
Чтоб их вранье за истину
Сочли бы простецы.
Но с подписью поддельною
Уйдешь недалеко.
Мои ль стихи, иль барские,
Друзья, узнать легко:
Одной дороги с Лениным
Я с давних пор держусь.
Я Красной нашей Армией
Гордился и горжусь.
Мне дорог каждый искренний
И честный большевик.
В моем углу два образа:
Рабочий и мужик.
За строй коммунистический
Стоял я и стою.
Помещикам, заводчикам —
Пощады не даю.
Стремясь рассеять знанием
Души народной мрак,
Я — враг всех бабьих выдумок
И всех поповских врак.
Как вы, *люблю я родину,*
Но — не рабыню-Русь,
Которой помыкала бы
Разъевшаяся гнусь.
Люблю я Русь народную,
Советский вольный край,
Где мироедам — места нет,
Где труженикам — рай.
Еще, друзья, приметою
Отмечен я одной:
Язык — мое оружие —
Он ваш язык родной.
Без вывертов, без хитростей,
Без вычурных прикрас

Всю правду-матку попросту
Он скажет в самый раз.
Из недр народных мой язык
И жизнь и мощь берет.
Такой язык не терпит лжи,
Такой язык не врет.
У Кривды — голос ласковый,
Медовые уста,
У Правды — речь укорная,
Сурова и проста;
У Кривды — сто лазеечек,
У Правды — ни одной;
У Кривды — путь извилистый,
У Правды — путь прямой;
В сапожках Кривда в лайковых,
А Правда — босиком, —
Но за босою Правдою
Пойдем мы напрямиком!

ТРОЙКА

Мчалась пара... генералов —
«Уж Москва невядалеке».
Шел Деникин на пристяжке,
А Колчак — в кореннике.

Приступили к перепряжке,
Головой Колчак поник:
Он с Юденичем в пристяжке,
А Деникин — коренник.

Мы... Юденича загнали
И загнали Колчака,
Нынче, братцы, остается
Нам свалить коренника.

БУРЖУАЗНАЯ ЭЛЕГИЯ

В вечернем сумраке
Кривая улица.
Буржуй по улице
Идет, сутулится.
Вперед посмотрит он,
Назад оглянется,
К плакату каждому
Руками тянется.
Движеньем яростным
В одно мгновение
Тут он плакат сорвет,
Там — объявление.
Утешен радостью,
Увы, минутною,
Полна душа его
Тревогой смутною:
«Ох, положеньице
Ты буржуазное,
Что безысходное
Да невылазное!»
Буржуй по улице
Идет, сутулится.
В вечернем сумраке
Кривая улица.

КАНДИДАТЫ НА...ФОНАРИ

Фон-дер-Гольц в родном Берлине,
Он в Стамбуле — Гольц-паша,
Гетман Гольцев — в Украине.
Что ни день, то антраша.

Сколько красок в этом Фоне:
Все цвета на всякий вкус!
Фон-дер-гетман-Гольц в вагоне
Теребит «казацкий ус»!

«Мейне тапфере козакен —
Едер герос, курц унд гут¹.
Очень смелый все воякен,
Алле габен дейтшер мут!²

Онэ орднунг...³ бес парятка
Штэт⁴ ди руссише... земля,
Ми поим своя лошатка
На московише Кремля!»

Шарлатану наши баре
Помогают во всю мочь.
Фон-дер-Гольц-пашу в бояре
Возвести они не прочь.

¹ Мои brave казаки, все вы герои.

² У всех у вас немецкая храбрость.

³ Без порядка.

⁴ Стоит.

Это что! Прохвосты рады
Возвести его в *цари*:
«Лишь верни нам наши клады
И порядок водвори!»

Ждут «порядка» живоглоты.
Погодите, дайте срок.
С фон-дер-гетманской работы
Вам немалый будет прок:

Коль охоты нет расстаться
Вам с мечтою о царях,
Не пришлось бы (может статься)
С фон-дер-Гольцем вам болтаться
На московских фонарях!!

«БОГОМОЛЬНЫЙ» БУРЖУЙ
(Московская картинка с натуры)

Буржуй одет «под пролетария».
Безбожный прежде горожанин,
Он у отца у Истукария
Теперь первейший прихожанин.

На голос звона колокольного
Он нынче мчит, как угорелый,
И средь народа богомольного
Он разговор ведет умелый.

Волк, под овечьей скрытый шкурою,
Глаза молитвенно закатит,
На разговор с иною дуροю
По часу битому он тратит.

Попу, умильно руку чмокая,
Подносит воду и кропило.
В глазах лукавых — скорбь глубокая:
«Как-кое время наступило!»

В руках — с яичко воробьиное
Просфорка серая, сухая.
«И вот за это — пять с полтиною!» —
Буржуй в толпе бубнит, вздыхая.

Толпа к просфоркам жадно тянется.
Поп всем дает — дает просфорки,
Продаст просфорку и оглянется:
Бумажек стопочки и горки!

Буржуй на паперти старается,
Весь разрывается на части:
«За что Расея-мать карается?
Дождемся ль мы законной власти?»

Всех взбудораживши вопросами,
Он мчит домой к своей шкатулке
И... всю неделю папиросами
Торгует в Банном переулке.

КОММУНАРЫ

Ни достатка, ни порядка;
Ходит сам не свой Касьян:
У Касьяна есть лошадка,
Нет у плуга и семян.

У Емели дует в щели.
С горя, бедный, будто пьян:
Плуг есть старый у Емели,
Нет лошадки и семян.

Злая грусть берет Нефеда,
Дед клянет весь белый свет:
Семена нашлись у деда,
Нет лошадки, плуга нет.

Повстречал Касьян Нефеда,
Подошел к ним Емельян.
Слово за слово — беседа
Завязалась у крестьян.

«Ох-ти, брат, не жизнь, а горе».
«Я вот стал совсем монца».
Все на том сошлись вскоре:
С горем биться сообща.

Что у всех имелось втуне,
То теперь слилось в одно:
Есть *коммуна*, а в коммуне —
Плуг, лошадка и зерно.

Дед с Касьяном поле пашет,—
С ними спаянный трудом,
Молотком Емеля машет,
Подновляя общий дом.

Труд не в труд, одна утеха,
Стал милее белый свет.
— Братцы, счастья и успеха!
Коммунарам мой привет!

О ЧЕРТЕ

(Новогоднее)

Среди поэтов — я политик,
 Среди политиков — поэт.
 Пусть ужасается эстет
 И пусть меня подобный критик
 В прах разнесет, мне горя нет.
 Я, братцы, знаю то, что знаю.
 Эстету древний мил Парнас,
 А для меня (верней для нас)
 Милее путь к горе Синаю:
 Парнас есть миф, Синай — закон,
 И непреложный и суровый.
 И на парнасский пустозвон
 Есть у меня в ответ — готовый
 Свой поэтический канон.
 Сам государственный Платон,
 Мудрец, безжалостный к поэтам
 (За то, что все поэты врут),
 Со мной бы не был очень крут.
 Там, где закон: «Вся власть — Советам»,
 Там не без пользы мой свисток,
 Там я — сверчок неугомонный,
 Усевшийся на свой законный
 Неосуждаемый шесток.
 Пусть я лишь грубый слух пленяю
 Простых рабочих, мужиков,

Я это в честь себе вменяю,
Иных не надо мне венков.
Вот я поэт какого сорта,
И коль деревня видит черта
И склонна верить чудесам,
То черта вижу я и сам.
С детьми язык мой тоже детский,
И я, на черта сев верхом,
Хлещу его своим стихом.
Но: этот черт уже советский;
На нем клеймо не адских сфер,
А знак «Эс-Де» или «Эс-Эр»,
И в этом нет большого дива,
Про черта речь моя правдива.
Где суеверная толпа
Покорна голосу попа,
Там черт пойдет в попы, в монахи,
И я слышал такие страхи,
Как некий черт везде сновал,
Вооружась крестом нагрудным,
И, промышляя делом блудным,
В лесу обитель основал,
Вошел в великую известность
И, соблазнивши всю окрестность,
Потом (для виду) опочил
И чин святого получил;
С мощами дьявольскими рака,
По слухам, и до наших дней,
Для душ, не вышедших из мрака,
Святыней служит, и пред ней,
Под звон призывно колокольный,
Народ толпится богомольный.

Черт современный поумней.
От показного благочестия
Его поступки далеки:
Он от строки и до строки
Прочтет советские «Известия»,
Все обмозгует, обсосет
И, случай выбравши удобный,—
Советской власти критик злобный,—

Иль меньшевистскую несет,
Иль чушь эсеровскую порет,
А черта черт ли переспорит?!
Черт на вранье большой мастак,
В речах он красочен и пылок.
«Ну ж, дьявол, так его, растак!»
Его наслушавшись, простак
Скребет растерянно затылок.
«Куда он только это гнет?»
Порядки царские клянет,
Но и советских знать не хочет.
Про всенародные права,
Про учредиловку лопочет,
А суть выходит такова,
Что о буржуях он хлопочет.
Кружится просто голова!»

И закружится поневоле.
Черт — он учен в хорошей школе
И не скупится на слова.
У черта правило такое:
Слова — одно, дела — другое,
Но речь про чертовы дела
Я отложу ужю на святки.
Хоть вероятность и мала,
Что речь продолжу я, ребятки,
Бумага всех нас подвела:
Большие с нею недохватки;
В газетах нынче завели
Такие строгие порядки,
Что я, как рыба на мели,
Глотаю воздух и чумею,
Теряю сотни острых тем
И скоро, кажется, совсем,
Чертям на радость, онемею.

Пишу сие не наобум.
Не дай погибнуть мне, *главбум*,
И заработай полным ходом,—
На том кончаю. С *Новым Годом!*

Демьян Бедный.

НА ПОМОЩЬ КРАСНЫМ БОЙЦАМ

(К «неделе фронта»)

Горькая чаша, но славная чаша
Выпала всем нам на долю.
Кровью истекшая родина наша
Бьется за вольную волю.
Мощным порывом разбив свои ржавые
Тысячелетние путы,
Гневно взметнулись руки шершавые
В вихре неслыханной смуты.
Люд изнуренный, невольник раскованный,
Терпит безмерные муки.
Счастье народное — клад заколдован-
ный —

Трудно дается нам в руки.
Но победит наше слово заветное
Грозные вражьи перуны.
Близится, близится царство всесветное
Братской рабочей коммуны.
Ждут нас, быть может, еще поражения,
Новые жертвы и раны,—
Мы против вражьего злого вторжения
Новые двинем тараны.
Реют всполохи над дальними странами,
Рвутся бойцы нам на смену.
Скоро пробьем мы двойными таранами
Вражью проклятую стену.
Красные рати, не зная усталости,
Бьются с отвагою львиной,

Черную силу сметают без жалости
Неудержимой лавиной.
К светлым просторам сквозь дебри дре-
мучие

Нам расчищают дорогу,
Верят бойцы в свои силы могучие,
В братскую нашу подмогу.
Их беззаветной отваги последствия
Высшая наша отрада,
Наши восторги и наши приветствия
Красным героям награда.
Братья и сестры, чтоб новые бедствия
Нашим не стали уделом,
Красным бойцам посылайте приветствия,
Но — подкрепляйте их делом.

БУДЬТЕ НА СТРАЖЕ!

Посвящ. первой трудовой армии.

В Черное море и в Белое море
Черных и белых загоним мы вскоре.
Все душегубы, что лезли в цари,
Все, кто повинен в народном разоре,—
Будут пускать под водой пузыри.
Вы победили в мучительном споре,
Красные богатыри!
Крепче ж держите, герои, винтовки!
Вражеский натиск и вражьи уловки
Нам угрожают с другой стороны.
В подвигах новых, среди подготовки
К мирным трудам, у станка, бороны,
Не забывайте военной сноровки,
Стойте на страже родимой страны!

ДЕНЬ ПРОЗРЕНИЯ

В руках мозолистых — икона,
Блестящий крест — в руке попа.
Вкруг вероломного Гапона
Хоругвеносная толпа.
Толпа, привыкшая дорогу
Топтать к Христову алтарю,
С мольбою шла к земному богу,
К самодержавному царю.
Она ждала, молила чуда.
Стон обездоленного люда
Услыша, добрый царь-отец
Положит мукам всем конец.
Царь услышал, и царь ответил:
Толпу молящуюся встретил
Его губительный свинец.

Великий, страшный день печали,—
Его мы скорбью отмечали.
Но — крепкий плод его дозрел.
Так пусть же песни наши грянут!
Победным гимном пусть помянут
День этот все, кто был обманут
И кто, обманутый, прозрел!

ЦАРСКИЙ СОН

Чертогов царских анфилады...
Покои дальние в дворце...
Мерцанье робкое лампы...
Иконок тусклые оклады...
Молитвенник на поставце,
С закладкой синею страница,—
Над ней — склоненная царица
В ночном халате и чепце...
С супругой благоверной рядом,
Уставясь в угол мутным взглядом,
Зевая, крестит лоб, живот,
Самодержавный идиот.
Ханжи творят свои обряды,
Пред тем как лечь на ложе нег.
А там, на площади — отряды...
В крови чугунные ограды...
В зловещих пятнах смятый снег...

Дворец охраной отгорожен
От воплей буйной нищеты.
Но странно-жуток и тревожен
Сон коронованной четы.
Всю ночь ей снится: в день ненастный,
Под дальних воплей гневный хор,
Ей чей-то голос грозный, властный
Выносит смертный приговор!

ГУЛИМДЖАН¹

Национальный гимн социал-духанизмов

*Чхеидзе и Церетели обратились к Антанте
с просьбой о помощи против большевиков.*

(Из газет.)

*В Александровском саду
Музыкам игрался
И т. д.*

(Известная песенка.)

Ми садился на ишак
И в Париж гулялся.
Клеманса, такой чудак,
Очень нам смеялся.
 Гулимджан! Гулимджан!
 Знаим свае дело:
 Весь Кавказ мы за ляржан²
 Продаем умело.

«Тьфу! — смеялся Клеманса.—
Не было печали!»
Ми ему в два галаса
Гулимджан кричали:
 Гулимджан! Гулимджан!
 Знаим свае дело:
 Честь и совесть за ляржан
 Продаем мы смело!

¹ По радио одной из наших армий в феврале 1920 года это стихотворение было передано в Тифлис, тогда еще меньшевистский. Радиотелеграфисты Грузии были столь к нам расположены, что приняли «радиостихотворение» и ответили:

«Ура! Привет Демьяну Бедному!
Завтра выпьем за его здоровье!»

² Французские денежки.

Ллойд-Джорджданья дверь открыл
В кабинет случайно,
Ми с Чхеидзем гаварыл:
«Рады чрезвычайно!»
 Гулимджан! Гулимджан!
 Знаим свае дело:
 Мы Баку вам за ляржан
 Уступаем смело!

Закричали ми: «Ай-ай! —
С невеселым физий. —
Радн бога, присылай
Поскорей дивизий!»
 Гулимджан! Гулимджан!
 Знаим свае дело:
 Продадим вам за ляржан
 Душу мы и тело!

«Ленин сжарит шашлыку
С наших демократий,
Он имеет на Баку
Преболшой симпатий!»
 Гулимджан! Гулимджан!
 Знаим свае дело:
 Наш Тифлис — один духан!
 Покупайте смело!

Ллойд-Джорджданья атвечал:
«Тронут вашим горем,
Наш английский флот помчал
Нашим Черным морем!»
 Гулимджан! Гулимджан!
 Нам какое дело?
 Нас коварство англичан
 Вовсе не задело.

«Мени тенкс!» — «Мерси боку!»
«Можем обещаться,
Что английский наш Баку
Будет защищаться!»

Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Мы Баку вам за ляржан
Уступаем смело!

Независимый Тифлис
Тут нам объявлялся.
Ми кричали: браво! бис!
И назад гулялся!
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Весь Кавказ мы за ляржан
Продаем умело!

Исполнили: *Церетели и Чхеидзе.*
Записал *Демьян Бедный.*

ПЕСНЯ ТРУДА

Вставайте, воины труда!
Нас ждет веселая страда.
Как летним днем пчелиный рой,
Мы развернем рабочий строй:
В лесу, на ниве, на лугу
Мы страшный бой дадим врагу,
Дадим великий, смертный бой
Нужде народной, вековой!
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг,—
Работай, друг!

Зажав в зеленые тиски
Непроходимые пески,
Дав им приток живой воды,
Мы на песках взрастим сады.
Покрывши сетью рвов, плотин
Болот миллионы десятин,
Родную Русь из края в край
Мы превратим в цветущий рай.
Поет пила. Звенит топор.
С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

Где зверь досель не мог пройти,
Пробьем мы новые пути,
Где топь болотная была,
Дорога ляжет, как стрела,

Стальная ляжет колея,—
Над нею вырастет семья
Посадов, сел и городов
Под грохот быстрых поездов.
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг,—
Работай, друг!

По мощным рекам там и тут,
И вверх и вниз гуськом пойдут
Неисчислимые суда
С плодами нашего труда.
Сольются в бодрый шум и гам
По оживленным берегам
Среди полей, среди лесов
Милльоны новых голосов.
Поет пила. Звенит топор,
С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

В заводах трубы задымят,
Станки, машины загремят,—
Покорный воле трудовой,
Запляшет молот паровой.
По деревням — рабочий дар —
Из складов двинется товар:
Вагоны кос, упряжек, шин,
Сельскохозяйственных машин.
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг,—
Работай, друг!

Крестьяне, сбросив сон былой,
Всех трутней выгонят долой;
Лачуги дымные снеся,
Деревня вырядится вся,

Пред каждой новою избой
Балкончик выведет с резьбой,—
Настанет ночь — забрызжет в ней
Свет электрических огней.
Поет пила. Звенит топор.
С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

Придет досужая пора,
Набьется в школы детвора,—
В читальни взрослые пойдут,
В газетах новости найдут,
А в умных книгах — знаний клад:
Как строить жизнь на новый лад
И как вести свои дела,
Чтоб Русь в довольстве расцвела.
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг,—
Работай, друг!

Жизнь в городах забьет ключом.
Нужды не ведая ни в чем,
Исполнив свой урочный труд,
Весь городской рабочий люд
Умно использует досуг
В кругу родных, друзей, подруг,
Отдавшись полностью тому,
Что близко сердцу и уму.
Поет пила. Звенит топор.
С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

Вставайте, воины труда!
Вас ждет великая страда,
Последний трудный переход
К счастливой жизни — без господ
И без господского кнута.
Встань, трудовая беднота,

Горя к бездельникам враждой,
На битву с рабством и нуждой!
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг,—
Работай, друг!

К О Н О К Р А Д Ы

«Когда б я сделался царем,—
Мечтал цыган, давяся сухарем,—
Не помирился б я на малом:
Все время ел бы сало с салом,
Потом, отъевшись и случай улуча,
Украл бы сто рублей и задал стрекача!»

*

Юденич! Господи, каким был генералом!
Вояка, шут его дери:
Брал Питер, лез в цари...
И кончил таким провалом:
Разбивши медный лоб о Красный Петроград
И отступив с позором,
Был в воровстве накрыт своим же прокурором.

*

Юденич — вор. Колчак — прохвост на тот же лад.
Теперь — у нас в руках — судьбе своей не рад.
То ж и с Деникиным должно случиться вскоре,
Нет, приглядитесь вы к этой гнусной своре:
Что ни «правительство» у них — то вор на воре,
Что ни герой — то конокрад!

Б Л А Г О С Л О В Е Н И Е

Былых господ прогнавши взашей,
Мы знаем: есть страшнее враг,—
Мы по пути к победе нашей
Свершили только первый шаг.

Страшнее барской шайки дикой
Нас изнурившая нужда.
Вперед же, воины великой
Единой армии труда!

Отбив рукой вооруженной
Всю злую вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

Работать все станки заставим,
Исправим всё и пустим в ход —
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

Мы деревушкам скажем черным:
«Довольно жутких, темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!»

Есть на Руси один хозяин —
Народ свободный, трудовой.
С рабочим пахарь кровно спаян
Одною спайкой боевой:

В одном строю — герой с героем —
Шли в бой, опасности деля.
Вперед же, братья, бодрым строим!
Свои заводы мы откроем,
Свои запашем мы поля.

Свои богатства мы умножим
И возрастим *свои* плоды,
У общих фабрик горы сложим
Из торфа, угля и руды.

Жизнь забурлит живым потоком,
Не зная вражеских запруд, —
И мы, в спокойствии глубоком,
Окинув Русь хозяйским оком,
Благословим наш общий труд!

УЧЕНОМУ И БОРЦУ

ПРОФЕССОРУ К. А. ТИМИРЯЗЕВУ

Седой мудрец, душой сколь многих ты моложе.
Пусть первый ты средь нас, пусть ты пока — один,
Тем знаменательней для нас и тем дороже
Приветный голос твой и вид твоих седин.
Сегодня ты двойным увенчан ореолом,
В его сиянии твой образ навсегда
В потомство перейдет возвышенным символом
Союза мощного науки и труда.

СТАРА — ПОМИРАТЬ ПОРА

Бабка с печки: «Ох-ох-ох!
Ох-ох-ох!
Ох-ох-ох!
Как народ стал нынче плох.
Вот как плох!
Вот как плох!
Молодые-то дурят,
Все дурят,
Все дурят
И невесть что говорят,
Говорят,
Говорят,
А молодки — просто срам,
Просто срам,
Просто срам,
Позабыли божий храм,
Божий храм,
Божий храм.
В праздник в храме — ни одной,
Ни одной,
Ни одной,
Все пошло на лад иной,
На иной,
На иной.
Мужики гуськом в Совет,
Ох, в Совет,
Ох, в Совет,

А бабенки — айда вслед,
Айда вслед,
Айда вслед!
Те заспорят меж собой,
Меж собой,
Меж собой,
А бабенки — вперебой,
Вперебой,
Вперебой.
Стыд и страх им — трын-трава,
Трын-трава,
Трын-трава:
Забирают все права,
Все права,
Все права.
Заведет бабенка речь,
Бабыю речь,
Бабыю речь,
Так мужик ей не перечь,
Не перечь,
Не перечь!
Дура-баба с ним равна,
С ним равна,
Всем равна.
Ох-ти, боже, времена,
Времена,
Времена!
То ли дело в старину,
В старину,
В старину:
Муж как зыкнет на жену,
На жену,
На жену,
Да кнутом-от шелк-пошелк,
Шелк-пошелк,
Шелк-пошелк,—
Смотришь, баба — просто шелк,
Просто шелк,
Просто шелк!

Что с ней хочешь, то твори,
То твори,
То твори,
Потому что — не дури!
Не дури!
Не дури!
Да живи, как бог велел,
Бог велел,
Бог велел!
Мой-от Клим мне век заел,
Век заел,
Век заел!
Помер... Вечный упокой,
Упокой,
Упокой!
Кровопиец был какой,
Вот какой,
Вот какой!
А чтоб я ему...ни-ни,
А ни-ни,
А ни-ни!
Жили так-то мы ль одни?
Мы ль одни?
Мы ль одни?
Стало, есть такой закон,
Есть закон,
Есть закон,—
Повелось так испокон,
Испокон,
Испокон.
А теперь пошел народ,
Ну ж народ,
Ну ж народ!..»

Бабка сонно крестит рот,
Крестит рот,
Крестит рот
И бормочет до утра,
До утра,
До утра:

«Ох, стара уж я, стара,
Ох, стара,
Ох, стара!
Помирать, никак, пора!..»
Да, пора,—
Да, пора!

НА СВЕТ!

*Распроклятое ты наше житье женское!
Распроклятое бабье житье!*

(из народных песен)

«Всю те спину всполосую!» —
Разъярясь, что дикий зверь,
Дочь, раздетую, босую,
Батя вытолкал за дверь.
Вьюжный зимний день морозен,
Дышит холод ледяной.
Уж как грозен, грозен, грозен,
Грозен батюшка родной!

Говорил сосед соседу,
Опрокинув рюмок пять:
«Бей, сосед, жену к обеду,
Перед ужином — опять!
Мужичонкой станет хилым
Тот, кто водочки не пьет.
Век жене не будет милым,
Кто жены своей не бьет!»

Свекор злой трясет бородкой,
Брешет сыну про сноху:
«Будешь нянчиться с молодой,
Бесприменно быть греху!
В ней сидит, видать по роже,
Бес такой, что уй-ю-ю.
Слышь, держи жену построже,
Как держал я мать твою!»

Две старушки у обедни
Скорбью делятся одной:
Эту — зять побил намердн,
Эту сын побил родной.
К темным ликам дым кадельный
Вздохи женские несет:
«Ох-ти,— знать, лишь холм могильный
От побоев нас спасет!»

В церкви кто учил, не поп ли:
«Баба — грех, соблазн и гнусь»?!
Долго ль будут бабы вопли
Оглашать родную Русь?
Бабы, выпрямите спины
И вводите баб в Совет!
Знайте, сестры, что дубины
Уж ничьей над вами нет!

Знайте, сестры: для народа
Самый злой и страшный враг —
Ночь, не знавшая исхода,
Вековой туман и мрак.
Обрели теперь мы крылья,
Рабский сбросили завет.
Приложите ж все усилия,
Чтоб нам вырваться на свет!

ОБМЕН

Обменял шило на швайку.

(П о с л о в и ц а.)

Мне снился сон, что лорд Керзон
(Конечно, был на то резон!)
Прислал мне извещение,
Мне лично — извещение.
«Сэр! — так писал добрейший лорд.—
Знакомством с вами, сэр, я горд.
(Какое обращение!
Какое обращение!)
Достопочтеннейший джентльмен,
Я рад сказать вам про обмен,
Что он почти налажен,
Да, он уже налажен.
Товар обменный под рукой,
Не столько важно нам — какой,
Нам больше принцип важен,
Да, голый принцип важен.
Коль вы изящный кавалер,
Есть все для вас, любой размер.
Но если вы женаты...
— Скажите, вы женаты? —
Мы можем вам прислать в момент
Сластей большой ассортимент.
Есть дивные томаты.
Вы любите томаты?
Иль вам прислать комплект вещей:
Перчаток, зонтиков, плащей,

Цилиндров, макинтошей,
Английских макинтошей?
Не надо ль вам воротников,
Манжеток, запонок, брелков?
Всё — выделки хорошей,
Всё — выделки хорошей!
Не надо портить вам газет. —
Бумажка есть у нас — газет,
И пачки, и рулетки,
Изящные рулетки,
Гигиенический предмет...
Дай бог прожить вам сотни лет!
Здоровы ль ваши детки?
Здоровы ль ваши детки?
Итак, джентльмен, товар лицом.
Должны вы, будучи дельцом,
Знать всем предметам цену,
Доподлинную цену.
Сомненья вас не будут грызть,
Ведь нам, ей-ей, чужда корысть.
Приступимте ж к обмену,
Приступимте к обмену.
От вас желали б мы иметь
Хлеб, лес, пеньку, железо, медь...»
Тут — кстати иль некстати,
Ох, кстати иль некстати, —
Раскрыв от удивленья рот,
Я сделал резкий поворот
И грохнулся... с кровати,
Да, грохнулся с кровати,
И на полу, глаза продрав
(Таков уж мой, простите, нрав),
Смеялся до рассвета,
До самого рассвета.
«Обмен... Загвоздка, брат, не в нем.
Начнем обмен... Ну что ж, начнем!
С какого, бишь, предмета?
С какого, бишь, предмета?!»

ЗА БУКВАРИ

Зверь — не зверь, всего книжонка
Всполошила всех Ерём:
«Вот беда, взбесилась женка:
Занялася букварем!»
«У моей, брат, те же штуки.
Просто плюнуть да бежать!»
«Много ль надоть им науки,
Чтоб уметь детей рожать?!»

«Бабу след от книг отвадить:
Знай свое веретено!»
«С бабой грамотной не сладить!»
«То-то, братцы, и оно!»
«Как же быть-то?!»

Споры жарки,
Но сошлись все на том:
«Буквари все — на цыгарки!
Ну, а баб... учить кнутом!»

Если б в селах были сходы
Из одних таких Ерём,
Не видали б мы свободы,
Выли б с барами, с царем.
На Ерём на всех припевки
Надо плюнуть: дикари.
Смело, бабы, тетки, девки,
Все — садись за буквари!

РАБОЧИЙ ПРИВЕТ

По поводу 50-летия Владимира Ильича Ленина

Еще не улеглись порывы урагана,
Еще корабль дрожал, встречая грозный вал,
Но, повинуюся искусству капитана,
Ходил уверенно в его руках штурвал.
Шум бури заглушив потоком слов хвалебных
И окружив толпой восторженной того,
Чей гений вел корабль среди стихий враждебных,
Усталый экипаж приветствовал его.
Матросов обведя спокойными глазами,
На их приветствие ответил капитан:
«Меня хваля, себя тем хвалите вы сами.
Но... где ж испытанный товарищ наш, Хуан?»
«Х-хе! — кто-то отвечал с насмешкою задорной.—
Хуан приветствовать тебя придет... в порту.
Сейчас он молотом внизу стучит упорно,
Чиня пробоину в борту!»
И молвил капитан: «Скажите же Хуану:
Штурвала выпустить я не могу из рук.
Пусть громче бьет Хуан,— его я слушать стану:
Приветствий слаще всех мне будет этот стук!»

Друзья, приветствуя родного «Ильича»,
Ответной похвалы лишь будет тот достоин,
Кто, тяжким молотом (не языком!) стуча,
Спасает наш корабль от тысячи пробоин.

ТРИЗНА

Польские паны под напором красных советских войск, не будучи в силах удержаться в Киеве и потеряв надежду захватить его снова, перед своим отступлением взорвали водопровод, электрическую станцию, все вокзалы, знаменитый Владимирский собор.

Кто говорит: «позор»? Чья «честь» омрачена?
Иль мы не знаем панской чести,
Как велика ее цена?
Или не знает пан, что нет его поместий,
Что им затеяна последняя война,
Что голова его давно обречена,
Что не уйти ему от справедливой мести?
Им разрушаются плоды его ль трудов?
Иль он на храм смотрел, как на свою святыню?
Пред гибелью своей он все свершить готов,
Чтоб не осталось на свете городов,
Чтоб превратился мир в пустыню,
Чтоб ни единый ключ живой воды не бил,
Чтоб без питания и света,
Могила всех панов и всех, кто их сгубил,
Среди угаснувших светил
Плыла земля — свой век отжившая планета.

Бойцы, сомкните же дружной свои ряды,
И, в краткий срок отбив советскую отчизну
От всей помещицкой, шляхетской злой орды,
С рабочими всех стран, в лучах одной звезды,
По всем панам всемирно справим тризну.

ОЦЕНКА

На предложение, сделанное русскими эмигрантами — дать швейцарским банкам в обеспечение свои имущества и дома в России, представитель швейцарских интересов заявил: 1) что предложенный залог — миф, никаких гарантий не дающий, 2) что русские должны обеспечить заем реальными гарантиями, как то: драгоценностями, именьями где либо за границей или в Польше.

(«Последние новости»)

Персоной будучи в кругах известных видной,
Потомственный буржуй с осанкою солидной
(При случае его я назову)

Зашел в Париже в банк и сразу: «Вуле-ву?

На редкость выгодная сделка.

Мне банк даст золота, я банку — векселя

Под обеспечение!..»

«Какое?»

«Есть земля...

Вполне исправное громадное именье,

При нем завод — мое почтение!

Железный путь совсем вблизи,

Большая пристань тут же рядом...»

Какой же банк таким побрезгует залогом?

В минуту дело на мази.

Но... вмиг всю сделку погубило

Словцо, всего одно словцо.

Директор банковский, смеявшийся так мило,

Вдруг скорчил кислое лицо:

«А как — пардон, мусью! — как велика

оценка

Именья вашего?»

«Мильон».

«Мерси, мерси!..

А где ж, мусью, оно?»

«Где?— побелев, как стенка,
Забормотал буржуй.— В России!.. Ан Рюсси!..»
«Ах, ан Рюсси!» — вздохнул в ответ директор
банка

И дал российскому мусью... на чай полфранка!

КРЫМСКОЕ ВОРОНЬЕ

Красноармейская песенка

Били, бьют со всех сторон.
Трудно удержаться.
Черный Врангель, герр барон,
Пробует сражаться.

Был Деникин, был Колчак,
Не было барона.
Экий, гляньте-ка, смельчак!
Мокрая ворона!

Через крымский Перекоп
Дура-птица скачет
И глазами хлоп да хлоп:
Ошалела, значит.

Вслед за нею воронье
Каркает протяжно.
Дело что-то не тае,
Не ахти как важно.

Охватил всю стаю страх.
Повернуть обратно?
Пушки — трах-тарак-тарак!
Вот как жарят знатно.

Жарко так, хоть со скалы —
Черной стае в воду,
Это красные орлы
Не дают ей ходу!

«Черный Врангель — смерть ему!»
«Разряжай патроны.
Не осталось чтоб в Крыму
Ни одной вороны!»

КЛИМОВ КОНЬ

Вот случай был! Средь бела дня
У Клима свистнули коня.
Не важно — кто, какие воры,
А важно то, что Клим деревней, по задам,
Не тратя времени на сборы,
Пустился в путь по воровским следам.
Как разъяренный зверь по всей округе рыща,
Усталый, бледный, словно тень,
Добрел мужик на третий день
До воровского становища.
В селе Парижкине подлец-богач Корней
Жил скупкой краденых коней —
Тем, говорят, живет и ноне.
Так мудрено ль, что у него в загоне,
В заборе провертев глазок,
Клим своего коня приметил.
Загон весь обойдя один, другой разок,
Клим дело живо сметил:
В заборе сделавши пролом,
Увел конька домой. Казалось бы, по праву?
Ан, нет. Корней потом пред всем своим селом
Шумел всюду, пустив про Клина славу:
Клим, дескать, вор!
Клим у него сломал забор,
Клим у него коня угнал-де из загона.
Так что ж Клим думает, что это так сойдет?
Что вещь подобная терпима?
Что он, Корней, на Клина

Управы не найдет?
«Ну, нет, уж это дудки!
Да я его!.. Да я ему!
Под суд мошенника, в тюрьму!
В Сибирь за такие шутки!
Уж это, верьте мне, ни Клим, ни кто иной,
Кому коня он сбует,
Владеть конем не будет.
Конь мой! И за него расчет у всех — со мной!»
Так чем же кончилось все дело?
А тем, что на своем коне
Клим всюду ездит смело,
Корней же у себя сидит, как на огне,
С загона не спускает глазу,
Всех краденых коней боясь лишиться сразу.
Ждать можно этого вполне:
Немало бедняков, лишившихся лошадок,
Хотят свое добро обратно получить
И навек скупщиков с ворами отучить
От воровских повадок!

*

Слыхали вы сердитый гул
Парижских скупщиков: «Смотрите! Караул!
Большевики злодеи, воры,
Они на царские чихают договоры!
То золото, что нам хотели дать цари,
Украли эти дикари!»
Две трети золота, положим, гады эти,
Французские дельцы, свезли от Колчака:
Но тынется теперь их жадная рука
К последней трети.
Ну что ж! Большевиков кляня,
Пусть эта сволота ярится. Леший с нею!
Ей нашего добра не видеть, как Корнею
Не видеть Климова коня.

НАШИМ БРАТЬЯМ—ПОЛЬСКИМ КРЕСТЬЯНАМ

Братья наши, польские крестьяне!
Ваши паны выезжают на обмане.
В ту пору, как нам, русскому народу,
Удалось вырваться от панов на свободу,
Ваши паны, как хотели,
Так вами вертели:
Паны танцевали, а вы кряхтели,
Проливали свой пот над панскими полями.
Теперь вас погнали воевать с «москалями»,
Проливать свою кровь ради прихоти панской.
С кем вы воюете? С беднотой крестьянской!

Разве за вашим добром мы гоняемся?
Вы — нападаете, мы — обороняемся.
Вы возьмите-ка в толк хотя б то, к примеру,
Что мы бьемся теперь не за царя, не за веру,
Не за панство-дворянство, не за купечество,
А за наше советское бьемся отечество.

Ваше панство на нас наперло,
Ваше панство берет нас за горло,
Берет не своими, а вашими руками.
Так неужто вы будете такими дураками,
Чтоб по панскому злему приказу
Губить и нас и себя сразу?

Ваши паны с нашими столковались,
На нашей шкуре подлецы сторговались,
Они ищут себе общей прибыли,
Добиваются нашей гибели.

Так на что же это, братцы, похоже:
У панов на уме одно и то же,
Пан стоит горою за пана,
А бедный Ян режет бедного Ивана —
За то, что Иван панам невзлюбился,
За то, что Иван от панов отбился
И, не видя в том никакого изъяну,
То же сделать советует бедному Яну:

Дескать, незачем, Ян, тебе рыть траншеи,
Сворачивай лучше панам своим шеи,
Чтоб ни одного не осталось пана в Польше,
Тогда будет, брат Ян, у вас толку больше.
Расправившись со всеми панами,
Заживешь ты, Янушка, с нами
В согласье, в любви и в дружбе,
Позабудешь о панской службе;
Никто не посмеет помыкать тобою,
Не станет урядник пред твоею избою,
Чтоб тебя с больной твоею хозяйкой
На панщину гнать нагайкой.
Будешь ты жить на своей полной воле,
Пахать свое, а не панское поле.
Кончатся, Ян, твои прежние муки,
Все добро перейдет в крестьянские руки —
И панская земля и панская машина.

Нам вашей земли не нужно и аршина.
У нас земли и своей довольно.
Мы своих панов обципали больно,
У нас всю Советскую Русь обрыщешь,
Ни одного прежнего пана не сыщешь,
Ни пана, ни чиновника,
Ни генерала, ни полковника.
Перевели мы пана в мужичью избенку,
Остригли пана под общую гребенку.

Пожил, пан, попировал ты смолоду,
Теперь работай иль подохни с голоду,
И пусть тебя после смерти
В аду кормят черти.

А у нас теперь — дудки!
Нету больше уже старой погудки:
«Работай, мужик, весь свой век на пана,
Вынимай для пана последний грош из кармана,
А сам от голоду с ног валися!»

Были дураки, да перевелися! —
Польские ваши паны и наши
Кормились у одной чаши,
Кормились, роднились,
А теперь против нас объединились:
К этому теща приперла, а к этому дядя.
Ваши паны, на наших глядя,
Как наши паны бегством спасаются,
Такой же судьбы опасаются;
Переймут вдруг хлопы московскую заразу
И покончат с польскими панами сразу,
Оттого польские паны распетушились,
Оттого на войну с нами решились,
Что положенье у них опасное:
Либо — пан, либо — пропал! — дело ясное.
Либо шляхта вернет нам царя и дворянство,
Либо шляхту сбросит польское крестьянство!

Братья наши, польские крестьяне!
Мы даем вам клятву заране:
Как только вы панскому племени
Дадите дубиною крепкой по темени,
Так, чтоб зубы из панской посыпались пасти,
И когда вы, не тратя горячего времени,
Ставши сами, с рабочими вместе, у власти,
Известите нас братски об этом,
Мы ответим вам братским приветом!
Мы поможем вам всем, что вы только ни спросите,
Когда с шеи вы сволочь шляхетскую сбросите,
Злую, панскую сволочь, которой
Вы так долго служили опорой
И, панов поддерживавши в их подлой борьбе,
Тем готовили гибель и нам и себе!

БОЛЬШАЯ ШТУКА — НАУКА

Частушки Западного фронта

Ой ты, яблочко,
Куда катишься?
Вражий пан, за грехи
Ты расплатишься!

Нам прислала Москва
Подкрепление.
Мы всем фронтом пошли
В наступление.

Наши пушечки враз
Как загрохали,
Так в окопах паны
Только охали.

Той порой на панов
Мы как двинули,
Польский фронт в один час
Опрокинули.

Да как стали косить
Пулеметами,—
У поляков полки
Стали ротами.

Из окопов паны
Разбежались:
«Матка бозка!» — кричат,
Испужались.

«Езус Христус,— кричат,—
Поражение!»
Побросали паны
Снаряжение.

Кто подрал напрямки,
Кто — в стороночку,
Наши пули свистят
Им вдогоночку.

У поляков в руках
Флаги белые,—
То сдаваться хотят
Части целые.

В плен мы хлопков берем,
Ухмыляемся,
Сами глупости их
Удивляемся:

«Братцы! Разве ж мы вам
Злые враги?
Чем вам ваши паны
Любы-дороги?

Ваш Пилсудский — змея
Подколотная.
Скоро ль будет у вас
Власть народная?

Скоро ль будет у вас
Власть не панская,
А рабочая власть
Да крестьянская?»

Нам сказали в ответ
Хлопы пленные:
«Все паны — нам враги
Неизменные!

Шляхты нашей добро
Еще в целости,
Но теперь мы займем
Русской смелости!

Как обратно домой
Мы воротимся,
Мы за шляхтой своей
Поохотимся.

Все майонтки ее
Мы проведем,
По-московски мы с ней
Побеседуем.

Шляхта деру задаст,
Не оглянется,
От панов и следа
Не останется!»

Ай да хлопы! Ура!
Наловчились!
Кой-чему вы у нас
Научились!

Нет дурмана в башках
Ядовитого.
Двух небитых дают
За побитого!

Дали взбучку мы вам
Не напрасную.
Стройте ж, братцы, скорей
Польшу Красную!

ЖЕСТКИЙ СРОК

Разжигатель неумный —
Я кочую по фронтам.
Мой вагон дырявый, темный,
Нынче здесь, а завтра там.

Плут иль трус — моя добыча:
Опозорю, засмею.
Я, повсюду нос свой тыча,
Зря похвал не раздаю.

Рожи лодырей малюя,
Их леплю на все углы.
Но когда кого хвалю я,
Значит, стоит он хвалы.

Шляхта подлая, тупая
Понапрасну нос дерет.
Отступая, наступая,
Мы идем вперед, вперед.

Путь известен: до Варшавы.
Видел место я вчера,
Где наводят переправы
Наши чудо-мастера.

Красным штабом самый точный
Обозначен им урок:
«Нужен мост на диво прочный
В срок — кратчайший. Жесткий срок».

Молотки стучат задорно.
Топоры звенят-поют.
Средь высоких свай проворно
Чудо-техники снуют.

Через Неман на Варшаву
«Шьют» стальную колею.
Всем путейцам нашим славу
Я охотно пропою.

Не напрасно путь здесь ляжет.
Красный фронт наш дал зарок:
Чванной шляхте он покажет,
Что такое *«жесткий срок»*.

ПЕЧАЛЬ

Дрожит вагон. Стучат колеса.
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Один, другой... Следы борьбы.
Остановились. Полустанок.
Какой? Не все ли мне равно.
На двух оборванных цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна — вот эта, что моложе —
Так хороша, в глазах — огонь.
Красноармеец — рваный тоже —
Пред нею вытянул ладонь.
Гадалки речь вперед знакома:
Письмо, известье, дальний путь...
А парень грустен. Где-то дома
Остался, верно, кто-нибудь.

Колеса снова застучали.
Куда-то дальше я качу.
Моей несказанной печали
Делить ни с кем я не хочу.
К чему? Я сросся с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне в укор,
Что я сплошную красной краской
Пишу и небо и забор.
Души неясная тревога
И скорбных мыслей смутный рой...
В окраске их моя дорога
Мне жуткой кажется порой!

О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи оправил без разбору
Все, что идет тогда на ум!
Какой восторг, какие ласки
Мне расточал бы вражий стан,
Все, кто исполнен злой опаски,
В чьем сердце — траурные краски,
Кому все светлое — обман!

Не избалован я судьбою.
Жизнь жестоко меня трясла.
Все ж не умножил я собою
Печальных нытиков числа.
Но — полустанок захолустный...
Гадалки эти... ложь и тьма..
Красноармеец этот грустный
Все у меня нейдет с ума!
Дождем осенним плачут окна.
Дрожит расхлябанный вагон.
Свинцово-серых туч волокна
Застлали серый небосклон.
Сквозь тучи солнце светит скудно.
Уходит лес в глухую даль.
И так на этот раз мне трудно
Укрыть от всех мою печаль!

А Н У!..

О славной коннице советской
Кричит со злобой вражий стан:
Всей подлой панщине шляхетской
Урок жестокий ею дан.

А ну, гей-гей,
Седлай коней,
Ударимте сильнее,
Чтоб в этот раз
Панов от нас
Ни бес, ни бог не спас!

При грозном имени — Буденный
Пан, под собой не чуя ног,
Бежит, как заяц заведенный,
До лесу, в рощу, в темный лог.

А ну, гей-гей,
Седлай коней,
Ударимте сильнее,
Чтоб в этот раз
Панов от нас
Ни лес, ни лог не спас!

Друзья буденновцы, я — с вами,
Я торопился к вам поспеть,
Чтоб ваши подвиги словами
Незапоздалыми воспеть.

А ну, гей-гей,
Седлай коней,

Ударимте сильней,
Чтоб в этот раз
Панов от нас
Ни бес, ни бог не спас!

Бойцы! с надеждою законной
На вас глядят мильоны глаз.
Паны пред армиею коннсь
Бежали в ужасе не раз...

А ну, гей-гей,
Седлай коней,
Ударимте сильней,
Чтоб в этот раз
Панов от нас
Ни лес, ни лог не спас!

Панам все прежние уроки,
Знать, не пошли доселе впрок;
Мы им на отдых дали сроки.
Им нужно дать иной урок.

А ну, гей-гей,
Седлай коней,
Ударимте сильней,
Чтоб в этот раз
Панов от нас
Ни бес, ни бог не спас!

Их мало гнать, шляхетских гадин:
Их надо гнать и надо бить,
Им мало морды бить до ссадин:
Их надо с корнем истребить.

А ну, гей-гей,
Седлай коней,
Ударимте сильней,
Чтоб в этот раз
Панов от нас
Ни лес, ни лог не спас!

Паны, очухавшись малость,
Вновь корчат храбрых воевод.
Их надо бить, забывши жалость,
Не оставляя на расплод.

А ну, гей-гей,
Седлай коней,
Ударимте сильнее,
Чтоб в этот раз
Панов от нас
Ни бес, ни бог не спас!

Когда нещадно мы проучим
Всех недоученных задир,
Тогда лишь только мы получим
Достойный нас и прочный мир.

А ну, гей-гей,
Седлай коней,
Ударимте сильнее,
Чтоб в этот раз
Панов от нас
Ни лес, ни лог не спас!

Рабочей, мирною отрадой
Смягчив следы больных рубцов,
Досель невиданной наградой
Русь наградит своих бойцов!

А ну, гей-гей,
Седлай коней,
Ударимте сильнее,
Чтоб в этот раз
Панов от нас
Ни бес, ни бог не спас!

Т Р У Д

Связь потеряв с обычной обстановкой,
Отдавшись весь работе фронтовой,
Ищу я слов, рифмующих с «винтовкой»,
Звучащих в лад с командой боевой.
Но слово есть одно, святое слово,
То слово — Труд. Оно горит огнем,
Оно звучит чеканно и сурово.
Вся наша мощь, все упование в нем.
Товарищ, знай, справляя наш субботник:
К победе путь — тернист и каменист.
Кто коммунист — тот истинный работник,
Кто не работник — тот не коммунист!

МАНИФЕСТ БАРОПА ФОН ВРАНГЕЛЯ

Ихъ фанге ан¹. Я нашаю.
Эс ист² для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер³ манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Ихъ бин⁴ фон Врангель, герр барон.
Я самый лючий, самый шестный
Есть кандидат на царский трон.
Послушай, красные зольдатен⁵:
Зашем ви бьетесь на меня?
Правительств мой — все демократен,
А не какой-нибудь звиня.
Часы с поломанной пружина —
Есть власть советский такова.
Какой рабочий от машина
Имеет умный голова?
Какой мужик, разлучный с полем,
Валяйт не будет дурака?
У них мозги с таким мозолем,
Как их мозолистый рука!
Мит клейнем⁶, глюпеньким умишком
Всех зо генанттен⁷ простофиль
Иметь за власть?! Пфуй, это слишком!
Ихъ шпрехе⁸: пфуй, дас ист цу филь!⁹
Без благородного сословий
Историй русский — круглый нуль.
Шлехт!¹⁰ Не карош порядки новий!
Вас Ленин ошень обмануль!

Ви должен верить мне, барону.
 Мой слово — твердый есть скала.
 Мейн копф ¹¹ ждет царскую корону,
 Двухглавый адлер ¹² — мой орла.
 Святая Русслянд ... ¹³ гейлих эрде... ¹⁴
 Зи лигт им штербен¹⁵, мой земля.
 Я с белый конь... фом вейсен пферде... ¹⁶
 Сойду цум альтен ¹⁷ стен Кремля.
 И я скажу всему канальству:
 «Мейн фольк ¹⁸, не надо грабежи!
 Служите старому начальству,
 Вложите в ножницы ножи!»
 Вам будут слезы ошень литься.
 «Порядок старый караша!»
 Ви в кирхен ¹⁹ будете молиться
 За мейне руссише душа.
 Ви будет жить благополучно
 И целовать мне сапога.
 Гут!²⁰
 «Подписал собственноручно»
 Вильгельма-кайзера слуга,
 Барон фон Врангель, бестолковой
 Антантой признанный на треть:
 «Сдавайтесь мне на шестный слово.
 А там... мы будем посмотреть!»

Баронскую штучку списал и опубликовал
 Демьян Бедный.

Пояснение немецких слов: ¹ Я начинаю. ² Это есть. ³ Наш.
⁴ Я есмь. ⁵ Солдаты. ⁶ С маленькими. ⁷ Так называемых. ⁸ Я го-
 вору. ⁹ Это чересчур. ¹⁰ Нехорошо. ¹¹ Моя голова. ¹² Орел.
¹³ Россия. ¹⁴ Святая земля. ¹⁵ Она находится при смерти. ¹⁶ С бе-
 лого коня. ¹⁷ У старых ¹⁸. Мой народ. ¹⁹ В церквах. ²⁰ Хорошо.

КРАСНАЯ КОННИЦА НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

Наша конница —
Беззаконница:
Адмирала,
Генерала
Фон барона
Бьет с разгона,
На чины на их не глядя.
Браво, дядя!
Бей, чего робеть?
Не о ком скорбеть!
Мы ли с Врангелем не сладим,
Пули в лоб ему не всадим,
И ему и всем, кому
Нынче весело в Крыму?
Нынче там у них веселье,
Шампанея льет рекой.
Завтра ждет их всех похмелье:
На тот свет на новоселье!
Со святыми упокой,
Рабы божие,
Толсторожие,
Фабриканты,
Спекулянты,
Слуги верные Антанты,
Все огрызки старой власти,
Белой, черной, желтой масти,
И фон Врангель, их правитель —
Шустрый немец стрекулист,—

Всем им в райскую обитель
Пропускной дадим мы лнст.
Мы в грехе и мы в ответе
(Уж «грешим» четвертый год!) —
Как-нибудь на этом свете
Перебьемся без господ.

Братцы-друзи,
Перебьемся,
Перемаемся,
От натуги
Перегнемся —
Не сломаемся!
Все исправим, дайте срок.
Для себя работа впрок,
Без насилья, без обмана,
Не для барского кармана.
Перебьемся год-другой,
Солнышко проглянет,
Колокольчик под дугой
Песенку затынет:
«Делень-день!
Делень-день!
Наступает красный день!»
Зашумев веселым роем,
Мы под солнечным лучом
Все дороженьки покроем
Яркоалым кумачом.
Пировать когда ж мы станем,
Всех покойничков помянем:
Адмиралов,
Генералов,
Передохших чинодралов,
Всех князей и всех баронов,
Полицейских фараонов,
Всех помещиков, банкиров,
Всех сосавших нас вампиров,
Спекулянтов,
Фабрикантов,
Трутней всех и всех шмелей!
Бей их, братцы, не жалей!

Гнусным змеям
Ядовитым,
Всем злодеям
Родовитым,
Угнездившимся в Крыму,
Нет иного приговора:
«Погибай, лихая свора!
Нет пощады никому!!!»

КОННАЯ ВТОРАЯ

По фронтам по всем кочуя,
Насмотрелся я чудес.
Вот и нынче — к вам качу я,
Еду, еду — что за бес?!

Где же «Конная Вторая»?
Впереди, да впереди!
«Мне ее, — вздыхал вчера я, —
Не догнать, того гляди!»

Трух да трух моя кобыла.
Кляча, дуй ее горой!
Доскакал я все ж до тыла
«Конной Армии Второй».

Где приятель мой, Шаронов?
На скаку разузнаю.
«Эвон там, где треск патронов, —
Эскадрон его в бою».

Еду дальше. Люди. Кони.
Целый табор у костров.
После этакой погони
Разомлел я — будь здоров!

И всю ночь казак Шаронов
Мне мерещился во сне:
Вздев на пику трех баронов,
Он их жарил на огне...

Смех кругом: «Робя, гляди-ко,
Врангель щерится, что кот!»
Три барона выли дико:
«Шерти!» — «Зволечы!» — «Ох, мейн готт!»

Сзади хохот: «Жарьтесь, твари!
Это вам за все дела!»
Я проснулся. Запах гари:
У меня горит пола.

Леший с ней, с полою этой!
На войне дыра — фасон,
Все ж доволен я приметой.
Эх, кабы да в руку сон!

Чтоб от красных эскадронов
Вражья сила подрала,—
Чтоб скорей от всех баронов
Лишь осталась зола!

ЛАТЫШСКИЕ КРАСНЫЕ БОЙЦЫ

Латыш хорош без аттестации.
Таков он есть, таким он был:
Не надо долгой агитации,
Чтоб в нем зажечь геройский пыл.

Скажи: «барон!» И, словно бешеный,
Латыш дерется, все круша.
Чай, не один барон повешенный
Свидетель мести латыша.

Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, пиши:
Любые фланги обеспечены,
Когда на флангах — латыши!

Где в бой вступает латдивизия,
Там белых давят, как мышей.
«Готовься ж, врангельская физия,
К удару красных латышей!»

ЧЕСТЬ КРАСНОАРМЕЙЦУ!

*Превознесу тебя, прослаблю,
Тобой бессмертен буду сам.*

Г. Р. Державин,

Красноармеец — Пров, Мефодий,
Вавила, Клим, Иван, Софрон —
Не ты ль, смахнув всех благородий,
Дворян оставил без угодий,
Князей, баронов — без корон?

Вся биржа бешено играла
«На адмирала Колчака».
Где он теперь, палач Урала?
Его жестоко покарала
Твоя железная рука!

Деникин? Нет о нем помина.
Юденич? Вечный упокой.
А Русь Советская — едина.
Сибирь, Кавказ и Украина
Защищены твоей рукой!

Ты сбавил спеси польской своре,
Сменив беду полубедой.
Кто победит, решится вскоре,
Пока ж — ты мудро доброй ссоре
Мир предпочел полухудой.

Ты жаждал подвига иного:
Рабочей, творческой страды.

Где места нет у нас больного?
Пора, дав жить тому, что ново,
Убрать гнилье с родной гряды.

Но оставалась корона,
Еще не сбитая тобой.
И — всходов новых оборона —
Ты на последнего барона
Пошел в последний, страшный бой.

Под наши радостные клики
Хвалой венчанный боевой,
Гроза всех шаек бело-диких,
Ты — величайший из великих,
Красноармеец рядовой!

Герой, принесший гибель змею,
Твоих имен не перечесть!
Тебе — Вавиле, Фалалею,
Кузьме, Семену, Еремею —
Слагаю стих я, как умею,
И отдаю по форме *честь*!

КУЗЬМА ХЛОПУШКИН

Фронтовой рассказ

В Чухломе да на базаре
Кузька сторожем служил.
Словно мышь в мучном амбаре,
Жил парнишка — не тужил.

Толстогрудые торговки —
С ними Кузя не скучал.
По ночам без остановки
Колотушкой он стучал.

Колотушка била дробно:
Трам-та-там да трам-та-там!
Для воров весьма удобно:
Сторож — здесь, а воры — там!

Не бояся с Кузей встречи,
Воровали не спеша:
Вбок — замок, товар — на плечи.
«Жди, торговка, барыша!»

Вот и утро, слава богу!
На базаре бранный гул.
Все торговки бьют тревогу:
«Снова кража! Караул!»

Кончен день базарный, шумный,
Люд торговый схлынул прочь.
Кузя вновь, как полоумный,
В колотушку бьет всю ночь.

Знайте все: Кузьма на страже!
Воровской собьет он раж!
Утром, глядь, картина та же:
Сразу новых десять краж!

Тут торговки взбеленились,
Дело кончилось бедой:
Били Кузю, не ленились,—
Отливать пришлось водой.

«Что?! — молодки и старушки
Измывались над Кузьмой.—
Не забудешь... колотушки?
Колотушкин ты прямой!»

Дали бабы Кузе жару,
Проучили молодца.
Но ушел Кузьма с базару
Не доучен до конца.

Двадцать лет Кузьме без лишку:
На губах ни волоска.
Через месяц-два парнишку
Взяли в красные войска.

Ай да Кузя, в рот те ситник!
Что за парень боевой!
Он — отечества защитник,
Он за волю — головой!

На фуражке у вояки
Даром, что ль, горит звезда?
«Ну-кошь вы, паны-поляки,
Подходите-ко сюда!»

В грязь наш Кузя не ударит:
Как сурок, нырнув в окоп,
Из винтовки парень жарит,
Только слышно: хлоп да хлоп.

Расстрелявши все патроны,
Ковыряет он в носу:
«Вон шарахнулись вороны...
Знать, противник там... в лесу!»

Получив патронов пачку,
Кузя снова хлоп да хлоп!
Рядом смех: «Уйми горячку!
Эк захлопал, остолоп!»

Кузя хлопает, не слышит,
Бьет не в цель, а наугад.
Раскраснелся, жарко дышит,
Заслюнявил весь приклад.

Ротный тут взъярился волком,
Закусил сердито ус:
«Трать, Кузьма, патроны с толком!
Слышь, *Хлопушкин*? Чертов трус!»

Глупый брешет без умолку,
Не жалея языка.
Сотня слов, а все без толку,—
Сразу видно дурака.

Умный зря болтать не любит:
Бережлив он на слова,
Слово скажет, как отрубит,
Потому что — голова.

Слабосильный прыщ-задира
Хорохорится — беда!
Но — у церкви, у трактира,
Всюду бит он и всегда.

Сильный — силы зря не тратит,
Но зато в прямом бою,
Коль нахвальщика он хватит,
Хватит так, что уй-ю-ю!

О проклятом польском пане
Есть заботиться кому:
Снаряжение англичане
И французы шлют ему.

Мы ж для нашей обороны
Сами мощь свою куем:
Сами делаем патроны,
Сами пушки наши льем.

Нам снаряды для сражений,
А не «хлопанья» нужны,
Так военных снаряжений
Зря мы тратить не должны.

Колотушкин Кузя — шалый,
Иль Кузьма *Хлопушкин* тож,
Это, братцы, вредный малый
И в бойцы совсем не гож.

«Хлопать» — нам не по карману.
Чтобы пана нам свалить,
Надо метить в брюхо пану,
А не на ветер палить.

ТИТ - ЛОДЫРЬ

«Тит, иди молотить».
«Брюхо болит!»
«Тит, иди кисель есть».
«А где моя большая лсжка?»

Н а р о д н о е.

Перезвон звенит пасхальный:
«Делень-делень-делень-день,
Делень-день,
Делень-день,
День,
День!..»
На полатях Тит печальный
Дрыхнет, дрыхнет целый день,
Целый день.
В голове у Тита пусто,
В животе — не густо.
«Тит!»
«Проваливай отсель!»
«Тит, советский ел кисель?»
«А каков на вкус-то?»
Тита голод ущемил,
Коммунизм ему не мил.
Лодырь прав отчасти:
Ждал он сладких пирогов,
Ягод сочных,
Рек молочных
И кисельных берегов
От Советской власти,—
Дождался ж... напасти.
Это ль Титу манифест:
«Кто не трудится — не ест!»

Истинные страсти!
Сколько Титов на Руси
На полатях дрыхнет?
К Титу порох поднеси,
Ни за что не вспыхнет.
Тит — не мыт, на нем — кора,
А уж вошь — на племя!
«Тит, почиститься пора!»
«Ладно, будет время».

*

«День-делень-делень-делень,
День-делень,
День-делень,
Лень,
Лень!..»
На полатях Тит угрюмый.
«Тит, подумай...»
«Думать лень!»
«Думать лень!»
Тит лежит, лежит колодой:
«Во! Попробуй, угрызни!»
С этой лодырской породой
Много будет нам возни!
Не жалея крови-поту,
На заглохшей полосе
Дружной ратью на работу
Встанут труженики все.
И когда рабочей рати
Час придет снимать плоды,
Тит, покинувши полати,
Влезет в первые ряды:
«Братцы, я... да всей душою!..
Что коса мне, что метла!..»
Сядет с ложкою большою
Тит у общего котла.
Но... обильною окрошкой
Вряд ли Тит набьет кишку:
Кто-нибудь его же ложкой
Разобьет ему башку!

У ЗАВОДСКИХ ВОРОТ

У врат эдема ангел нежный...

Как разъяренный хищный волк,
Хозяин щелкает зубами.
Снует народ,
Гремит завод,
Дым из трубы валит клубами.
«Ах, лучше б ты навек умолк!»
Как разъяренный хищный волк,
Хозяин щелкает зубами.

Шумит, гудит, гремит завод,
Глощают жадно уголь печи.
«Эй, не зевай!
Сыпь, подавай!
Поразомни-ка, парень, плечи!
Готовь пары на полный ход!»
Шумит, гудит, гремит завод,
Глощают жадно уголь печи.

Бегут, ревут грузовики,
Везут полотна, ситец, нитки,—
Везут товар
Не на базар —
Растить купецкие прибыли.
Его получают бедняки.
Бегут, ревут грузовики,
Везут полотна, ситец, нитки.

Пять знаков Р.С.Ф.С.Р.
Горят на вывеске огнями.
Не «Калмыков»,
Не «Ермаков»,
Не «Коновалов с сыновьями»,
Не «Перримонд Леон э фрер»,—
Пять знаков Р.С.Ф.С.Р.
Горят веселыми огнями.

Хозяин жалобно скулит,
Бродя весь день вокруг завода,
Весь день, весь день...
Он стал, как тень,
За эти страшные три года.
Тоскует сердце. Грудь болит.
Хозяин жалобно скулит,
Бродя, как тень, вокруг завода.

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

Парадный ход с дощечкой медной:
«Сергей Васильевич Бобров».
С женой, беременной и бледной,
Швейцар сметает пыль с ковров.
Выходит барин, важный, тучный.
Ждет уж давно его лихач.
«Куда прикажете?» — «В Нескучный».
Сергей Васильевич — богач.
Он капиталов зря не тратит.
А капиталы всё растут.
На черный день, пожалуй, хватит,—
Ан черный день уж тут как тут.

Пришли советские порядки.
Сергей Васильичу — беда.
Сюртук обвис, на брюхе складки,
Засеребрилась борода.
Нужда кругом одолевает,
Но, чувство скорби поборов,
Он бодр, он ждет, он уповает,
Сергей Васильевич Бобров.
Когда Колчак ушел со сцены,
Махнули многие рукой,
Но у Боброва перемены
Никто не видел никакой.
Юденич кончил полным крахом:
У многих сердце в эти дни
Каким, каким сжималось страхом,

А у Боброва — ни-ни-ни.
Деникин — словно не бывало,
Барон — растаял аки дым.
Боброву, с виду, горя мало,—
Привык уж он к вестям худым.
И даже видя, что в газетах
Исчез военный бюллетень,
Он, утвердись в своих приметах,
Ждет, что наступит... *белый* день.

И вдруг... Что жизнь и смерть? Загадка!
Вчера ты весел был, здоров,
Сегодня... свечи, гроб, лампадка...
Не снес сердечного припадка
Сергей Васильевич Бобров.

Бубнит псалтырь наемный инок
Под шепоток старушек двух:
«Закрыли Сухарев-то рынок!»
«Ох, мать, от этаких новинок
И впрямь в секунт испустишь дух!»

ЗАВЯЗЬ

Святое царство правды строится
В родимой стороне.
Незримой много силы кроется
В народной глубине!
Вставайте ж, новые работники,
Рожденные в борьбе!
Поэты, пахари и плотники,
Мы вас зовем к себе!
Встань, рать подвижников суровая,
Грядущего оплот!
Расти и крепни, завязь новая,
И дай нам зрелый плод!

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ БЕЗГРАМОТНЫХ БРАТЬЕВ

Власть царская народ держала в нищете,
И в нищете и в темноте.
Народной темнотой держалось наше горе.
Друзья, подумайте о том, что на Руси
Люд грамотный — что капля в море.
Иного мудрость вся — три буквы на заборе
Да «отче наш, иже еси».
И вас, читающих простые эти строки,
Молю я: взяв из книг хорошие уроки,
Делитесь потом усвоенным добром
С тем, кто с хромым умом и кто с душой слепою
Бредет, безграмотный, извилистой тропею.
Не по своей вине наш брат и слеп и хром.
Пусть солнца луч блеснет пред темною толпою.
Нам тяжело, а слепым — им тяжелей вдвойне.
Кнут, коим били нас, гулял по их спине,
И ту же, что и мы, они испили чашу.
Так пусть же, братья, в эти дни
Плоды свободы, радость нашу,
Прозрев, разделят и они,—
Разделят и поймут, идти с кем надо в ногу,
Чтоб выйти на простор, на светлую дорогу.

ПА Н КМИТА
Правдивая повесть

Полицмейстер Кмита в Ломже
Был и взяточник и вор.
«Ну, подлец, и костолом же!» —
Шел про Кмиту разговор.

Станислав Адамыч Кмита
Верным был слугой царю.
«Взят рабочий!» — «Морда бита?»
«Точно так!» — «Благодарю!»

Был со всеми одинаков
Полицмейстер боевой:
Русских бил, порол поляков,
Измывался над Литвой:

«Полицейские участки
Не затем, чтоб пустовать! —
Арестуешь для острастки,
Перестанут бастовать!»

После Кмитова ареста
Шла всегда все та же речь:
«Нет на мне живого места!»
«Ох-ти, брат: ни сесть, ни лечь!»

Кмита был, весьма понятно,
У начальства на виду
И отмечен был трикратно
В девятьсот шестом году.

В год осилив «три барьера»,
Не лежал он на боку,
Глядь, взнесла его карьера
Полицмейстером в Баку.

А в Баку, что день, то свары,
Что ни ночь — резня, пожар:
Не армян громят татары,
Так армяне жгут татар.

Кмита крови не гнушался,
Лютым коршуном кружил,
То с татарами якшался,
То с армянами дружил.

А в накладе — те и эти:
Всякий в спину ждет ножа.
Кмита плел искусно сети,
«Честно» родине служа.

Он — слуга богатых классов,
Враг — «рабочей мошкары».
Сам Тагиев и Гукасов¹
Щедро шлют ему дары.

Он — церковно-православный,
Он — российский дворянин,
Первым пьет бокал заздравный
Ради царских именин.

Кмита — пайщик в общем риске:
Черносотенцам он — свой,
Он в погромной переписке
С Петербургом и Москвой.

Кто сказал, что Кмиты предок?..
Кмита истинный русак!
Ан случилось напоследок,
Что попал русак впросак:

¹ Та г и е в и Гу к а с о в — бакинские миллионеры, владевшие нефтяными промыслами.

Грянул гром над всей страною!
Революции метла
Вместе с падалью иною
Всю полицию смела.

Кмита прятался сначала.
Дескать, «мы свое вернем!»
Но гроза, увы, крепчала,
Все крепчала с каждым днем.

Дальше — больше, дальше — больше...
Под собой не слыша ног,
Очутился Кмита в Польше,
«Тут спокойней, видит бог!»

Тут паны всю силу взяли.
Кмита к шляхте, пята грудь:
«Мне пристроиться нельзя ли?
Я ведь тож... не кто-нибудь!»

Дальше вышло, как по нотам.
Золотые Кмите дни.
Кмита польским патриотам
Оказался вдруг сродни.

Он породы именитой.
Подтвердят и не ввали:
С предком Кмиты, тоже Кмитой¹,
Совещались короли.

При таком-то Ягеллоне
Кмита был в большой чести
И самой крулеве Боне
Помогал... постель трясти.

¹ К м и т а — любимец польской королевы Б о н ы, супруги Сигизмунда I, правившего Польшей около 500 лет тому назад. Королева Бона была гнуснейшей интриганкой. Кмита был ее верным помощником, умея искусно дурачить сейм.

Так иль сак (пример не редок!),
Был крулевич в Кмиту весь.
Вот какой у Кмиты предок!
Заиграла в Кмите спесь.

Борода у Кмиты сбрита,
А уж ус-то, ус какой!
Польский пан, Станислав Кмита,
Левой крестится рукой.

Пани Кмита располнела,
Расцвела паненка-дочь.
«Еще Польска не сгинела» —
Кмита воеет день и ночь.

Не понять: лицо иль маска?
Просто Кмиты не узнать,
Пану Кмите честь и ласка,
Принимает Кмиту звать.

Кмита смотрит гордым взглядом.
Как жупан ему к лицу!
Он командует парадом
Перед сеймом на плацу.

Подражая Кмите-предку,
Кмита всюду тычет нос:
«Скоро ль будем бить соседку?» —
У него один вопрос.

«Мы Москву живой рукою!..
Сил нам, что ль, недостает?»
Эта мысль ему покою,
Да, покою не дает.

Кмита мысль одну лелеет
И во сне и наяву:
«Панство» русских одолеет,
Кмита выедет в Москву.

Кмита весь — в слепой надежде,
Ею только и дыша.
В нем все та же, что и прежде,
Полицейская душа.

Он свои имеет виды.
Кмита мстительно-упрям:
Полицейские обиды
Отомстит он бунтарям!

Новый царь, само собою,
Кмиту вот как наградит!—
Словом, Кмита рвется к бою,
Проживаясь в кредит.

В сейме он грозит «москалям»,
Речи Кмиты — брань одна:
«Мир с Москвою?! Не позволяю!!»
Получилась война.

Сейм шумел, а бились хлопы.
Под снаряды, на штыки,
Из окопов шли в окопы
Горемыки-бедняки.

Дома брошены халупы,
Плачут жены, детвора,
А поляки — вот их трупы
От Двины и до Днепра!

Взяли Киев. Слава! Слава!
Тут и к месту приросли.
А зашел Буденный справа,
Еле ноги унесли.

Бил панов Буденный сбоку,
А пехота дула в тыл.
Пан Пилсудский раньше сроку
Растерял военный пыл.

Кмита мрачно сдвинул брови
С видом грозного бойца:
«Жалко, что ли, хлопской крови?
Надо биться до конца!»

Гад змеею ядовитой
Извивается, шипит.
Пан Пилсудский с паном Кмитой
Вместе ест и вместе спит.

«Бьют,— заплачешь поневоле!»
Стал Пилсудский горевать,
А змея шипит: «Тем боле
Надо, пане, воевать!»

«Не видать нам Украины...
Фронт нам всюду стали рвать...»
«Значит,— снова шип змеиный,—
Надо дальше воевать!»

«И в Литве нас бьют повторно...
Поражение как скрывать?..»
«Что ж? — змея шипит упорно.—
Значит, надо воевать!»

«За грехи мы все ответим...
Будут хлопы бунтовать!!»
«Хлопы?! Га! Мы с быдлом этим
Вот как будем воевать!»

«Будем?» — «Будем! Вздуюм знатно!»
«Значит, Кмита, по рукам!»

*

Если это непонятно,
То — одним лишь дуракам:

Чьи мозги, как липкий клейстер,
Тем осмыслить мудрено,
Что и *русский полицмейстер*
И Пилсудский — заодно!

Их враги — рабочий с хлопом,
Иль, по-пански, — скот, рабы.
И паны пред «подлым скопом»
Не отступят без борьбы.

Хлопам надо торопиться
(Мой совет не так уж нов) —
*Чем с народом русским биться,
Надо бить своих панов!*

Братья, крепко в толк возьмите,
Намотав себе на ус:
Мой «рассказ о пане Кмите»
Для панов — не сладкий кус.

Кмита панствует поныне.
Но паны поднимут вой:
Дескать, в сейме и в помине
Нет фамилии такой.

Я панам не дам покою:
Скажет мой правдивый стих,
Под фамилией какою
Кмита прячется у них.

Да один ли только Кмита?
Есть почище образцы.
Едет пан, за паном — свита:
Все такие ж подлецы.

Братья хлопы, злое зелье
Время выполоть сполна.
Шляхте — пир, а вам — похмелье;
Шляхте — жир, а вам — война!

*Бьются вы панам в угоду,
А ведь счастье — у дверей:
Только панскую породу
Уничтожьте поскорей!*

ВОРОНЬЕ

При свете трепетном луны
Средь спящей смутным сном столицы,
Суровой важности полны,
Стоят кремлевские бойницы,—
Стоят, раздумье затая
О прошлом — страшном и великом.
Густые стаи воронья
Тревожат ночь зловещим криком.
Всю ночь горланит до утра
Их черный стан, объятый страхом:
«Кра-кра! Кра-кра! Кра-кра! Кра-кра! —
Пошло все прахом, прахом, прахом!»
О, воплощение мертвых душ
Былых владык, в Кремле царивших,
Душ, из боярских мертвых туш
В объятья к черту воспаривших!
Кричи, лихое воронье,
Яви отцовскую кручину:
Оплачь детей твоих жите
И их бесславную кончину!
Кричи, лихое воронье,
Оплачь наследие твое
С его жестоким крахом! Крахом!
Оплачь минувшие года:
Им не вернуться никогда.
Пошло все прахом, прахом, прахом!

ПРИМЕЧАНИЯ

*Примечания, помещенные непосредственно
под текстом произведений, сделаны автором.*

Во второй том вошли произведения, написанные Д. Бедным в ноябре — декабре 1917 года и в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920).

Весь материал расположен в хронологическом порядке, установленном в соответствии с первой публикацией произведений.

Тексты воспроизводятся по последнему прижизненному собранию сочинений поэта, подготовленному к изданию при его личном участии: Д е м ь я н Б е д н ы й, Собрание сочинений в одном томе, Государственное издательство «Художественная литература», М. 1937 (в примечаниях сокращенно обозначается: «однотомник 1937 г.»); тексты, не вошедшие в однотомник, даются по другим, наиболее поздним авторизованным сборникам Д. Бедного, по отдельным томам собрания сочинений 1926—1933 гг. и по газетам 1917—1920 гг.

В примечаниях, кроме первых публикаций, указаны и первые сборники, куда вошло то или иное произведение. Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, где хранится архив Д. Бедного, сокращенно обозначается: ИМЛИ им. А. М. Горького.

1917

Н у т р о (стр. 5). — Впервые опубликовано в газете «Правда» под рубрикой «Маленький фельетон», 1917, № 185, 23 ноября, за подписью «Мужик Вредный».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

«Новая жизнь» — меньшевистская газета, выходила в Петрограде с апреля 1917 г. Закрыта в июле 1918 г. за антисоветскую пропаганду.

В с е м с е с т р а м п о с е р ь г а м (стр. 6). — Впервые опубликовано с подзаголовком «К избирательным спискам» в газете

«Правда», 1917, № 186, 24 ноября, за подписью «Мужик Вредный». В этом сатирическом обзоре поэт разоблачает избирательные платформы восемнадцати буржуазных партий и групп, обнародовавших списки своих кандидатов в Учредительное собрание.

После победы Октябрьской социалистической революции Советское правительство не отменило выборов в Учредительное собрание, так как считало необходимым, чтобы массы на собственном опыте убедились в контрреволюционности этого буржуазного собрания.

Созванное 5 (18) января 1918 г. Учредительное собрание отказалось обсудить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и подтвердить декреты II съезда Советов о мире, о земле, о переходе власти к Советам, и было распущено по решению ВЦИК 6 (19) января 1918 г.

Стихи, басни и фельетоны Д. Бедного, разоблачающие контрреволюционность буржуазных и соглашательских партий, являлись действенным средством агитации и мобилизации масс. В Институте мировой литературы им. А. М. Горького хранится листовка РСДРП(б) со стихами Д. Бедного. Под общим заголовком «Выборные песни», в обрамлении лозунга: «Голосуйте за список № 4» (список № 4 — большевистский список по городу Петрограду к выборам в Учредительное собрание), напечатаны стихотворения: «Как у питерских господ», «Ерема да Фома (эсер и кадет)», «Предвыборная проповедь отца Кондратия», «Бабушка Ненила», а также «№ 2 кадеты» и «№№ 8 и 9 эсеры» из обозрения «Всем сестрам по серьгам».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Девичья песня (стр. 11).— Впервые под названием «Деревенская песня», с подзаголовком «Выборная», напечатана в «Правде» в последний день выборов в Учредительное собрание по Петрограду, 1917, № 189, 27 ноября, за подписью «Мужик Вредный». Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918; название «Девичья песня» дано при переиздании этой книги в издательстве Петросовета, 1919.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Псой (стр. 14).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 191, 29 ноября, с подзаголовком «Басня (посвящается правым эсерам)». Перепечатано в газете «Беднота», 1918, № 18, 16 апреля. Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930, где стихотворение ошибочно датировано 16 апреля 1918 г.

Послевыборный астрономический бюллетень (стр. 16).— Впервые напечатано в «Правде», 1917, № 192, 30 ноября, под рубрикой «Маленький фельетон», за подписью «Мужик Вредный». Посвящено победе большевиков на выборах в Учредительное собрание по городу Петрограду. В статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» В. И. Ленин писал: «В обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь почти вчетверо больше, чем эсеры. Мы имели здесь больше, чем эсеры и кадеты, вместе взятые... меньшевики имели и в Петрограде и в Москве всего по 30/100 голосов...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 235).

Текст стихотворения печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Кто с кем (стр. 17).— Под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «Басня», впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 193, 1 декабря, откуда и воспроизводится.

«Речь» — газета, центральный орган партии кадетов, выходила в Петербурге с февраля 1906 г. В ноябре 1917 г. была закрыта за контрреволюционную деятельность.

«День» — газета либерально-буржуазного направления, издавалась в Петербурге с 1912 г. при активном участии меньшевиков, в руки которых она целиком перешла после Февральской революции 1917 г. Закрыта одновременно с газетой «Речь».

Т о ж е п а р т и я (стр. 19).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 198, 7 декабря, за подписью «Мужик Вредный».

Текст печатается по газете «Правда».

Совестно, видно, ссылаться на «практику»... — Имеется в виду ответственность партии эсеров за контрреволюционную аграрную политику Временного правительства (возглавлявшегося эсером Керенским) и его жестокие расправы над крестьянами, захватывавшими помещичьи земли.

«Дело народа» — ежедневная газета, орган партии эсеров, выходила в Петрограде с марта 1917 г. по июнь 1918 г. Была закрыта за контрреволюционную деятельность.

Э с е р о в с к о е б е с с т ы д с т в о (стр. 20).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 201, 11 декабря, за подписью «Мужик Вредный».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Как они свою старушку превратили в побирушку...— Имеется в виду Брешко-Брешковская Е. К.—один из лидеров эсеровской партии.

В газете «Деревенская беднота и трудовое казачество», 1917, № 42, 1(14) декабря, это стихотворение (без названия и без последних шести строк) цитировалось в редакционной заметке «О «бабушке» Брешко-Брешковской». Газета отмечала, что «скандальные разоблачения секрета «бабушки» о том, как она получала деньги от русских и американских капиталистов, чтобы травить в своих газетах большевиков и обманывать крестьян, вызвали много откликов. Целый ряд рабочих и солдат, еще остававшихся в партии соц.-рев., с отвращением покидают эту партию соглашателей и продажных иуд».

Т а в р и ч е с к и й д в о р е ц (стр. 21).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 202, 13 декабря, за подписью «Мужик Вредный».

Сатирический отклик на организованное контрреволюционными партиями 28 ноября (11 декабря) 1917 г. шествие к Таврическому дворцу под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». После победы Октябрьской социалистической революции буржуазия вместе с эсерами и меньшевиками использовала этот призыв как орудие борьбы против Советов. «...Под лозунгом: вся власть Учредительному собранию,— писал В. И. Ленин,— скрывается лозунг: долой Советскую власть...» (В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 26, стр. 399).

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Таврический дворец — здание, где 5 (18) января 1918 г. было открыто Учредительное собрание.

Милюков П. Н. — лидер буржуазно-монархической кадетской партии, идеолог русских империалистов. После Октябрьской социалистической революции один из вдохновителей белогвардейских выступлений и иностранной военной интервенции. Впоследствии бежал за границу, где продолжал деятельность, враждебную Советскому государству.

Чернов В. М. — лидер партии эсеров. Министр земледелия в первом коалиционном кабинете Временного правительства. В годы гражданской войны активно боролся против Советского государства. После поражения контрреволюции бежал за границу и продолжал там антисоветскую деятельность.

Б а р с к и й н а х р а п (стр. 22).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 202, 13 декабря, вместе со стихотворением «Таврический дворец».

28 ноября (11 декабря) группа кадетских и эсеровских депутатов Учредительного собрания, ворвавшись после контрреволюционной демонстрации в Таврический дворец, пыталась незаконно объявить

себя Учредительным собранием, чтобы выступить от его имени против Советской власти. В ответ на это Совет Народных Комиссаров принял в тот же день «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции».

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Светлейший князь Волконский (стр. 24).—Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 203, 14 декабря, за подписью «Мужик Вредный». Впоследствии было включено автором, без последних семи строк, в большое сатирическое произведение «Светлейший... маньяк» («Известия», 1928, № 31, 5 февраля), являвшееся ответом на присланное князем Волконским из Парижа письмо с напоминанием о «своих правах» на «родовые поместья» в Рязанской губернии.

Строфа, процитированная Волконским, взята из «Цыганской песни» Гете. Вольный перевод этой песни использован Д. Бедным для создания политической сатиры на свергнутые Октябрьской революцией эксплуататорские классы.

Декрет Советского правительства «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» опубликован 25 ноября 1917 г. в «Известиях ВЦИК». Этим декретом были ликвидированы все сословные организации и отменены всякие сословные привилегии и ограничения.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Птицеловы (стр. 26).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 209, 21 декабря, с подзаголовком «Басня». Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

В образе птицелова разоблачены эсеры, маскировавшие свою контрреволюционность фальшивым лозунгом «Земля и Воля».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Плохое утешение (стр. 27).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 211, 23 декабря, за подписью «Мужик Вредный».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

«Новый луч» — меньшевистская газета. Издавалась в Петрограде с декабря 1917 г. Закрыта в июне 1918 г. за контрреволюционную агитацию. Эта же газета разоблачается как пособница белогвардейской контрреволюции и в эпиграмме Д. Бедного «Огорченная шавка», напечатанной в том же номере «Правды»:

На меньшевистскую вы полюбуйтесь шавку:
Она Каледину молилася вчера!
Она Каледину протягкала «Ура»!
А он, злодей, ушел в отставку!

Каледин А. М.— царский генерал, атаман донского казачьего войска. В декабре 1917 г. поднял на Дону восстание кулацкой верхушки казачества против Советской власти. Войска Каледина были разбиты отрядами рабочих-красногвардейцев и трудовых казачков-фронтовиков. Потерпев поражение, Каледин застрелился в феврале 1918 г.

Дутов А. И.— царский полковник, белогвардейский атаман Оренбургского казачьего войска, сподвижник Колчака. В 1921 г. убит в Западном Китае, куда бежал с остатками своей разгромленной армии.

Мечты 109 депутатов Учредительного собрания (стр. 28).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 211, 23 декабря, за подписью «Мужик Вредный».

Этот стихотворный отклик на письмо 109 депутатов Учредительного собрания раскрывает подлинный смысл демагогических лозунгов партии эсеров.

В первопечатном тексте пятая строка снизу читалась так: «Схвы, барские мечты...»

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Мир! (стр. 31).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 214, 27 декабря. Перепечатано в газете «Деревенская беднота и трудовое казачество», 1917, № 54, 28 декабря.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

1918

Донская песня (стр. 32).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 222, 5 января, под названием «Казачья песня». Под этим же названием вошло в книги Д. Бедного: «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918, и «Красный казак», изд. ВЦИК, М. 1919.

Трудовому казачеству Д. Бедный посвятил ряд песен и стихотворений («Трудовое войско», «Братьям казакам» и др.), составивших тематический сборник «Красный казак».

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

У господ на елке (стр. 33).— Впервые напечатано с иллюстрациями в «Правде», 1918, № 223, 6 января. Вошло в книги Д. Бедного: «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918, «Читай, Фома, набирайся ума (для юных грамотеев)», Гиз, М. 1919.

Стихотворение носит автобиографический характер, приурочено

поэтом к первому детскому новогоднему празднику в Советской России.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

К т о з а щ и щ а е т с я (стр. 36).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 2, 17 января, накануне открытия Учредительного собрания, под названием «Кто «защищается» Учредительным собранием?».

Стихотворение является ответом на вопли контрреволюционной печати о защите Учредительного собрания.

Первопечатный текст имел следующую концовку:

Вопят и требуют «защиты»! Лицемеры,
Нам благ невиданных спешат наобещать.
Народ, словам врагов не можешь дать ты веры!
Своих насильников не станешь защищать!
Нет, не поддашься ты предательским наветам!
Сумев сомкнуть врагов оскаленную пасть,
Дашь не «защитному» Собранию, а Советам
Всю власть!

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930, где стихотворение датировано 1917 г.

П р е д о с т е р е ж е н и е (стр. 37).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 4, 19 января, с эпиграфом: «Серая шинель» — газета, издаваемая (если верить объявлению) «солдатами» Гв. Преображенского и Семеновского полков под редакцией членов культурно-просветит. комиссии. Фамилии этих подозрительных господ членов, редактирующих подозрительный листок, трусливо скрыты от читателей». Эпиграф снят автором при включении стихотворения в книгу «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

К л я т в а (стр. 39).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 6, 22 января, текст сопровождался эпиграфом: «Это будет последний и решительный бой (Из «Интернационала»)». Эпиграф снят автором в книге: Демьян Бедный, «В огненном кольце», изд. «Жизнь и знание», М. 1924, где стихотворение печаталось с подзаголовком «Памяти 9-го января». В последующих изданиях эпиграф был автором восстановлен, а подзаголовок снят.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Т р у д о в о е в о й с к о (стр. 40).— Опубликовано в «Правде», 1918, № 13, 31 января. Вошло в книги Д. Бедного: «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918, и «Красный казак», изд. ВЦИК, М. 1919.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Трудовое войско — подразумеваются воинские отряды, сформированные военно-революционным комитетом съезда фронтовых казаков, состоявшимся в январе 1918 г. в станице Каменской. Съезд фронтовых казаков объявил (10) 23 января 1918 г. войну атаману Каледину — ставленнику контрреволюционной верхушки кулацких слоев казачества. III Всероссийский съезд советов принял по этому поводу (16) 29 января 1918 г. «Обращение к казакам», в котором говорилось: «Вы объявили войну врагам народа — Каледину, Милюкову и их шайке. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поддержат вас всеми силами» (Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях, изд. Ведомостей Верховного Совета РСФСР, М. 1939, стр. 59).

На ножгах я со всей стариною. — Старшина — привилегированная, кулацкая верхушка, занимавшая выборные командные посты в казачьих войсках.

В первопечатном тексте перед заключительной строфой было еще одно четверостишие, впоследствии исключенное автором:

На Дону заварилася каша.
Крепнет рать всенародная наша,
От казаков пришла к нам подмога,
В черносотенном стане тревога.

Митрошкин заяц, или земельный декрет покойного эсеровского Учредительного собрания (стр. 42). — Первая публикация не установлена. Вошло в сборник Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

В басне высмеивается демагогический «законопроект» о земле, принятый правозэсеровскими депутатами Учредительного собрания ночью 5 (18) января 1918 г., после того как большевистская фракция, выступив с декларацией о своем отношении к этому собранию, покинула Таврический дворец. Декларация была написана В. И. Лениным и заканчивалась следующими словами: «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 391).

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

П о к о й н и ц а (стр. 44). — Впервые опубликовано в газете «Деревенская правда», 1918, № 23, 31 января, с пропуском третьей:

строки сверху. Полностью напечатано в «Правде», 1918, № 19, 7 февраля, откуда и воспроизводится.

Дядя Викторюшка — Виктор Чернов, лидер эсеров, был избран председателем существовавшего один день и распущенного Советским правительством Учредительного собрания. Намек на это содержится в строках:

*Только денек позсерили,
Как уж тебя и похерили.*

Мы не одни (стр. 45).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 14, 1 февраля. Отклик на революционные выступления рабочего класса в зарубежных странах.

Текст печатается по газете «Правда».

Мертвое умирает (стр. 46).— Опубликовано в «Правде», 1918, № 16, 3 февраля, откуда и воспроизводится.

«Единство» — меньшевистская газета. Выходила в Петрограде с марта по ноябрь 1917 г., а также в декабре 1917 г. и в январе 1918 г. Объединяла вокруг себя крайнюю правую группу меньшевиков.

«Новая жизнь» — см. примечание к стихотворению «Нутро».

«Новый луч» — см. примечание к стихотворению «Плохое утешение».

Камуфлет (франц.) — неожиданная неприятность.

Последний перевал (стр. 47).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 17, 5 февраля. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля обетованная», изд. «Коммунист», М. 1918.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Коммунистическая марсельеза (стр. 48).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 22, 10 февраля, под названием «Наша коммунистическая марсельеза», с подзаголовком «Посвящается рабоче-крестьянской социалистической Армии». Это первое стихотворение, посвященное поэтом Красной Армии. Написанное на мотив «Марсельезы», оно стало популярнейшей революционной песней. Вышло отдельными изданиями в издательстве ВЦИК, М. 1918 и в Гизе, М. 1920, стотысячным тиражом. Помещено также в книге Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918, и в других изданиях.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Новожизненские лягушки (стр. 50).— Впервые напечатано в «Правде», 1918, № 28, 17 февраля, за подписью «Мужик Вредный».

Под «Новожиженскими лягушками» подразумевается контрреволюционная меньшевистская группа, объединившаяся вокруг газеты «Новая жизнь».

В строках:

*Не ваши ль это предки древле
Пред Зевсом квакали, чтоб дал он им царя? —*

меньшевики уподобляются лягушкам из басни Эзопа «Лягушки просят себе царя».

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Р е в о л ю ц и о н н ы й г у д о к (стр. 51).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 37, 28 февраля. Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Стихотворное обращение поэта к народу, к ухודившим на фронт частям формировавшейся Красной Армии, написано в тяжелые для молодой Советской республики дни, когда войска германских империалистов приближались к Петрограду. 22 февраля 1918 г. советским правительством был опубликован декрет «Социалистическое отечество в опасности!». В этот день «Правда» вышла под лозунгом: «Рабочие и солдаты! Разбойному набегу немецких белогвардейцев двинем навстречу революционные отряды рабочей и крестьянской Красной Армии... К оружию!» Всю ночь на 22 февраля в Петрограде раздавались тревожные гудки фабрик и заводов. В городе формировались и отправлялись на фронт отряды Красной Армии. 23 февраля наступление врага было приостановлено, этот день стал традиционным праздником рождения героической Советской Армии.

В первопечатном тексте имелась еще одна строфа, впоследствии исключенная автором:

*Бросая свой клич от предместья к предместью,
Ты миру всему прозвучал грозной вестью:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Разбойник у наших ворот!»*

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Р а б о т н и ц е (стр. 52).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 44, 8 марта, в Международный женский день. Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

М а я к (стр. 53).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 45, 9 марта. Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Песня деда Софрона (стр. 54).— Впервые опубликовано в «Красной газете», 1918, № 39, 12 марта, под названием «Дудка-погудка», в разделе «Наша колокольня».

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Дед Софрон — беседчик и рассказчик, часто встречающийся в стихах Д. Бедного периода гражданской войны. Прообразом этого рассказчика был Софрон Никитич Придворов, родной дед поэта. «Беседы деда Софрона» на злободневные политические темы печатались в газете «Беднота» и в «Красной газете». «Песня деда Софрона» отличается от его «бесед», обычно написанных в форме раешника, песенным ритмом и свойственными песням повторами конца строк. В первопечатном тексте отсутствовали 21—24 и 45—48 строки публикуемого нами текста. Из других разночтений наиболее существенны следующие: 25-я строка читалась так:

Не зажитья злым врагам в родной земле,
а 29-я:

— Ох, и дожили ж до горькой мы поры...

Песня вошла в книгу «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918, уже под новым названием.

«П р а в д е» (стр. 56).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 48, 17 марта. Посвящено газете «Правда», сыгравшей огромную роль в сплочении масс под знаменами коммунистической партии.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

Б а т р а ц к а я (стр. 57).— Впервые опубликовано под рубрикой «Маленький фелетон» и с подзаголовком «Песня» в газете «Правда», 1918, № 54, 24 марта. Вошло в книгу Демьяна Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

М е н ь ш е в и с т с к и м л и ц е м е р а м (стр. 59).— Опубликовано в «Правде», 1918, № 56, 27 марта.

В этом же номере «Правды» И. В. Сталин в статье «Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма» писал: «...последние события окончательно сорвали маску социализма с меньшевистских социал-контрреволюционеров...» (И. В. С т а л и н, Сочинения, т. 4, стр. 65).

В строках: *Над несчастным Закавказьем*

Что теперь творите вы?..— имеется в виду контрреволюционная политика меньшевистского правительства Грузии, которое арестовывало участников аграрного движения, разоружало и преследовало возвращавшиеся с фронта революционные полки, расстреливало демонстрации рабочих и сеяло национальную вражду.

Под названием «Лицемерам» это стихотворение без последних двух стрóf было перепечатано в пятигорской газете «Голос», 31 марта и 13 апреля 1918 г.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

На завалинке (стр. 60).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 1, 27 марта, под названием «Первая встреча», с подзаголовком «Беседа деда Софрона». Перепечатано под тем же названием в «Красной газете», 1918, № 54, 30 марта, в разделе «Наша колокольня».

Текст, напечатанный в этих газетах, имел следующую концовку:

Здесь, на завалинке моей, в досужий час,
Не раз тут дельная у нас пойдет беседа.
Вы, братцы, кой-чему поучитесь у деда,
И многому, я чай, сам поучусь у вас,

которая была снята автором при повторной публикации стихотворения в газете «Беднота», 1919, № 294, 27 марта.

В разделе «На завалинке» газеты «Беднота» было напечатано с марта по июнь 1918 г. двенадцать стихотворений-бесед деда Софрона на различные темы политической и хозяйственной жизни страны.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Лукерья (стр. 62).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 57, 28 марта, с подзаголовком «Меньшевистская басня».

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

«Кукушка» (стр. 64).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 69, 11 апреля. В эпиграфе после названия газеты «Родина» была поставлена дата: «10 апреля». Перепечатано в «Красной газете», 1918, № 65, 13 апреля.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930, где стихотворение датировано 2 апреля 1918 г.

Кускова Е. Д.— буржуазная публицистка. В 90-х годах XIX в. выступала против идей революционного марксизма, один из авторов бернштейнианского манифеста «экономистов» («Кредо»). После Октябрьской Социалистической революции — злейший враг Советской власти.

Нежданною отрадою звучит — «Владивосток»...— Эти и последующие строки разоблачают антипатриотическую, антисоветскую позицию буржуазной интеллигенции, восторженно встретившей весть об оккупации Владивостока японскими империалистами в апреле 1918 г.

Государственная дума — созданное царским правительством в ходе революции 1905—1907 гг. ограниченное в правах представительное учреждение. Преследовало задачи: отвлечь массы от революции, сплотить буржуазию и помещиков и сохранить власть в руках царского самодержавия. Государственная дума существовала с 1906 по 1917 год.

Родзянко М. В. и Гучков А. И. — основатели и лидеры монархической буржуазно-помещичьей партии октябристов. Гучков — председатель III Государственной думы. Родзянко — председатель IV Государственной думы. После Октябрьской социалистической революции активно поддерживали все контрреволюционные выступления против Советской власти.

Н е з а б ы в а й т е к л я т ы (стр. 66).— Впервые опубликовано 17 апреля 1918 г. в газетах «Правда», № 74, и «Беднота», № 19, с подзаголовком «Памяти Ленского расстрела». Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

У т р о б у ш к а (стр. 67).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 83, 28 апреля, за подписью «Мужик Вредный». Перепечатано в «Красной газете», 1918, № 81, 3 мая.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Жордания Н. Н. — лидер кавказских меньшевиков, глава контрреволюционного меньшевистского правительства в Грузии в годы гражданской войны. После свержения трудящимися этого правительства бежал за границу, где продолжал антисоветскую деятельность.

Гучков — см. примечание к стихотворению «Кукушечка».

Мартов и Дан — лидеры меньшевиков. В годы гражданской войны действовали как пособники белогвардейщины и иностранной военной интервенции. Эмигрировав за границу, распространяли злобную клевету на советское государство и вели подрывную работу в международном рабочем движении.

Д е д С о ф р о н а з а в а л и н к е (стр. 69).— Впервые под названием «На завалинке», с подзаголовком «Вербное», опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 28, 28 апреля, за подписью «Дед Софрон». Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928, где стихотворение ошибочно датировано 1920 г.

В о г н е н н о м к о л ь ц е (стр. 70).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 85, 1 мая. Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Г о с п о д с к а я т е н ь (стр. 71). — Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 86, 3 мая, с подзаголовком «Быль». Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Н а р а с п у т ь е (стр. 72). — Опубликовано в «Правде», 1918, № 87, 4 мая, под рубрикой «Маленький фельетон», за подписью «Мужик Вредный».

В фельетоне высмеивается русская буржуазия, готовая в те дни объединиться с любой из империалистических коалиций для борьбы против Советской власти.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Путь на Вологду проторен — подразумевается демарш английского, французского, американского, японского и итальянского послов, покинувших сразу после заключения Брестского мира Петроград и переехавших в Вологду. Официально буржуазные правительства мотивировали этот переезд протестом против заключенного мира, на деле же они избрали Вологду резиденцией дипломатического корпуса, с целью превратить ее в центр подготавливаемого ими восстания против Советской власти.

Нуланс Ж. — французский посол, один из вдохновителей и организаторов контрреволюционных мятежей в Советской России в 1918 г., финансировал и снабжал оружием белогвардейцев.

Мирбах В. — в 1918 г. посол кайзеровской Германии в Москве. Убит 6 июля 1918 г. левым эсером Блюмкиным с провокационной целью вызвать войну Германии против молодой Советской республики.

В о ж д ю (стр. 74). — Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 87, 4 мая, с подзаголовком «Тов. Ленину в день рабочей печати посвящаю».

На первой странице «Правды» в этот день было напечатано: «Шесть лет тому назад вышел первый номер «Правды». Через все трудности, преследования, поражения «Правда» — орган революционной пролетарской борьбы — вела и ведет рабочий класс к победе!»

Стихотворение вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», Коопер. изд. «Жизнь и знание», М. 1924.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

«Х р и с т о с в о с к р е с е » (стр. 76). — Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 32, 4 мая, с подзаголовком «Басня». Перепечатано в «Красной газете», 1918, № 84, 9 мая. Одно из девяти

стихотворений, входивших в цикл «Про многотрудное житие отца Ипата». Помещено в книге Д. Бедного «Отцы духовные, их помыслы греховные, сиречь — про поповские «чудеса» правдивые словеса», изд. ВЦИК, М. 1918.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

О с і н о в и й к і л Р а д і (стр. 77).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 88, 9 мая. Первая строфа заимствована поэтом из украинской народной песни «Чоловік каже: «гречка».

Текст печатается по газете «Правда».

Украинская Центральная рада — создана в апреле 1917 г. блоком буржуазных и мелкобуржуазных партий. После Октябрьской социалистической революции Центральная рада отказалась признать Советское правительство и стала на путь открытой борьбы с Советской властью. В начале 1918 г. рада была свергнута трудящимися Украины. Д. Бедный написал по этому поводу эпиграмму «Солоха», сопроводив ее подзаголовком «Осиновый кол в гроб раде».

У бабы киевской, Солохи,
Дела, слышать, из рук вон плохи,
А плохи тем ее дела,
Что баба, бают, померла.

(«Правда», 1918, № 12, 30 января.)

1 марта 1918 г. оккупационные войска германских империалистов восстановили на Украине буржуазную раду, а затем, по указанию кайзера Вильгельма, разогнали ее 29 апреля 1918 г. Откликом на это явилось публикуемое нами стихотворение.

Гетман Павло — П. Скоропадский — царский генерал. При содействии немецких оккупантов был провозглашен гетманом Украины и превратил ее фактически в колонию немецкого империализма. В конце 1918 г. бежал за границу.

Эйхгорн — фельдмаршал, командовал немецкими оккупационными войсками на Украине в 1918 г.

Т е м н о т а («Кулак один...») (стр. 79).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 89, 10 мая, с подзаголовком «Басня». Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

М о л о д н я к (стр. 81).— Опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 40, 17 мая, с подзаголовком «Басня». Вошло в книгу Д. Бедного «В огненном кольце», изд. «Прибой», М. 1918.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

М а р т ы ш к а (стр. 82).— Впервые опубликовано в газете «Правда», 1918, № 97, 19 мая, под названием «Мартышки».

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Мартов и Дан — см. примечание к стихотворению «Утро-бушка».

Б о г о м о л к а (стр. 83).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 44, 22 мая, с подзаголовком «Басня». Включено в книгу Д. Бедного «Отцы духовные, их помыслы греховные, сиречь — про поповские «чудеса» правдивые словеса», изд. ВЦИК, М. 1918.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

В б у р ж у а з н о м с т а н е (стр. 84).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 100, 23 мая, вместе со стихотворением «Камрад Виктор» (Виктор Чернов — лидер эсеров), под общим заголовком «В буржуазном стане».

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Т о в а р и щ е с к а я п о д м о г а (стр. 85).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 102, 25 мая, с подзаголовком «Басня». Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

В первопечатном тексте первая строка заключительной строфы читалась так: «Газеты нынче все холопские полны».

Текст печатается по VI тому собрания сочинений, 1927.

О п о п е П а н к р а т е, о т е т к е Д о м н е и я в л е н н о й и к о н е в К о л о м н е. Сиречь — про поповский кармани поповскую совесть душеспасительная повесть (стр. 87).— Впервые печаталась в газете «Беднота» с 24 мая по 6 июня 1918 г., №№ 46, 48, 49, 51, 54, 56, 57. Отдельным изданием вышла в издательстве ВЦИК, М. 1918.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

К р е щ е н и е (стр. 102).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 115, 9 июня, с подзаголовком «Деревенская быль». Перепечатано в газете «Беднота», 1918, № 61, 11 июня. Впоследствии автором внесены некоторые изменения в текст и снят подзаголовок. Стихотворение входило в цикл, состоявший из девяти стихов, объединенных общим заголовком «Про многотрудное житие отца Ипата» и включенных в книгу Д. Бедного «Отцы духовные, их помыслы греховные, сиречь — про поповские «чудеса» правдивые словеса», изд. ВЦИК, М. 1918.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Ослон — длинная дубина, жердь.

Т р и п о з и ц и и (стр. 104).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 121, 18 июня.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Стихотворение направлено против меньшевиков и эсеров, о контрреволюционной позиции которых В. И. Ленин говорил: «Отброшенные Октябрьским восстанием в сторону, отмененные от революции, соглашатели принялись за свою обычную работу на Украине, Кавказе, в Сибири, на Волге. Они, наконец, добились того, что Советы в этих местах свергнуты и большевистские деятели отданы на растерзание чехословацких наймитов и российских белогвардейцев» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 70).

Была захвачена Самара... — Имеется в виду захват Самары 8 июня 1918 г. чехословацким военным корпусом, который был сформирован Временным правительством из военнопленных, а позднее использован эсерами и англо-французскими империалистами для организации антисоветского мятежа. К осени 1918 г. чехословацкие и эсерово-белогвардейские войска были изгнаны Красной Армией из Казани, Симбирска, Самары.

Суханов Н. — один из активных участников контрреволюционной меньшевистской группы («Новожизненцы»), ведшей антисоветскую пропаганду через газету «Новая жизнь».

Мосье Трике (стр. 106). — Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 177, 21 августа.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926, где стихотворение ошибочно датировано 21 октября 1918 г.

В сатирическом образе мосье Трике — персонаж взят из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» — олицетворены действительные организаторы мятежа чехословацкого военного корпуса. В статье «Французские миллионы», напечатанной в выходившем в Москве в 1918—1919 гг. центральном органе чехословацкой коммунистической группы «Prukornik Svobody» («Знамя свободы»), приводились неопровержимые данные о том, что руководители корпуса «получили от французского и английского правительств около 15 миллионов, и за эти деньги была продана чехословацкая армия французским и английским империалистам». Подчеркивая, что вся контрреволюция ухватилась за чехословацкий корпус, Ленин вместе с тем отмечал: «Против Советской власти идут не чехословаки, а их контрреволюционный офицерский состав. Империализм, при помощи этого состава, стремится втянуть Россию в продолжающуюся мировую войну» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 413).

Галифе — французский генерал, палач Парижской Коммуны.

Reveillee vous, belle endormie! (франц.) — Проснитесь, спящая красавица!

Пур ла патри! (франц.)— За родину!

Нотр бон ами (франц.) — наш хороший друг.

Р а с к а з а н с к о е п о л о ж е н и е (стр. 110).— Опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 140, 14 сентября, с подзаголовком «Фронтовая былина Демьяна Бедного» и примечанием от редакции: «Из походного листка «На биваке», № 3». Перепечатано в «Правде» без подзаголовка, 1918, № 198, 15 сентября. В первопечатном тексте заглавие дано через дефис: «Рас-Казанское положение». Вошло в книги Д. Бедного: «Красноармейцы», Гиз, М. 1919, и «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Написано в связи с разгромом Красной Армией белогвардейских войск и освобождением Казани.

В. И. Ленин отмечал исключительное значение этой победы. «Вам уже известно,— писал он красноармейцам, участвовавшим во взятии Казани,— какое великое значение приобрело для всей русской революции взятие Казани, ознаменовавшее перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным победоносным действиям. Тяжелые жертвы, понесенные вами в боях, спасают республику Советов» (В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 28, стр. 81).

В день освобождения Казани Д. Бедный написал экспромтом стихотворную телеграмму и передал ее из штаба Армии в газету «Беднота» с указанием даты: 10 сентября, 8 часов 5 минут вечера. Телеграмма была напечатана в «Бедноте», 1918, № 138, 12 сентября. Начиналась она словами: «Товарищи, ура! Казань у нас в руках...» Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Богатырь Бова сказал им учредилковский,

Тот ли Лебедев, соратничек корниловский...— Имеется в виду правый эсер Лебедев, который «действовал» в Казани в качестве собоуполномоченного белогвардейского самарского правительства, сформированного группой контрреволюционных депутатов Учредительного собрания.

К а з а н с к о е ч у д о (стр. 113).— Впервые опубликовано в походной газете-листке «На биваке», № 3. Перепечатано в газете «Беднота», 1918, № 144, 19 сентября. Вошло в книги Д. Бедного: «Красноармейцы», Гиз, М. 1919, «Богатырский бой», Гиз, М. 1921, и другие издания.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

П о д С а м а р о й (стр. 115).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 153, 2 октября, под названием «На биваке», с подзаголовком «Под Самарой» и авторскими пометками: после первых

четырёх строф — «Хвалы́нск, 18 сентября», и в конце стихотворения — «Перед позициями за Николаевском-Уральским, 21 сентября». Первые четыре строфы были перепечатаны под тем же названием в «Правде», 1918, № 217, 9 октября. В этом же номере газеты сообщалось: «Закаленные в боях доблестные части Советской армии 7 октября в 20 часов заняли г. Самару — последний и главный опорный пункт врагов Советской республики на Волге». Стихотворение вошло в книгу «Красноармейцы», Гиз, М. 1919.

Текст печатается по книге Д. Бедного «Удар по врагу», Гослитиздат, 1935.

«Путеводная звезда» (стр. 117).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 153, 2 октября. Вошло в книги Д. Бедного: «Красноармейцы», Гиз, М. 1919, «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«Красноармейская звезда» (стр. 118).— Публиковалось в газете «Известия ВЦИК», 1918, №№ 216, 218, 219 (5, 8 и 9 октября), без подписи, под рубрикой «Рабоче-крестьянская Красная Армия», с подзаголовком «Марш». Здесь же было напечатано объявление народного комиссариата по военным делам о конкурсе на музыку к тексту «Красноармейская звезда», и сообщены условия конкурса. 5 октября 1918 г. это стихотворение было напечатано также в газете «Беднота», № 156. Вошло в книги Д. Бедного: «Красноармейцы», Гиз, М. 1919, «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«Не заступайте дороги женщинам» (стр. 120).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 175, 27 октября. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Стихотворение написано в период подготовки первого Всероссийского съезда рабочих.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«Братьям казакам» (стр. 121).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 238, 2 ноября, с подзаголовком «К донцам и кубанцам обращение Демьяна Бедного» и примечанием: «Из выходящей на днях в издательстве ВЦИК книги Дем. Бедного «Красный казак». Выпущено отдельным изданием литературно-издательским отделом Политуправления Реввоенсовета республики.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927, где стихотворение ошибочно датировано 1919 г.

«Сказка о батраке Балде и о страшном суде» (стр. 127).— Впервые опубликована в «Правде», 1918, № 241.

6 ноября. Газета вышла в этот день под лозунгом: «Россия празднует годовщину пролетарской революции». Перепечатана в газете «Беднота», 1918, № 187, 13 ноября.

Написано как продолжение «Сказки о попе и о работнике его Балде» А. С. Пушкина. Этот литературный прием использован Д. Бедным для пропаганды великих революционных изменений, происшедших в деревне за первый год существования Советской власти.

«Сказка о батраке Балде и о страшном суде» была издана вместе со сказкой Пушкина отдельной книгой: «А. С. Пушкин. Сказка о попе Остолопе и работнике его Балде. Демьян Бедный. Сказка о батраке Балде и о страшном суде», Гиз, М. 1919.

Текст печатается по сборнику Д. Бедного «Сказки», Гиз, 1930, где произведение ошибочно датировано октябрём 1919 г.

«До этого места!» (стр. 134).— Опубликовано в газете «Беднота», 1918, № 183, 6 ноября. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Комитеты бедноты, учрежденные декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г., были опорными пунктами диктатуры пролетариата в деревне. Комбеды сплавивали бедноту и защищали ее интересы. Они сыграли огромную роль в борьбе с кулачеством, в перераспределении конфискованных помещичьих земель, в снабжении продовольствием промышленных центров и Красной Армии.

М и р о в а я с д е л к а (стр. 136).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 242, 9 ноября.

Стихотворение является откликом на начавшиеся в октябре 1918 г. тайные переговоры между Антантой и германскими империалистами об условиях перемирия. Инициаторами заключения перемирия были австро-германские империалисты, испуганные назревающей в их странах революцией.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

К р а с н а я в и н т о в к а (стр. 141).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 255, 24 ноября, с подзаголовком «Песня». Перепечатано в газетах «Беднота», 1918, № 199, 27 ноября и «Боевая правда», 1918, № 74, 29 ноября. Вошло в книги Д. Бедного: «Красноармейцы», Гиз, М. 1919, «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Написано как новый вариант известной народной песни «Дубинушка». В годы гражданской войны песня Д. Бедного пользовалась большой популярностью.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927, где стихотворение ошибочно датировано 1919 г.

Предисловие к поэме А. С. Пушкина «Гавриилиада» (стр. 144). — Дореволюционные издания поэмы А. С. Пушкина «Гавриилиада» выходили с огромным количеством купюр, искажавших смысл поэмы. Д. Бедный написал свое стихотворное предисловие в 1918 г., к выходу в свет полного текста «Гавриилиады». Была ли издана поэма А. С. Пушкина с данным предисловием, пока не установлено. «Предисловие» вошло в книгу Д. Бедного «Вперед и выше», Гиз, М.—Л. 1927.

В архиве писателя (ИМЛИ им. А. М. Горького) хранится гранка «Предисловия» с обозначением даты — «27 ноября 1918 г.» — и авторской правкой.

Четвертая строка «Предисловия» в первопечатном тексте имела следующий вид: «И я тебя почти боготворю».

Текст печатается по одному тому 1937 г.

Тиран несправедливый, библейский бог, угрюмый и строптивый — строки из поэмы А. С. Пушкина, несколько измененные Д. Бедным. В «Гавриилиаде» читаем: «Тиран несправедливый, еврейский бог, угрюмый и ревнивый».

Другой тиран с душой злодейской — царь Николай I.

Красноармейцы (стр. 146). — Впервые повесть печаталась в газете «Беднота», 1918, № 209—215 (8, 10, 11, 12, 13, 14, 15 декабря), с примечанием: «Из выходящей в ближайшие дни в издательстве ВЦИК книжки «Красноармейцы».

Первопечатный текст существенно отличался от приводимого нами. В нем отсутствовала публикуемая в настоящем издании четвертая глава, а девятую составляла красноармейская песня «Проводы», впоследствии выделенная в самостоятельное произведение.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Кумышка — перегонная брага.

Проводы (стр. 159). — Одна из самых популярных песен, написана автором во время пребывания на Восточном фронте. Опубликована в газете «Беднота», 1918, № 215, 15 декабря, как девятая глава стихотворной повести «Красноармейцы». Перепечатана без подписи в газете «Боевая правда», 1919, № 73, 28 ноября, в ней же — 1920, № 17, 25 января. Вошла в книги: «Красноармейцы», Гиз, М. 1919, «Богатырский бой», Гиз, М. 1921. Положена на музыку композитором Д. С. Васильевым-Буглаем.

Со слов автора известен разговор, состоявшийся в 1918 г. между ним и В. И. Лениным о вреде старинных песен-плачей царской рек-

рутчины: «Это противовоенное, слезливое, неохотное настроение надо и можно, я думаю, преодолеть,— говорил Ленин.— Старой песне противопоставить новую песню. В привычной, своей, народной форме — новое содержание. Вам следует в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, советскому государству,— раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно, выполняя революционно-народный долг...» (Д. Бедный, Предисловие к первому изданию книги Л. Войтовского «По следам войны», Гиз, М.—Л. 1928).

Эта беседа, по свидетельству самого автора, оказала большое влияние на идейное содержание его фронтовой поэзии.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

1919

М у ж и к и (стр. 162).— Повесть напечатана впервые в газете «Беднота», 1919, №№ 237—240, 242, 245, 246, 248 (15—18, 21, 26, 29 января). Главы XII—XIX печатались в «Правде», 1919, № 4, 5 января. Выпущена отдельными изданиями Госиздатом в 1919 и 1921 гг.

В повести «Мужики» наметились идейные ошибки Д. Бедного, наиболее отчетливо сказавшиеся в таких его произведениях, как «Перерва», «Слезай с печки» и др. Недооценивая революционные возможности крестьянства, поэт изображал деревню отсталой, ленивой и консервативной. После критики партийной печатью идейных ошибок Д. Бедного он внес некоторые исправления и в повесть «Мужики» (в главы II, III, VII, X, XIII, XIV, XV).

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

В м о н а с т ы р е (стр. 194).— Впервые опубликовано в «Правде», 1918, № 10, 16 января, с подзаголовком «Басня». Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Н е з а б ы в а е м о е (стр. 195).— Впервые опубликовано в «Правде» двумя отдельными стихотворениями: «Ответ один» (первые шесть строк), 1919, № 12, 18 января и «Их завет» (следующие тринадцать строк), 1919, № 13, 19 января. Под новым названием, с добавлением последних шести строк, вошло в IX том собрания сочинений, 1928, откуда и воспроизводится.

Карл Либкнехт — один из основателей коммунистической партии Германии, выдающийся руководитель немецкого рабочего клас-

са. Зверски убит 15 января 1919 г. германскими белогвардейцами по заданию правительства, во главе которого стояли социал-демократические палачи рабочего класса Эберт и Шейдеман. «Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами,— писал В. И. Ленин.— Очевидно, история избрала такой путь, на котором роль «рабочих лейтенантов капиталистического класса» должна быть доведена до «последней черты» зверства, низости и подлости» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 412)*.

Стихотворение «Их завет» было вторично включено в собрание сочинений (том XII) под названием «Памяти Карла Либкнехта», с подзаголовком «Их завет» и ошибочной датой «январь 1924 г.».

Ц е н т р о ш и ш к а (стр. 196).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 19, 28 января, с подзаголовком «Басня».

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928, где произведение датировано 1918 г.

Под «Центрошишкой» подразумевается, повидимому, «Пролеткульт», под клестом — его «теоретики», претендовавшие в те годы на руководство советской литературой и искусством. Пролеткультовское течение, отрицавшее значение великого культурного наследия прошлого и маскировавшееся «пролетарским» флагом, в действительности было течением враждебным социализму и социалистической культуре.

Т о в а р и щ у (стр. 198).— Первая публикация не установлена. Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Л е в о э с е р о в с к и й р о м а н с (стр. 199).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 26, 5 февраля. Перепечатано без эпиграфа, под названием «Левозэсеровская песня», в газете «Коммунар», 1919, № 27, 6 февраля.

В этом стихотворении-пародии на известный цыганский романс поэт разоблачает «левых» эсеров, подготавливавших в те дни очередной заговор против Советской власти.

13 февраля в «Правде» было напечатано сообщение об аресте участников заговора во главе с одним из лидеров «левых» эсеров М. Спиридоновой (изображена в «Левозэсеровском романсе» как «душечка, поскакушечка»).

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930, где стихотворение датировано 1918 г.

П р о с т ы м о и п е с н и (стр. 201).— Впервые под названием «Отдых» опубликовано в «Правде», 1919, № 31, 11 февраля, под рубрикой «Отклики».

В первой редакции стихотворение имело вступление, впоследствии снятое автором:

До чего я, товарищи, рад:
Наши взяли Елисаветград.
От него — двадцать одна верста —
Родные мои места.
Завтра же подам Свердлову прошение,
Чтобы дал мне разрешение
Уехать на Украину.
Скоро, значит, товарищи, вас покину.
«Прощайте» — другими словами.
Работал я с вами
Семь лет без передышки,
Написал двадцать две книжки,
А теперь... ноги подмышки
И айда!
Навсегда? Может, и навсегда.
Напишу еще одну-другую строчку
И поставлю точку.

За этим вступлением следовал текст напечатанного в настоящем издании стихотворения «Просты мои песни» (без последних двух строк), а за ним — сокращенные впоследствии автором пятнадцать строк:

Но теперь — признаюсь без утайки —
Развинтились гайки.
Стал чувствителен к каждому слову-уколу,
Вынес, братцы, я тяжкую школу
И не легкий прошел с вами путь.
Мне пора отдохнуть!
Отдохнуть...
Ах, товарищи, все мы устали.
Но... но разве мы все не из стали?
Сталь размякла? Ее мы закалим!
Но пока мы врагов не повалим,
Трус, кто хочет «здоровье беречь»,
Жалкий трус, кто заводит об «отдыхе» речи!
Все слова про мой отдых — веселая шалость.
К черту «нервы»! И к черту «усталость»!

Заканчивалось стихотворение и в первой и во второй редакциях одинаково:

С вами шел я, товарищи, с вами иду,
И идти буду вместе... пока упаду.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

П о п о в с к а я к а м а р и н с к а я (стр. 202).—Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 32, 12 февраля. Вошло в книги

Д. Бедного: «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920, «Отцы духовные, их помыслы греховные, сиречь — про поповские «чудеса» правдивые словеса», Гиз, М. 1922, «Поповская камаринская», Гиз, М.—Л. 1930, и др. издания.

Текст печатается по книге Д. Бедного «Церковный дурман», Гослитиздат, 1938.

Л и г а (стр. 205).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 34, 14 февраля, под рубрикой «Отклики».

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Лига Наций— международная организация государств, существовавшая в период между первой и второй мировыми войнами. До 1934 г. деятельность Лиги Наций носила открыто враждебный Советскому Союзу характер.

Это стихотворение, написанное поэтом в период создания Лиги Наций, изобличает ее истинные цели и осмеивает раздоры, возникшие между учредителями Лиги при выработке устава.

Вильсон В.— президент США с 1913 по 1921 г. Ставленник американской финансовой олигархии, один из организаторов вооруженной интервенции и блокады Советской России. В. И. Ленин подчеркивал, что агенты Вильсона «душат революцию в Австрии, они играют роль жандармов, они ставят ультиматум Швейцарии: не дадим хлеба, если вы не вступите в борьбу с большевистским правительством. Они заявляют Голландии: не смейте допускать к себе советских послов, иначе — блокада» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 188).

Ллойд-Джордж — премьер-министр Англии с 1916 по 1922 г., вдохновитель и проводник агрессивной внешней политики британских империалистов, активный организатор вооруженной интервенции против Советской России.

Клемансо Ж.— реакционный французский политический деятель, был премьер-министром Франции с 1917 по 1920 г. Жестоко подавлял революционные выступления на фронте и в тылу. Застрельщик и организатор интервенции против Советского Союза.

П о с л у ш а й (стр. 207).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 36, 16 февраля, откуда и воспроизводится.

О т х о д н а я (стр. 208).— Опубликовано в «Правде», 1919, № 39, 20 февраля, с подзаголовком «Казачья песня», под рубрикой «Отклики».

Стихотворная пародия на речь, произнесенную генералом Красновым 6 февраля 1919 г. на закрытом заседании Малого войскового круга Донской области. 19 февраля 1919 г. эта речь о крахе завое-

вательных планов и развале казачьего войска была опубликована в «Правде», а на следующий день напечатана пародия на нее, написанная Д. Бедным в форме старинного плача.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Краснов П.Н.— царский генерал, один из организаторов контрреволюции на юге России. В 1918 г. сформировал на средства интервентов армию, которая была разгромлена советскими войсками.

С не ж о к (стр. 210).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 49, 4 марта, с подзаголовком «Посв. всем, всем... Центроглавкам». В собрание сочинений вошло с новым подзаголовком «Шуточная».

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Ч а с т у ш к и (стр. 211).— Впервые опубликованы в «Правде», 1919, № 49, 4 марта, с подзаголовком «Девичьи».

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

П о д р у г а м, с е с т р а м, м а т е р я м (стр. 212).— Впервые опубликовано в «Красной газете», 1919, № 54, 8 марта. Перепечатано в газетах «Правда», 1919, № 58, 16 марта, и «Беднота», 1919, № 324, 7 мая. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

К о р н е й (стр. 213).— Впервые напечатано в «Правде», 1919, № 64, 25 марта, с подзаголовком «Басня». Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Эсеровский Корней — В. Чернов. Партия эсеров, лидером которой он являлся, лицемерно объявила в те дни о своем лояльном отношении к Советской власти и на словах отреклась от белогвардейских генералов, хотя на деле помогала им. Стихи и басни Д. Бедного содействовали разоблачению эсеров, как пособников внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

У т о п л е н н и к (стр. 215).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 69, 30 марта.

Злободневный фельетон, направлен против партии эсеров и ее лидера В. Чернова, которые пытались снова «оживить» контрреволюционный лозунг «Вся власть Учредительному собранию». В этом фельетоне Д. Бедным использованы отдельные строки из стихотворений А. С. Пушкина «Утопленник» и «Кобылица молодая...»

Текст печатается по газете «Правда».

Т е м н о т а («У божественной иконы...») (стр. 217).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 71, 2 апреля. Перепечатано в газете «Беднота», 1919, № 300, 3 апреля, с измененной первой строкой: «Возле иверской иконы...» Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Н о в а я п о с л о в и ц а (стр. 219).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 77, 10 апреля.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

А мы прокричали Баварию ура...— Имеется в виду Баварская советская республика. Эта республика существовала около трех недель. 1 мая 1919 г. она была раздавлена войсками общегерманского контрреволюционного социал-демократического правительства Эберта — Шейдемана.

Волега широкая нынче вскрывается...— Эта и последующие строки говорят об освобождении Красной Армией многих хлебных районов страны и о предстоящем в связи с этим улучшении снабжения промышленных центров.

Гох (нем.)— Ура.

Вы-сов-нар-хоз — Высший совет народного хозяйства.

Ком-Прод — Народный Комиссариат по продовольствию.

Б а л л а д а (стр. 220).— Впервые, с подзаголовком «Меньшевистская», опубликована в «Правде», 1919, № 80, 13 апреля, рядом с фельетоном в прозе «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней», написанным Д. Бедным на ту же тему.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

В строках: *От венгерского совета*

Адрес: Ленину, Москва,— говорится о приветствии В. И. Ленину от Венгерской советской республики, которая возникла 21 марта 1919 г. и просуществовала 133 дня, героически борясь против соединенных сил внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

Баварская советская республика — см. примечание к стихотворению «Новая пословица».

«Всегда вперед» — меньшевистская газета, выходила в Москве в 1918 г. (вышел один номер) и в 1919 г. с 22 января по 25 февраля. Закрыта по решению ВЦИК от 26 февраля 1919 г. за подрыв обороны страны.

П р а в д а. С товарищами красноармейцами беседа по душам (стр. 222).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 82, 16 апреля. Перепечатано в газете «Беднота»,

1919, № 312, 18 апреля, без подзаголовка «С товарищами красноармейцами беседа по душам». Выпущено отдельным изданием издательством ВЦИК в 1919 г. тиражом в 500 000.

Текст печатается по VI тому собрания сочинений, 1927.

Старое и новое (стр. 231).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1919, № 315, 25 апреля, с подзаголовком «Красноармейская». Вошло в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Земля! Земля! (стр. 235).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 92, 1 мая, с подзаголовком «Монолог из неоконченной драмы». Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

Французская булка (стр. 238).— Опубликовано в «Правде», 1919, № 92, 1 мая, под рубрикой «Маленький фельетон», и в тот же день в газете «Беднота», № 320.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Порол (стр. 239).— Опубликовано в газетах «Правда», 1919, № 94, 4 мая, и «Беднота», 1919, № 323, 6 мая.

Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Песня демократического кооператора (стр. 242).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 17, 1 июня.

Текст печатается по газете «Правда».

Кулацкий плач (стр. 243).— Опубликовано в газете «Беднота», 1919, № 362, 22 июня. Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по VI тому собрания сочинений, 1927.

Демократические принципы (стр. 245).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 140, 29 июня, под рубрикой «Маленький фельетон».

В этом сатирическом фельетоне высмеиваются меньшевистские лживые «декларации», в которых прислужники белогвардейских генералов и интервентов лицемерно «отрекались» от своих империалистических покровителей. ЦК РКП(б) в письме «Все на борьбу с Деникиным!», адресованном партийным организациям, разоблачил «колчаковско-деникинскую работу» меньшевиков и подчеркнул, что меньшевики и эсеры имеют «едва ли искоренимое «влечение» к авантюрам *против* Советской власти».

Текст фельетона печатается по газете «Правда».

Потому что в тылу «шейдемания»... — «Шейдемания» — ироническая кличка. Подразумевается контрреволюционное меньшевистское правительство в Грузии, которое, подобно германскому социал-демократическому правительству Шейдемана, зверски расправлялось с революционными рабочими.

М е - м е (стр. 247). — Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 149, 10 июля, с подзаголовком «Басня».

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

М е н ь ш е в и с т с к и й р а й (стр. 249). — Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 151, 12 июля, под рубрикой «Маленький фельетон».

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Меньшевицкий рай — имеется в виду Грузия, где у власти стояло тогда контрреволюционное меньшевистское правительство во главе с Ноем Жордания.

Три Ноя вас бы угостили... — «Три Ноя» — три главаря меньшевистского правительства: Ной Жордания, Ной Рамишвили и Ной Хомерики.

Играли с Томсоном в крокет... — Томсон — генерал, командовавший английскими войсками в Грузии. При помощи грузинского меньшевистского правительства осуществлял агрессивные планы английского империализма.

Церетели И. Г. — меньшевик, был министром внутренних дел во Временном правительстве (июль 1917 г.), а затем одним из руководителей меньшевистского контрреволюционного правительства в Грузии. Известен жестокими расправами над революционными рабочими и крестьянами.

В ы б и р а й т е (стр. 252). — Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1919, № 386, 20 июля, с подзаголовком «К портрету генерала Юденича». Без подзаголовка, с добавлением первой строфы, вошло в книгу Д. Бедного «О Митьке-бегунце и о его конце», Гиз, М. 1920, 2-е изд.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Г е н е р а л Ш к у р а (стр. 254). — Напечатано в газете «Беднота», 1919, № 387, 22 июля. Вошло в книгу Д. Бедного «О Митьке-бегунце и о его конце», Гиз, М. 1919.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Генерал Шкура — Шкуро А. — белогвардейский генерал, командовал кавалерийским казачьим корпусом в составе деникинских войск. Совершал бандитские рейды против мирного населения, грабил крестьян и восстанавливал помещичьи порядки. После победы

Красной Армии бежал за границу, где подвизался в качестве наездника-циркача.

О М и т ь к е-бегунце и о б его конце (стр. 258).— Впервые напечатана в «Правде», 1919, № 164, 27 июля, с подзаголовком «Горькая дезертирская повесть». Отдельным изданием выпущена Политуправлением Реввоенсовета Западного фронта, 1919 г. и в том же году вышла в Госиздате.

В архиве писателя хранится плакат под названием «Митька-бегунце» с другим вариантом этого стихотворения, изд. агит.-просв. отделом Всероссийского бюро военных комиссаров, 1919.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

З а р у б к а (стр. 272).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1919, № 396, 1 августа, с подзаголовком «Басня».

Летом 1919 г. богатейшие хлебные районы страны: Дон, Кубань, Украина, были отрезаны от Советской России фронтами гражданской войны. Население промышленных центров голодало. «Зарубка» — стихотворное обращение поэта к тем крестьянам, которые забыли о своем долге перед рабочим классом, освободившим их от царско-помещичьей кабалы. Вошло в книгу Д. Бедного «Куй железо, пока горячо», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по VI тому собрания сочинений, 1927.

П о л к о в н и к «К у л а к - К у л а к о в и ч» (стр. 274).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1919, № 397, 2 августа. Вошло в книгу Д. Бедного «О Митьке бегунце и о его конце», Гиз, М. 1919.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Булак-Балахович — подполковник царской армии. Участвовал в наступлении генерала Юденича. Известен свирепыми расправами над мирным населением.

С у д а р ь - б а р и н (стр. 276) — Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 170, 3 августа. Вошло в книгу Д. Бедного «О Митьке-бегунце и о его конце», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Н е т е р я й т е , т о в а р и щ и , в е р ы в ы с о к о й ! (стр. 278).— Впервые опубликовано в газете «Петроградская правда», 1919, № 176, 7 августа.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Но, видно, в Будапеште не обошлось без драмы,

Пахнет гнуснейшим предательством...— В этих и последующих строках разоблачается подлая роль венгерских социал-демократов и троцкистов, которые помогли эксплуататорским классам и

вооруженным интервентам задушить Венгерскую советскую республику.

И з д ы х а ю щ а я г а д и н а (стр. 280).— Впервые опубликовано в газете «Петроградская правда», 1919, № 181, 13 августа. Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

З а ж и г а й т е , д р у з ь я , б о е в ы е о г н и (стр. 281).— Впервые опубликовано в газете «Известия ВЦИК», 1919, № 184, 21 августа, откуда и воспроизводится.

В б у р ж у й с к о й о б ж о р к е (стр. 283).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 185, 22 августа.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930, где стихотворение ошибочно датировано 22 октября 1919 г.

Н а б а т (стр. 285).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 198, 7 сентября. Написано ко «Дню советской пропаганды», проводившемуся по всей стране 7 сентября 1919 г.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

К к о м м у н и с т к а м (стр. 286).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1919, № 431, 13 сентября. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

Б р а т с к и е м о г и л ы (стр. 287).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 217, 30 сентября, с подзаголовком «Мемориальная доска». Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Стихотворение посвящено памяти коммунистов, погибших 25 сентября 1919 г. при взрыве бомбы, брошенной врагами народа, анархистами, в здание Московского комитета РКП(б), где происходило совещание ответственных работников. Стихотворение было напечатано в траурной рамке.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

У р - р а ! ! (стр. 288).— Опубликовано в газетах «Правда», 1919, № 222, 5 октября, и «Боевая правда», 1919, № 26, 7 октября.

Сатирическое стихотворение, написанное Д. Бедным как письмо Деникину от представителей свергнутых революцией классов, раскрывает реакционную сущность белогвардейского движения, неизбежно ведущего к реставрации старого эксплуататорского строя. В связи с создавшимся угрожающим положением на Южном фронте стихотворение приобрело в те дни большое агитационное значение. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Богатырский бой (стр. 291).— Впервые опубликовано в газете «Известия ВЦИК», 1919, № 222, 5 октября. Вошло в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Боевой призыв (стр. 295).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 225, 9 октября, с подзаголовком «К работницам». Этот номер газеты был посвящен партийной неделе, проводившейся в 1919 г. на основе решения VIII съезда РКП(б) о росте партии за счет рабочих и трудящихся крестьян: «Идите в партию, товарищи беспартийные рабочие и трудящиеся крестьяне! — писал В. И. Ленин во время проведения партийной недели в Москве. — Мы не сулим вам выгод от этого, мы зовем вас на трудную работу, на работу государственного строительства» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 46).

Стихотворение перепечатано под тем же названием, с подзаголовком «К работницам и крестьянкам» в газете «Беднота», 1919, № 455, 11 октября.

Партийной неделе посвящены также публикуемые в томе стихотворения «Коммунистический сбор» и «Привет новым коммунистам».

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

Коммунистический сбор (стр. 296).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 226, 10 октября, под названием «Боевой сбор», с предпосланным стихотворному тексту призывом: «Рабочие! Вступайте в ряды рабочей коммунистической партии!» Помещено под названием «Боевой взвод» в «Красной газете», 1919, № 230, 11 октября. Название «Коммунистический сбор» дано автором при включении стихотворения в сборник «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Фронтové частушки (стр. 297).— Впервые опубликованы в «Красной газете», 1919, № 230, 11 октября. Перепечатаны под рубрикой «Маленький фельетон» в газете «Боевая правда», 1919, № 33, 15 октября. Вошли в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Капитал (стр. 299).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1919, № 459, 16 октября. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

На эту же тему поэтом написан стихотворный текст к плакату «Капитал и К^о», выпущенному литературно-издательским отделом Украинского РВС республики.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

На защиту Красного Питера (стр. 301).— Опубликовано в «Красной газете», 1919, № 235, 17 октября, без названия, под рубрикой «Из Москвы по телефону», и в «Правде», 1919, № 233, 18 октября, под названием «Петроградцам».

В дни, когда Юденич угрожал Петрограду, партия мобилизовала трудящихся на отпор врагу, на защиту Красного Питера. «На защиту Красного Питера» — так было названо Д. Бедным и стихотворение (с добавлением первых восьми строк) при включении в книгу «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

М а н и ф е с т Ю д е н и ч а (стр. 303).— Опубликовано в «Красной газете», 1919, № 238, 20 октября, и в «Правде», 1919, № 235, 21 октября, с подзаголовком: «Тоже кандидат в цари» и ремаркой «Белогвардейский штаб. Генерал Юденич и пленный красноармеец». Вошло в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Юденич Н. Н.— царский генерал, возглавил контрреволюцию на северо-западе: в Прибалтике и под Петроградом. В 1919 г. по заданию Антанты дважды пытался взять Петроград.

Стихотворение относится к периоду второго наступления Юденича на Петроград, предпринятого в октябре 1919 г. с целью задержать победоносное наступление Красной Армии на Деникина.

К р а с н ы й ф л о т (стр. 306).— Впервые опубликовано в «Правде», 1919, № 237, 23 октября. Вошло в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

К о м м у н и с т и ч е с к а я в ы ш к а (стр. 307).— Впервые опубликовано в «Красной газете», 1919, № 241, 23 октября.

Текст печатается по «Красной газете».

Вудро Вильсон — см. примечание к стихотворению «Лига».

Эйфелева башня — радиобашня в Париже.

Апаш (франц.) — бандит.

М и л л и о н ч и к - м и л л и о н (стр. 309).— Впервые опубликовано в «Красной газете», 1919, № 244, 26 октября, перепечатано в газетах «Правда», 1919, № 241, 28 октября, и «Беднота», 1919, № 471, 30 октября. Вошло в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

В архиве писателя хранится плакат Д. Моора (Гиз, М. 1920), иллюстрирующий это стихотворение.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Пр и в е т н о в ы м к о м м у н и с т а м (стр. 311).— Опубликовано в «Красной газете», 1919, № 248, 30 октября, с незначительными разночтениями перепечатано в «Правде», 1919, № 244, 31 октября, под названием «Новым коммунистам». Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

В трудное для молодой Советской республики время, когда Деникин наступал на Орел, а Юденич — на Петроград, тысячи лучших советских людей вступили в коммунистическую партию. К ним и обращено стихотворение поэта.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Т а н ь к а - В а н ь к а (стр. 314).— Впервые опубликовано в «Красной газете», 1919, № 250, 1 ноября, с подзаголовком «Фронтая песня», перепечатано в «Известиях ВЦИК», 1919, № 246, 2 ноября, и в тот же день в газете «Боевая правда», № 50. Эта песня, пользовавшаяся на фронтах огромной популярностью, направлена против «танкобоязни». Иностранцы снабдили армию Юденича большим количеством танков, в связи с чем возникла необходимость обучить красноармейцев методам борьбы с танком, а также вселить в них уверенность, что они сумеют одолеть эту «новинку» военной техники.

Во фронтовой газете 7-й армии «Боевая правда» песня «Танька-Ванька» была напечатана одновременно с передовой статьей «Танк!», в которой говорилось: «Каждый боевой солдат должен разъяснять своему малообстрелянному товарищу, что такое танк, какое у него устройство, какие средства борьбы против танков. Надо положить конец страху перед танками. Тогда танк потеряет девять десятых своей силы... Танк — последняя ставка Юденича. Побить ее, и победа будет за нами!»

В беседе с молодыми писателями Д. Бедный вспоминал: «Мне во время наступления Юденича на Ленинград пришлось в несколько часов изготовить песню, высмеивавшую белогвардейские танки. Принимавший по междугородному телефону мою песню товарищ среди приема телефонограммы говорил:

«Под Лиговом пушки бухают!»

«Слышно в редакции?»

«Слышно!»

А я опять диктую». (Д. Б е д н ы й, О писательском труде, ГИХЛ, М.— Л. 1931, стр. 34—35).

В 1927 г. вышел сборник фронтовых песен поэта под названием «Танька-Ванька».

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Н а б е р е г (стр. 318).—Опубликовано в «Правде», 1919, № 246, 2 ноября, и в тот же день в «Красной газете», № 251. Стихотворение посвящается «Дню раненого красноармейца». Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Г а т ч и н с к и й у р о к (стр. 320).— Впервые опубликовано в «Красной газете», 1919, № 253, 4 ноября, с подзаголовком «Белогвардейская песня». Вошло в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Стихотворение посвящено успешному наступлению защитников Петрограда на войска Юденича. Гатчина была освобождена Красной Армией 3 ноября 1919 г.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

П р а в д а - м а т к а (стр. 323).— Опубликовано к двухлетию Октябрьской революции в газете «Правда», 1919, № 250, 7 ноября, с подзаголовком «Красноармейский рассказ. Введение», и в тот же день в газете «Петроградская правда», № 255, с подзаголовком «Красноармейская повесть. Введение». Подзаголовок «Как отличить на фронтах подлинные листовки Демьяна Бедного от белогвардейских подделок под них» давался при публикации стихотворения во фронтовой печати.

Стихотворение написано в ответ на попытки белогвардейцев ослабить агитационное воздействие стихов Д. Бедного путем фабрикации и распространения листовок-фальшивок, написанных в литературной «манере» поэта и за его «подписью».

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Т р о й к а (стр. 326).— Опубликовано в газете «Известия ВЦИК», 1919, № 257, 16 ноября, в связи с освобождением Красной Армией Ямбурга — последнего опорного пункта армии Юденича, и Омска — резиденции Колчака. Перепечатано в «Правде», 1919, № 269, 30 ноября, и в «Красной газете», 1919, № 275, 31 ноября.

Текст печатается по газете «Известия ВЦИК».

Б у р ж у а з н а я э л е г и я (стр. 327).— Опубликовано в «Правде», 1919, № 269, 30 ноября, и в «Красной газете», 1919, № 275, 31 ноября.

Текст печатается по VI тому собрания сочинений, 1927.

К а н д и д а т ы н а... ф о н а р и (стр. 328).— Первая публикация не установлена.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Фон дер Гольц — немецкий генерал, палач и душитель революционного движения. В 1918 г. поддержал Маннергейма, нанеся удар своей дивизией в тыл финской Красной гвардии. Осенью 1919 г. заправила Антанты намеревались двинуть интервенционистские войска под командованием фон дер Гольца в Советскую Россию.

Б о г о м о л ь н ы й б у р ж у й (стр. 330).— Первая публикация не установлена. Стихотворение вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по VI тому собрания сочинений, 1927.

К о м м у н а р ы (стр. 332).— Стихотворная подпись к плакату, посвященному организации первых коллективных хозяйств в советской деревне. Плакат был издан в 1919 г.

Стихотворение вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по VI тому собрания сочинений, 1927.

1920

О ч е р т е (стр. 334).— Впервые напечатано в новогоднем номере «Красной газеты», 1920, № 1, 1 января.

Это политически злободневное стихотворение является одновременно и эстетической декларацией поэта, направленной против сторонников «искусства для искусства».

Текст печатается по «Красной газете».

Н а п о м о щ ь к р а с н ы м б о й ц а м (стр. 337).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 10, 16 января, с подзаголовком «К «Неделе фронта». Перепечатано в «Красной газете», 1920, № 12, 17 января, с подзаголовком «К предстоящей «Неделе фронта», и в первый день «Недели фронта» — в газете «Петроградская правда», 1920, № 14, 21 января, которая вышла с лозунгом: «Красная армия героически выполняет свою священную задачу разгрома контрреволюции. Рабочие, работницы, крестьяне, крестьянки, помогите ей добить остатки белогвардейских банд!»

Текст печатается по газете «Правда».

Б у д ь т е н а с т р а ж е! (стр. 339).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 12, 18 января, с подзаголовком «Посвящается первой трудовой армии».

Стихотворение является откликом на решение Совета обороны от 15 января 1920 г. о преобразовании 3-й армии (одна из армий

Восточного фронта, ликвидированного в связи с победой над Колчаком) в Первую революционную армию труда.

Текст печатается по газете «Правда».

День прозрения (стр. 340).— С подзаголовками: «9 января 1905 г.», «Отрывок из поэмы «Бурелом», глава XXXVI», опубликовано (к пятидесятилетию «Кровавого воскресенья») в «Правде», 1920, №14, 22 января, и в тот же день — в «Петроградской правде», № 15. Без подзаголовков вошло в однотомник 1937 г., откуда и воспроизводится.

Царский сон (стр. 341).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, №14, 22 января, с подзаголовком «Глава XXXVII».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Гул и мджан (стр. 342).— Опубликовано в «Правде», 1920, № 16, 25 января, и в тот же день в газете «Петроградская правда», № 17.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Мы сядилса на ишак

И в Париж гулялся...— В этих и последующих строках сатирически изображается пребывание в Париже Чхеидзе и Церетели в качестве «делегации» меньшевистского правительства Грузии. Чхеидзе и Церетели, ценой продажи национальных интересов грузинского народа, добивались в те дни у Антанты официального отторжения Грузии от Советской России.

Ллойд-Джорджданья — контаминация фамилий премьер-министра Англии Ллойд-Джорджа и главы контрреволюционного меньшевистского правительства Грузии периода гражданской войны Ноя Жордания.

Чхеидзе Н. С.— один из лидеров кавказских меньшевиков. После Октябрьской социалистической революции председатель «Закавказского сейма», созданного для борьбы против Советской власти из эсеров-меньшевистско-дашнакско-ханских членов Учредительного собрания от Закавказья. Впоследствии эмигрировал за границу, где принимал активное участие в контрреволюционной деятельности белоэмигрантских организаций.

Церетели И. Г.— см. примечание к стихотворению «Меньшевистский рай».

Песня труда (стр. 345).— Опубликовано в «Красной газете», 1920, № 22, 31 января, в «Правде», 1920, № 22, 1 февраля, с подзаголовком «Тема для агитационного плаката», и в газете «Беднота», 1920, № 547, 3 февраля. Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Тема стихотворения — созидательный труд советских людей — приобрела особую актуальность в обстановке временной передышки, которую Советская Россия получила после разгрома Колчака, Деникина и Юденича. Коммунистическая партия мобилизовала в этот период трудящихся на восстановление народного хозяйства и наметила великую программу электрификации страны, легшую в основу плана ГОЭЛРО. В докладе о работе ВЦИК и Совнаркома В. И. Ленин говорил 2 февраля 1920 г.: «...мы покажем, что мы умеем перейти к задачам строительства на целый ряд лет, к задачам перевода всей России на высшую техническую базу...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 311).

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

К о н о к р а д ы (стр. 349).— Впервые опубликовано в газете «Петроградская правда», 1920, № 23, 1 февраля, без названия, под рубрикой «Маленький фельетон». Перепечатано в «Правде», 1920, № 23, 3 февраля, под названием «Конокрады».

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Этот стихотворный фельетон является откликом на сообщения газет об аресте Юденича, пытавшегося после поражения под Петроградом бежать за границу с остатками денежных средств армии.

В первопечатном тексте отсутствовала третья строфа, а вторая, начиная с четвертой строки, читалась так:

И, оказавшись вором, был арестован прокурором.
Выходит так, что брал наш Красный Петроград
Не генерал, а конокрад.

Колчак — прохвост на тст же лад — намек на расхищение и передачу империалистам Англии, Франции и Японии части золотого запаса Советской России, захваченного белогвардейцами в Казани.

Б л а г о с л о в е н и е (стр. 350).— Впервые опубликовано в газете «Петроградская правда», 1920, №31, 11 февраля, с подзаголовком «Посвящается Петроградской революционной армии труда». (Подзаголовок снят при издании книги «К борьбе, труду, победе!», изд. «Уралкнига», 1925.) Газета вышла в этот день под лозунгом: «От боевых подвигов — к подвигам труда!» и с сообщением на первой странице: «10 февраля в 15 час. председателем Совета Рабоче-Крестьянской Обороны тов. Лениным подписан декрет о превращении 7-й армии в Петроградскую революционную Армию Труда».

В первопечатном тексте третья строфа имела следующий вид:

Отбив рукой вооруженной
Напор двух вражеских осад,
Работой дружной, напряженной
Спасли мы Красный Петроград.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928, где стихотворение ошибочно датировано 1921 г.

Ученому и борцу профессору К. А. Тимирязеву (стр. 352).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 39, 21 февраля.

Написано в связи с избранием К. А. Тимирязева рабочими вагонных мастерских Московско-Курской железной дороги депутатом Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Текст печатается по газете «Правда».

Стара — помирать пора (стр. 353).— Впервые опубликовано в «Красной газете», 1920, № 52, 6 марта, перепечатано в газете «Беднота», 1920, № 576, 7 марта. Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

На свет! (стр. 357).— Опубликовано в «Красной газете», 1920, № 53, 7 марта, и в «Правде» в Международный женский день, 1920 (без номера), 8 марта. Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по однотомнику 1937 г., где стихотворение ошибочно датировано 3 ноября 1923 г.

Обмен (стр. 359). — Впервые опубликовано в газете «Петроградская правда», 1920, № 57, 12 марта.

Стихотворение написано в связи с прекращением блокады и решением Антанты возобновить торговые отношения с Советской Россией.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926, где стихотворение датировано 21 февраля 1920 г.

Керзон Д.— министр иностранных дел Англии с 1919 по 1924 г. Один из организаторов иностранной военной интервенции против Советской России.

Забуквари (стр. 361).— Агитационное стихотворение о ликвидации неграмотности. Впервые опубликовано в «Красной газете», 1920, № 77, 7 апреля, с подзаголовком «Тема для плаката». Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

В приветственной речи, обращенной к первому Всероссийскому съезду по внешкольному образованию, В. И. Ленин говорил о ликвидации неграмотности среди взрослого населения как одной из насущных политических задач и предлагал принять меры, «которые всякого грамотного человека заставили бы смотреть, как на свою обязанность, на необходимость обучения нескольких неграмотных» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 309).

Текст печатается по однотомнику 1937 г., где стихотворение датировано 1919 г.

Р а б о ч и й п р и в е т (стр. 362).— Стихотворение написано в связи с пятидесятилетием со дня рождения В. И. Ленина. Опубликовано в «Правде», 1920, № 86, 23 апреля, под названием «Истинный привет», и в тот же день — в газете «Петроградская правда», № 87. Под названием «Рабочий привет» вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Т р и з н а (стр. 363).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 127, 13 июня, откуда и воспроизводится.

О ц е н к а (стр. 364).— Опубликовано в «Правде», 1920, № 128, 15 июня, и в тот же день — в «Красной газете», № 129.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

К р ы м с к о е в о р о н ь е (стр. 366).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 131, 18 июня, с подзаголовком «Красноармейская песенка».

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Врангель П. Н.— генерал царской армии. Участвовал в походе Деникина, после разгрома которого возглавил контрреволюцию в Крыму и на юге Украины. В ноябре 1920 г. врангельские войска были разбиты Красной Армией, после чего Врангель бежал в Константинополь.

К л и м о в к о н ь (стр. 368).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 133, 20 июня, с подзаголовком «Басня». Без подзаголовка вошло в IV том собрания сочинений, 1926, откуда и воспроизводится.

Н а ш и м б р а т ь я м — п о л ь с к и м к р е с ь т ь я н а м (стр. 370). — Стихотворное обращение написано поэтом в дни Житомирского прорыва польского фронта Первой конной армией; выпущено листовкой, датированной 28 июня 1920 г. Позднее опубликовано в «Правде», 1920, № 153, 14 июля. В том же номере газеты напечатано: «Господа буржуи Варшавы, Парижа и Лондона! Теперь вы научитесь ценить гигантскую силу революционной России.

Трепещите! Не польский фронт прорван — ваш буржуазный фронт прорван. Не польские войска бегут — ваши буржуазные войска бегут! Красная лавина стремительно движается по их пятам вперед на запад! Вы хотели гибели рабоче-крестьянской революции — вы подписали себе смертный приговор!»

Текст печатается по газете «Правда».

Б о л ь ш а я ш т у к а — н а у к а (стр. 373).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 151, 11 июля, с подзаголовком «Частушки Западного фронта». Вошло в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Посвящено победоносному наступлению Красной Армии на польском фронте. В. И. Ленин, обращаясь к отправлявшимся на фронт красноармейцам, говорил, что они идут на войну против польских панов и помещиков, идут не как угнетатели, а как освободители польского народа: «Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор...» (В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 31, стр. 106).

Этими идеями проникнуты стихи Д. Бедного, написанные им в связи с войной, навязанной Советскому государству белопанской Польшей: «Большая штука — наука», «Нашим братьям — польским крестьянам», «Пан Кмита» и др.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

«*Матка бозка*», «*Езус Христос*», «*шляхта*», «*майонтек*» — польские слова, обозначают: мать божия, Иисус Христос, дворяне, помещичье имение.

Пилсудский И. — польский буржуазный националист, милитарист, провозгласил себя в 1918 г. «Начальником польского государства», а в 1920 г. произвел себя в ранг «Первого маршала Польши». Потерпев поражение в развязанной им, по указке Антанты, войне с Советской Россией, временно отошел от власти. Впоследствии, при помощи иностранных капиталистов, стал фашистским диктатором Польши (1926—1935).

Ж е с т к и й с р о к (стр. 376).— Первая публикация не установлена.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

П е ч а л ь (стр. 378).— Написано 13 сентября 1920 г. в Полесье. Напечатано в журнале «Красная новь», 1921, № 3.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

А н у! (стр. 380).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 214, 26 сентября. Вошло в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Стихотворное обращение к советской коннице написано в связи с начавшимся контрнаступлением войск белопанской Польши. Строки:

*При грозном имени — Буденный,
Пан, под собой не чуя ног,
Бежит, как заяц заведенный... —*

напоминали о Житомирском прорыве польского фронта (июнь 1920 г.). красною конницей, после которого началось стремительное отступление польских войск. С. М. Буденный сообщал тогда в штаб фронта: «Паны научились уважать конницу; бегут, очищая перед нами дорогу, опрокидывая друг друга» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 330).

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Т р у д (стр. 383).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 220, 3 октября.

«Коммунистические субботники»,— писал В. И. Ленин,— именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 391).

Стихотворение посвящено субботнику, организованному Московским Комитетом партии 3 октября 1920 г.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

М а н и ф е с т б а р о н а ф о н В р а н г е л я (стр. 384).—Написан Д. Бедным в ставке М. В. Фрунзе, в дни подготовки общего наступления на Южном фронте. Эта пародия на манифест ставленника монархистов и интервентов барона Врангеля получила широкую известность. В архиве писателя хранится листовка с текстом стихотворения и обозначением места выхода: «Южный фронт», и даты — 5 октября, а также плакат «Царский жандарм барон Врангель», на котором изображены Врангель и Николай II. Другой плакат: «Манифест барона фон Врангеля», с тем же стихотворным текстом, выпущенный литературно-издательским отделом Политуправления украинского РВС республики, находится в музее Советской Армии.

«Манифест» был опубликован в «Правде», 1920, № 238, 24 октября.

Позднее в стихотворении «Памяти милого друга, боевого товарища...» (1925), посвященном М. В. Фрунзе, Д. Бедный вспоминал:

Друг, милый друг!.. Давно ль?.. Так ясно вспоминаю:
 Агитку настрочив в один присест,
 Я врангельский тебе читаю «Манифест»:
 «Ихъ фанге ан. Я нашинаю...»
 Как над противником смеялись мы вдвоем!
 «Ихъ фанге ан!.. Ну до чего ж похоже!»
 Ты весь сиял: «У нас среди бойцов — подьем.
 Через недели две мы «нашинаем» тоже!»

Об обстановке, в какой создавался «Манифест», поэт вспоминает также в стихотворении «Как мы его добивали (по поводу смерти барона Врангеля-Крымского)», опубликованном 28 апреля 1928 г.:

Как я писал тогда «агитки»!
 Бил по-мужицки «под микитки»!
 Под общий смех — в один присест!—
 У Фрунзе, помню, средь вагона
 Махнул от имени барона
 Красноармейцам — «Манифест»!

Текст «Манифеста» печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Антантой признанный на треть — имеется в виду официальное признание Францией (10 августа 1920 г.) «правительства» Врангеля. Франция являлась одним из трех империалистических государств, основавших Антанту.

К р а с н а я к о н н и ц а н а Ю ж н о м ф р о н т е (стр. 386). — Первая публикация не установлена. Под названием «Красная конница» и с подзаголовком «На Южном фронте» помещено в книге Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

К о н н а я В т о р а я (стр. 389).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1920, № 764, 27 октября, под заглавием «Вторая конная».

Вторая конная армия образована из четырех кавалерийских дивизий по приказу Реввоенсовета Юго-Западного фронта от 16 июля 1920 г. Действовала против войск Врангеля.

В первопечатном тексте имелась заключительная строфа, которая впоследствии была снята автором:

Чтоб рабочую ухватку
 Показал я на миру,—
 Чтобы чашу без остатка
 Осушил я на пиру.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Л а т ы ш с к и е к р а с н ы е б о й ц ы (стр. 391).— Первая публикация не установлена.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Ч е с т ь к р а с н о а р м е й ц у (стр. 392). — Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 250, 7 ноября. Вошло в книгу Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Стихотворение, напечатанное в день третьей годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, посвящено героическим победам Красной Армии на фронтах гражданской войны. 6 ноября 1920 г. В. И. Ленин, подводя итоги побед Советского государства, говорил: «Главная же причина того, что нам сейчас дало победу, главный источник — это героизм, самопожертвование, неслыханная выдержка в борьбе, проявленная красноармейцами, которые умирали на фронте, проявленная рабочими и крестьянами, которые страдали, особенно промышленные рабочие... Они шли на голод, холод, на мучения, чтобы только удержать власть» (В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 31, стр. 372).

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

К у з ь м а Х л о п у ш к и н (стр. 394).— Первая публикация не установлена. С подзаголовком «Фронтвой рассказ» напечатано в книге Д. Бедного «Богатырский бой», Гиз, М. 1921.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Т и т л о д ы р ь (стр. 398).— Стихотворный текст агитационного плаката, изданного художественным отделом Саратов — Роста. Вошло в книгу Д. Бедного «По коню и по оглоблям», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

У з а в о д с к и х в о р о т (стр. 400). — Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 278, 10 декабря.

Эпиграф — несколько измененная строка из стихотворения А. С. Пушкина «Ангел» — в первопечатном тексте был дан без указания имени автора. В шестом томе собрания сочинений, 1927, откуда нами воспроизводится текст, эпиграф ошибочно приписан М. Ю. Лермонтову.

П о с л е д н я я к а п л я (стр. 402).— Впервые опубликовано в «Правде», 1920, № 284, 17 декабря.

Текст печатается по VI тому собрания сочинений, 1927.

З а в я з ь (стр. 404).— Первая публикация не установлена. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

Не забывайте безграмотных братьев (стр. 405).— Первая публикация не установлена. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

П а н К м и т а (стр. 406).— Текст стихотворной листовки, изданной в 1920 г. литературно-издательским отделом Политуправления Реввоенсовета Юго-Западного фронта, с подзаголовками: «Для обманутых польских солдат», «Правдивая повесть». При включении в IV том собрания сочинений первый подзаголовок снят.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Ягеллоны — польская королевская династия.

В о р о н ь е (стр. 413).— Первая публикация не установлена. Вошло в книгу Д. Бедного «Земля! Земля!», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

СОДЕРЖАНИЕ

1917

Нутро	5
Всем сестрам по серьгам	6
Девичья песня	11
Псой	14
Послевыборный астрономический бюллетень	16
Кто с кем	17
Тоже партия	19
Эсеровское бесстыдство	20
Таврический дворец	21
Барский нахрап	22
Светлейший князь Волконский	24
Птицеловы	26
Плохое утешение	27
Мечты 109 депутатов Учредительного собрания	28
Мир!	31

1918

Донская песня	32
У господ на елке	33
Кто защищается	36
Предостережение	37
Клятва	39
Трудовое войско	40
Митрошкин заяц	42

Покойница	44
Мы не одни	45
Мертвое умирает	46
Последний перевал	47
Коммунистическая марсельеза	48
Новожиженские лягушки	50
Революционный гудок	51
Работнице	52
Маяк	53
Песня деда Софрона	54
«Правде»	56
Батрацкая	57
Меньшевистским лицемерам	59
На завалинке (<i>Беседа деда Софрона</i>)	60
Лукерья	62
«Кукушечка»	64
Не забывайте клятвы	66
Утробушка	67
Дед Софрон на завалинке	69
В огненном кольце	70
Господская тень	71
На распутье	72
Вождю	74
«Христос воскрес»	76
Осіновий кіл Раді	77
Темнота («Кулак один .»)	79
Молодняк	81
Мартышка	82
Богомолка	83
В буржуазном стане	84
Товарищеская подмога	85
О попе Панкрате, о тетке Домне и явленной иконе в Коломне	87
Крещение	102
Три позиции	104
Мосье Трике	106
Расказанское положение	110
Казанское чудо	113
Под Самарой	115
Путеводная звезда	117
Красноармейская звезда	118

Не заступайте дороги женщинам	120
Братьям казакам	121
Сказка о батраке Балде и о страшном суде	127
«До этого места!»	134
Мировая сделка	136
Красная винтовка	141
Предисловие к поэме А. С. Пушкина «Гаври- лиада»	144
Красноармейцы	146
Проводы	159

1919

Мужики	162
В монастыре	194
Незабываемое	195
Центрошишка	196
Товарищу	198
Левозеровский романс	199
Просты мои песни	201
Поповская камаринская	202
Лига	205
Послушай	207
Стходная	208
Снежок	210
Частушки (<i>Девичьи</i>)	211
Подругам, сестрам, матерям	212
Корней	213
Утопленник	215
Темнота («У божественной иконы...»)	217
Новая пословица	219
Баллада	220
Правда	222
Старое и новое	231
Земля! Земля!	235
Французская булка	238
Пора!	239
Песня «демократического» кооператора . . .	242
Кулацкий плач	243
«Демократические принципы»	245
«Ме-ме»	247
Меньшевистский рай	249

Выбирайте	252
Генерал Шкура	254
О Митьке-бегунце и об его конце	258
Зарубка	272
Полковник «Кулак-Кулакович»	274
Сударь-барин	276
Не теряйте, товарищи, веры высокой	278
Издыхающая гадина	280
Зажигайте, друзья, боевые огни	281
В буржуйской обжорке	283
Набат	285
К коммунистам	286
Братские могилы	287
Ур-ра!	288
Богатырский бой	291
Боевой призыв	295
Коммунистический сбор	296
Фронтные частушки.	297
Капитал	299
На защиту Красного Питера	301
Манифест Юденича	303
Красный флот	306
Коммунистическая вышка	307
Миллиончик-миллион	309
Привет новым коммунистам	311
Танька-Ванька	314
На берег!	318
Гатчинский урок	320
Правда-матка	323
Тройка	326
Буржуазная элегия	327
Кандидаты на... фонари	328
«Богомольный» буржуй	330
Коммунары	332

1920

О черте	334
На помощь красным бойцам	337
Будьте на страже!	339
День прозрения	340
Царский сон	341

Гулимджан	342
Песня труда	345
Конокрады	349
Благословение	350
Ученому и борцу	352
Стара — помирать пора	353
На свет!	357
Обмен	359
За буквари	361
Рабочий привет	362
Тризна	363
Оценка	364
Крымское воронье	366
Климов конь	368
Нашим братьям — польским крестьянам	370
Большая штука — наука	373
Жесткий срок	376
Печаль	378
А ну!	380
Труд	383
Манифест барона фон Врангеля	384
Красная конница на Южном фронте	386
Конная Вторая	389
Латышские красные бойцы	391
Честь красноармейцу!	392
Кузьма Хлопушкин	394
Тит-лодырь	398
У заводских ворот	400
Последняя капля	402
Завязь	404
Не забывайте безграмотных братьев	405
Пан Кмита	406
Воронье	413
Примечания	417

Редактор *К. Платонова*

Художник *Н. Шишовский*

Художеств. редактор *Н. Мухин*

Технич. редактор *Д. Ермоленко*

Корректоры *В. Брагина*

и *В. Покровская*

*

Сдано в набор 10/VIII-53 г. Под-
писано к печати 24/XI-53 г. А07240.
Бум. $84 \times 108^{1/32} = 7,31$ бум. л. 23,98
печ. л. Уч.-изд. л. 18,6 + I вкл. = 18,65.
Тираж 75 000. Заказ № 555.
Цена 10 р.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Сокзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Валовая, 28.

